

ИЗВѢСТІЯ

Восточно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО русскаго ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціею правителя дѣлъ Н. Н. Агапитова.

Томъ XIII. N 3.

1882 ГОДА.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.		Стр.
Отчетъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла за 1881 годъ - - - - -	1	Свѣдѣнія о метеорологической станціи на устьяхъ р. Лены - - - - -	46
Записка о сообщеніяхъ М. Поляновскаго въ общихъ собраніяхъ Отдѣла 16 и 22 Марта 1881 г. - - - - -	7	По вопросу объ устройствѣ Обь—Енисейскаго воднаго сообщенія - - - - -	48
О народахъ Амурскаго края въ историко-географическомъ и антропологическомъ отношеніяхъ <i>по Музену</i> . - - - - -	10	Кассовый отчетъ Отдѣла за 1881 г. Смѣта на 1882 - - - - -	56
Газетныя извѣстія: матеріалы для изученія шаманства въ Сибири - - - - -	36	Дополнительный списокъ жертвователей на дѣятельность Отдѣла - - - - -	57
Пятнистые олени, барсы и тигры Уссурийскаго края - - - - -	39	Протоколы Отдѣла - - - - -	"
Исслѣдованіе древностей минусинскаго округа енисейской губерніи въ 1881 г. - - - - -	43	Рѣчь правителя дѣлъ Отдѣла по поводу празднованія 6 декабря 1882 г. 300 лѣтняго юбилея Сибири - - - - -	64
		Переселеніе сѣверныхъ оленей на о--въ Беринга - - - - -	69
		Объявленіе - - - - -	70

Иркутскъ.

Печатано въ Типографіи Н. Н. Сидорова.

1882.

ИЗВѢСТІЯ

Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

1882 годъ.

Т. XIII. N 3.

Октябрь.

ОТЧЕТЪ

Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

ЗА 1881 ГОДЪ.

Покровитель Отдѣла

Генераль-Губернаторъ Восточной Сибири, Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ Дмитрій Гавриловичъ Анучинъ.

Предсѣдательствующій въ Отдѣлѣ

Генеральнаго Штаба Генераль-Маіоръ Николай Ивановичъ Петровъ.

Правитель дѣлъ—Н. Н. Агапитовъ.

Члены Распорядительнаго Комитета: П. Г. Меленевскій, П. Ф. Унтербергеръ, А. А. Шамаринъ, В. И. Вагинъ, М. П. Поляновскій, Л. А. Вейнбергъ, А. И. Бобровниковъ, Н. И. Витковскій, Б. І. Ясенскій, М. Н. Козловъ.

Дѣйствительныхъ членовъ въ 1881 году поступило 17, убыло 3, состоитъ къ 1-му января 1882 г. 203, изъ нихъ 3 члена соревнователя. Членовъ соревнователей существовало до 1881 года 18, къ нимъ въ 1881 году присоединилось 13, всего 31, изъ этого числа состоитъ дѣйствительными членами 3; всего дѣйствительныхъ членовъ и членовъ соревнователей—231.

Изъ числа членовъ Отдѣла скончалось двое: Иванъ Ивановичъ Кокшаровъ и Филипъ Филиповичъ Стендеръ*).

По примѣру прежнихъ лѣтъ Распорядительный Комитетъ Отдѣла имѣетъ честь представить Общему Собранію членовъ отчетъ о дѣятельности за минувшій годъ.

Предпріятіе Отдѣла.

Въ истекшемъ году было предпринято три поѣздки съ научной цѣлью на средства Отдѣла и кромѣ того доставлены нѣкоторыми членами Отдѣла ихъ наблюденія и часть собранныхъ ими коллекцій, безъ особаго содѣйствія со стороны Отдѣла.

На средства Отдѣла совершили поѣздки:

1) Г. Черскій съ геологической цѣлью, 2) г. Агапитовъ съ этнографической и археологической цѣлями и 3) г. Витковскій съ археологической цѣлью, кромѣ того послѣдній еще сопровождалъ г. Черскаго въ его экскурсіи по Забайкальской области.

Г. Черскій посвятилъ въ этомъ году теченіе Селенги, части нижнихъ теченій рѣкъ, впадающихъ въ Селенгу: Джиды, Чикоя и Хилока, объѣхалъ

*) Ф. Ф. Стендеръ состоялъ членомъ Отдѣла съ 1872 г. и неоднократно былъ избираемъ членомъ Распорядительнаго Комитета. Изъ сочиненій покойнаго известна книга объ употребленіи паяльной трубки; какъ членъ Отдѣла, Филипъ Филиповичъ, интересуясь минералогіей и геологіей и обладая основательнымъ знакомствомъ съ этими науками, былъ полезенъ Отдѣлу обрѣдѣніями минералогическихъ коллекцій и по его же инициативѣ предположено было выписать микроскопъ и шлифовальную машину съ цѣлью примѣненія къ опредѣленію минераловъ микроскопическаго анализа.

Иванъ Ивановичъ Кокшаровъ, горный ревизоръ, одинъ изъ старѣйшихъ членовъ Отдѣла, выбранъ въ 1862 году.

Гусиное озеро и изслѣдовалъ часть берега Байкала между дельтой р. Селенги и устьемъ р. Кики. Результаты поѣздки г. Черскаго выразились: 1) въ констатированіи въ указанныхъ границахъ высокаго плоскогорья тѣхъ 2-хъ ярусовъ лаврентьевской толщи породъ, которые были имъ ранѣе описаны въ изслѣдованіи береговой полосы Байкала; граница двухъ ярусовъ этой толщи лежитъ на широтѣ Верхнеудинска, къ сѣверу отъ которой развитъ верхній ярусъ, а къ югу вплоть до монгольской границы—нижній ярусъ; 2) въ указаніи на то, что въ весьма древній геологическій періодъ нѣкоторыя части высокаго плоскогорья были покрыты водами, что подтверждается какъ находженіемъ въ хребтѣ, раздѣляющемъ долину Итанцы отъ Байкала, —метаморфического глинистаго сланца, такъ и въ появленіи въ верховьяхъ р. Ичетой сланцевъ петрографически тождественныхъ съ нижнесилнорійскими; 3) въ указаніи на находженіе въ особыхъ обширныхъ бассейновидныхъ расширеніяхъ осадковъ еще болѣе новыхъ, вѣроятно третичныхъ (для опредѣленія собрана коллекція растительныхъ стволовъ двусѣмянодольныхъ растений *); относимыхъ прежде къ каменноугольной, а потомъ юрской эпохѣ; эти интересные осадки встрѣчены г. Черскимъ въ бассейнахъ: Верхнеудинско-Иволгинскомъ, Убукунскомъ, Гусино-озерскомъ, Чикойскомъ и Сухарскомъ; 4) далѣе г. Черскій встрѣтилъ область вулканическихъ изліяній къ югу отъ города Ново-Селенгинска по р. Селенгѣ, а также по Чикою и къ востоку отъ Хилка въ системѣ р. Сухары; 5) въ тѣхъ же третичныхъ бассейнахъ содержатся и постплиоценовые осадки, указывавшіе на болѣе широкое распространеніе озерныхъ водъ; г. Черскій при этомъ предполагаетъ, что между деревней Береговой и Манчиртуемъ *располагалось озеро, соединявшее Чикой съ Хилокомъ и простиравшееся на SW къ Киранскому караулу и въ Монголію, и на W къ Маймачену и, быть можетъ, къ Селенгѣ.*

П. Г. Агапитовъ совершилъ поѣздки по Иркутской губерніи, въ Иркутскомъ и Верхоненскомъ ок-

ругахъ и посѣтилъ островъ Ольхонъ. Спутникомъ г. Агапитова былъ М. Н. Хангаловъ. Ими были осмотрѣны 9 городищъ въ Иркутскомъ округѣ, принадлежащихъ къ общему типу сибирскихъ сооружений этого рода, окруженныхъ валами и рвами, но безъ всякихъ слѣдовъ жилищъ или могилъ, что указывало бы на постоянное мѣстожителство; естественно предполагаетъ г. Агапитовъ, что эти городища или какъ ихъ зовутъ мѣстное бурятское населеніе «Китайскіе дворы» были мѣстами защиты въ тревожное время войнъ и непріятельскихъ вторженій, такъ часто случавшихся въ жизни степняковъ. На Ольхонѣ и въ противоположной береговой полосѣ осмотрѣны и измѣрены «каменные стѣны», по своему назначенію соответствовавшія городищамъ степныхъ мѣстностей и приспособленныя къ горной природѣ Ольхона и Приморскаго хребта.

Тутъ-же найдено нѣсколько обширныхъ кладбищъ особаго типа; раскопка дала 3 скелета и коллекцію горшковъ, оружія и украшеній; обитатель этого края принадлежалъ къ монгольскому типу и уже находился въ началѣ желѣзнаго вѣка. Не менѣе интересно было находженіе долбленыхъ камней, какъ на Ольхонѣ, такъ и въ Иркутскомъ округѣ.

Наконецъ по берегу Байкала на утесахъ открыты неизвѣстныя дотолѣ въ литературѣ изображенія на скалахъ, отчасти напоминающія сходныя изображенія въ верховьяхъ Енисея, въ Западной Сибири и на Онежскомъ озерѣ.

Прибрежье Байкала и островъ Ольхонъ оказываются весьма богатыми древностями; между прочимъ говорятъ очевидцы о существованіи особо устроенныхъ дорогъ, что можетъ вмѣстѣ съ другими памятниками свидѣтельствовать о болѣе развитой культурѣ, чѣмъ та, которую застали въ данной мѣстности сибирскіе казаки въ половинѣ XVII вѣка.

Слѣды болѣе древней эпохи—именно каменнаго періода—находятся съ несомнѣнностью и въ ближайшихъ окрестностяхъ Байкала, по крайней мѣрѣ, въ бассейнѣ р. Куды, отъ мѣстнаго жителя, г. Агапитовымъ пріобрѣтено очень хорошо отполированное нефритовое долото.

*) Къ сожалѣнію кромѣ стволовъ собрано недостаточно другихъ частей растенія, что дало бы опредѣленію несомнѣнность.

Остатки каменнаго вѣка были также найдены г. Хангаловымъ по р. Унгѣ въ Балаганскомъ округѣ; остатки эти состоятъ изъ гранитнаго грузила, стрѣлъ, ножицковъ и копья весьма грубо оббитыхъ, и нѣсколькихъ черепковъ древней глиняной посуды. Предметы, собранные г. Хангаловымъ, описаны г. Агапитовымъ.

III. Г. Витковскій, по возвращеніи изъ поѣздки съ г. Черскимъ, доставившей ему гербарій, продолжалъ свои раскопки могилъ по р. Китою; ему вновь удалось извлечь 12 костяковъ члвчска каменнаго вѣка съ значительной коллекціей орудій и орудій изъ камня и кости; г. Витковскій предполагаетъ также, что имъ найдено вблизи могилъ и мѣсто стоянки первобытнаго члвчска.

4). Г. Мартыановъ, предполагавшій совершить поѣздку отчасти съ археологической цѣлью, былъ задержанъ своими постоянными занятіями, но тѣмъ не менѣе въ сообществѣ съ г. Боголюбскимъ разрылъ одинъ курганъ.

5). Г. Боголюбскій осмотрѣлъ одну изъ 8 пещеръ въ известнякѣ лѣваго берега Енисея въ Красноярскомъ округѣ; изъ пещеры значительныхъ размѣровъ (11 сажень длины) взяты г. Боголюбскимъ съ поверхности нѣсколько костей, принадлежащихъ лошади, по преимуществу быку и двугорбому верблюду (*Camelus bactrianus*) и 1 черепокъ глинянаго горшка; раскопокъ г. Боголюбскій не производилъ, но пещеры заслуживаютъ вниманія и раскопки могли бы увѣнчаться неожиданнымъ успѣхомъ.

Затѣмъ г. Боголюбскій, въ бытность свою въ Минусинскѣ лѣтомъ, при содѣйствіи г. Мартыанова, сдѣлалъ снимки руническихъ письменъ на писанныхъ камняхъ, находящихся нынѣ въ музеѣ г. Минусинска и снятыхъ въ количествѣ 5 изъ разныхъ пунктовъ округа, причѣмъ нѣкоторые уже были перемѣщаемы. Одинъ изъ камней съ буквенными руническими начертаніями былъ изслѣдованъ Кастреномъ и снимки отпечатаны и приложены къ статьѣ Спаскаго (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1857 г. книжка XII, т. VI). Снимки, доставленные г. Боголюбскимъ, исполнены

съ возможной точностью и въ естественную величину, г. Станкевичемъ.

6). П. Г. Сулковскій, командированный г. Генераль-Губернаторомъ на крейсеръ «Стрѣлокъ», плававшій въ русскихъ водахъ Великаго и Ледовитаго океана произвелъ во время плаванія и остановокъ интересныя наблюденія надъ жизнью животнаго міра и члвчска; на возвратномъ пути г. Сулковскій проѣхалъ черезъ китайскіе порты и Монголію. Наблюденія свои Петръ Григорьевичъ Сулковскій изъявилъ желаніе сообщить въ одномъ изъ общихъ собраній, а музею пожертвовалъ 2 полныхъ костюма (мужской и женской) ламутовъ.

Учено-литературная дѣятельность Отдѣла.

Какъ и въ ближайшіе истекшіе годы литературная дѣятельность членовъ Отдѣла ограничивалась изданіемъ «Извѣстій».

Въ 1881 году выпущено три выпуска «Извѣстій» въ пяти нумерахъ; послѣдній выпускъ запоздалъ выходомъ изъ типографіи и появится въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1882 г. Въ 5 нумерахъ Извѣстій за 1881 годъ напечатаны слѣдующія статьи, не считая Отчета за 1880-й годъ:

- 1). Вагина. Замѣтки объ общинномъ бытѣ Забайкальскихъ казаковъ III пѣнаго Отдѣла.
- 2). Н. А. Таблицы вскрытія и замерзанія рѣкъ Восточной Сибири.
- 3). И. Д. Черскаго. Предварительный отчетъ о геологическомъ изслѣдованіи береговой полосы озера Байкала за 1880-й годъ. (Годъ 4-й и послѣдній).
- 4). Янковскаго. Островъ Аскольдъ.
- 5). Его-же Кухонные остатки и каменные орудія съ береговъ Амурскаго залива.
- 6). Шамарина А. А. Анализъ каменнаго угля.
- 7). Боголюбскаго И. С. Пещеры по р. Бирюсѣ.
- 8). Агапитова Н. Н. Прибайкальскія древности (отчетъ о поѣздкѣ 1881 года).
- 9). Его-же. Слѣды каменнаго вѣка въ бассейнахъ р. Куды и Унги.
- 10). Черскаго. Нѣкоторыя дополненія къ Азін Риттера.

11). Его-же. Къ вопросу о слѣдахъ древнихъ ледниковъ въ Восточной Сибири. (Система р. Лены, Байкала, Иркуты, Китою и Бѣлой).

12). Въ Отдѣлѣ «Разныя Извѣстія» кромѣ статей Янковскаго о кухонныхъ остаткахъ и И. С. Боголюбскаго «Пещеры, близъ д. Бирюсы» помѣщены: Полярныя экспедиціи въ 1880 году, «Между народныя полярныя станціи», Элементарное образование у китайцевъ на островѣ Явѣ, Корейско-французскій словарь, Библиографія.

13). Протоколы засѣданій Распорядительнаго Комитета и Общихъ Собраній.

Занятія Общихъ Собраній и Распорядительнаго Комитета.

Общихъ Собраній въ 1881 году было четыре: 19, 22 и 26 марта и 20 декабря. На этихъ собраніяхъ дѣлали сообщенія: 1) 19 марта П. И. Першинъ прочиталъ о своихъ наблюденіяхъ надъ жизнью бурятъ ламаитовъ Агинской степи; чтеніе П. И. иллюстрировалось рисунками типовъ и домашней обстановки. 2) 19 и 22 марта М. П. Поляновскій прочиталъ о дѣятельности Л. А. Большева по картографіи края, топографической съемкѣ и астрономическому опредѣленію мѣстъ по широтѣ и долготѣ и о собственныхъ астрономическихъ работахъ въ Забайкальской области. Записка М. П. Поляновскаго съ перечисленіемъ опредѣленныхъ астрономическихъ пунктовъ помѣщается въ приложеніи къ отчету.

26 марта состоялось годовое собраніе, на которомъ прочитанъ былъ отчетъ за 1880-й годъ и утверждены собраніемъ смѣты на 1881 годъ, предположенія относительно лѣтныхъ экскурсій, предположенія Распорядительнаго Комитета по поводу измѣненій, вызываемыхъ настоятельной необходимостью, въ управленіи денежными дѣлами Отдѣла и по вопросу о пополненіи сдѣланныхъ въ прежніе годы позаимствованій изъ капиталовъ съ спеціальнымъ назначеніемъ.

20 декабря состоялось сообщеніе Н. Н. Агапотова объ археологическихъ результатахъ его поѣздки въ Иркутскій и Верхоленскій округъ. Во время чтенія выставлены были для разсматриванія рисунки и

фотографіи могилъ и изображеній на скалахъ, чертежи городищъ и предметы, добытые раскопками. Въ томъ же собраніи на время отсутствія Предсѣдателя Отдѣла Н. Н. Петрова изъ членовъ Распорядительнаго Комитета избранъ большинствомъ голосовъ П. Ф. Унтербергеръ временнымъ предсѣдателемъ на основаніи п. 1. дополненія къ § 6 Положенія о Сибирскомъ Отдѣлѣ.

Распорядительный Комитетъ въ 1881 году собирался 13 разъ. Наибольшее вниманіе Комитета было обращено: 1) На обсужденіе вопросовъ по устройству метеорологической станціи на устьяхъ р. Лены и выслушаніе записокъ по этому предмету отъ барона Майделя, отъ г. Горохова и другихъ. 2) На обсужденіе отчета за 1880-й годъ, смѣты на 1881 годъ и заключеній Ревизіонной Комиссіи по повѣркѣ отчета за 1880-й годъ и составленіе мнѣнія Распорядительнаго Комитета объ этомъ заключеніи. 3) На вопросъ объ устройствѣ помѣщенія для музея, бібліотеки и залы собраній, на вопросъ о приобрѣтеніи мѣста для постройки собственнаго дома съ этой цѣлью изъ суммъ, пожертвованныхъ многими лицами на этотъ предметъ и вообще на развитіе дѣятельности Отдѣла.

Протоколы засѣданій Распорядительнаго Комитета и постановленія Общихъ Собраній напечатаны въ приложеніяхъ къ 1 и 3-му выпускамъ «Извѣстій» за 1881 годъ.

Состояніе бібліотеки и музея.

Библіотека въ истекшемъ году увеличилась на 174 названія въ 442 книгахъ; почти половина числа книгъ вновь поступившихъ состоитъ изъ періодическихъ изданій (16 названій въ 211 книгахъ), выписанныхъ на средства Отдѣла съ начала 1881 г. Къ 1882-му году состоитъ названій 1,158 въ 4,136 номерахъ книгъ, картъ плановъ, фотографій и брошюръ. Приращеніе музея шло послѣдовательно и выразилось въ поступленіи 1,961 нумера, что съ прежде бывшими 572 номерами (въ отчетѣ за 1880 годъ произошла опечатка и показано 672) составитъ 2,533 номера. Наиболѣе значительны: коллекціи г. Витковскаго, относящіяся къ каменному вѣку, кол-

лекціи изъ свайныхъ построекъ Коринтіи отъ Н. М. Мартыанова; курганный серебряный сосудъ отъ Г. П. Сафьянова, два костюма ламутовъ отъ П. Г. Сулковскаго, костюмъ орокона отъ неизвѣстнаго, коллекція бабочекъ съ о-ва Аскольда отъ г. Янковскаго, чучело тигра отъ г. Холминскаго и коллекція отпечатковъ рыбъ и ракообразныхъ съ р. Турги (Забайкальской области отъ г. Краморева) и отъ г. Назарова 8 шкурокъ птицъ и млекопитающихъ и собраніе птичьихъ яицъ.

Кассовый отчетъ.

Въ 1881 году по приходу числилось:

Остатка въ капиталахъ по номинальной стоимости - - - -	9,250 р.
Остатокъ наличныхъ денегъ - -	221 р. 89 к.

Поступило въ 1881 году:

а) на текущія нужды - - - -	5,015 р. 14 к.
б) въ неприкосновенный капиталъ бумагъ нарицательной стоимости 2,800 р., въ покупкѣ - - - -	2,683 р. 25 к.
и наличными деньгами - - - -	43 р. 19 к.
в) въ капиталъ на постройку дома и развитіе дѣятельности пожертвовано - - - - -	23,706 р. 81 к.

Итого—въ бумагахъ 12,050 р. (стоим. 11,530 р. 30 к.) и 28,987 р. 3 к. наличными деньгами.

А если изъ этой суммы исключить капиталъ, имѣющій уже опредѣленное назначеніе, то останется (неприкосновеннаго и запаснаго капитала), принадлежащихъ Отдѣлу только 5,899 р. 90 к. Сумма 5,015 р. 14 к. на текущія нужды составила: изъ 2,750 руб. субсидіи, что составляетъ 50,8⁰/₀; изъ 1,200 руб. членскихъ взносовъ (1,170 р.) и подписки на «Извѣстія» (30 р.)—т. е. 23,9⁰/₀; и остальные приходныя статьи вмѣстѣ—25,7⁰/₀. По сравненію съ 1880-мъ годомъ истекшій представляетъ нѣкоторыя особенности, именно увеличенное поступленіе членскихъ взносовъ съ 8,3⁰/₀ на 23⁰/₀*).

*) Считая въ томъ числѣ и суммы, полученныя отъ подписки на Извѣстія.

Расходъ произведенъ въ количествѣ 5,441 р. 44 коп. на текущія нужды, затѣмъ совершена была покупка процентныхъ бумагъ изъ пожертвованныхъ суммъ на устройство музея на 21,708 р. 17 к. и произведено перечисленіе изъ запаснаго капитала по постановленію Общаго Собранія въ спеціальныя капиталы процентныхъ бумагъ 650 руб. номинальной стоимости (въ покупкѣ 593 р. 12 к.).

Какъ видно изъ прилагаемаго подробнаго кассоваго отчета 1881 годъ законченъ съ дефицитомъ въ 204 р. 41 к. вслѣдствіи невыполненія смѣты приходной по статьямъ: проценты и поступленіе долговъ; такъ какъ проценты получены въ 1882 году, то сдѣланное для погашенія дефицита заимствованіе ихъ спеціальныхъ суммъ покрыто—въ этомъ году.

В а к л ю ч е н і е.

Закончившійся годъ принесъ Отдѣлу значительное увеличеніе средствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наложилъ новое обязательство и выдвинулъ задачи, хотя и прежнія, но свѣтилъ ихъ особенно ярко. Увеличился неприкосновенный капиталъ на 2,800 р. и образовалась сумма болѣе, чѣмъ въ 23 т. рублей на постройку дома и развитіе дѣятельности. Какъ видно изъ напечатанныхъ протоколовъ за прошлый годъ, пожертвованная сумма, предполагавшаяся на устройство помѣщенія и развитіе дѣятельности Отдѣла, вполнѣ уйдетъ на удовлетвореніе первой цѣли—постройки дома и даже теперь уже ясно, что эта сумма недостаточна для этой цѣли, такъ какъ скольконибудь удобное и прочное помѣщеніе для музея, библіотеки и собранія не можетъ стоить дешевле 35 т. рублей, какъ предположено по смѣтѣ на постройку дома; капиталъ же достигаетъ вмѣстѣ съ существовавшими ранѣе 5,000 р. на ремонтъ дома только 28 т.

Постройка собственнаго помѣщенія для Отдѣла вызывается настоятельной необходимостью—въ частномъ домѣ за недорогую цѣну (а большіе расходы непосредствѣмъ Отдѣлу) невозможно найти удобное помѣщеніе для библіотеки и музея съ залой для собраній. Расходъ на постройку дома поглотитъ все наличныя средства, а между тѣмъ будетъ для От-

дѣла лишь мертвымъ капиталомъ; Отдѣлу представляется новая обязанность изыскать средства для выполненія тѣхъ задачъ, которыя частью возникли послѣ пожара, частью всегда входили въ кругъ предначертаній общества; эти задачи Распорядительный Комитетъ, видя, во-1-хъ въ составленіи естественно-историческаго и главнымъ образомъ этнографическаго, (а отчасти и археологическаго и антропологическаго) музея, а во-2-хъ въ собираніи этнографическихъ, метеорологическихъ и другихъ научныхъ матерьяловъ черезъ посредство какъ своихъ членовъ, такъ и другихъ интересующихся наукой лицъ изъ разныхъ мѣстностей Восточной Сибири, по особо составленнымъ планамъ и программамъ.

Необходимость музея сознается и лицами, интересующимися наукой и принесетъ несомнѣнную пользу учащемуся юношеству, для котораго отдѣльные учебныя заведенія не могутъ доставить такого обширнаго матеріала, собраніе котораго въ музей общества явится не слишкомъ затруднительнымъ. Комитетъ не преминетъ озаботиться въ текущемъ году составить программу для собиранія естественно-историческихъ и этнографическихъ предметовъ и придать ей возможно широкое распространеніе. Но сдѣлавъ съ своей стороны все возможное для образованія музея, Комитетъ питаетъ надежду, что его предположенія встрѣтятъ сочувствіе какъ въ членахъ общества, преимущественно въ средѣ членовъ соревнователей, такъ и между лицами, которымъ дорого развитіе учащагося юношества и распространеніе свѣдѣній о странѣ, что неизбѣжно произойдетъ когда возникнетъ богатый мѣстными формами музей.

Разсчеты свои на сочувствіе Комитета основываетъ и на неоднократномъ вниманіи къ предпріятіямъ Отдѣла со стороны его членовъ и сибирскихъ капиталистовъ, но также на замѣтномъ въ послѣднее десятилѣтіе усиленіи интереса къ географической наукѣ; такой интересъ возникъ почти повсемѣстно, и особенно выражается въ увеличеніи Географическихъ Обществъ, увеличеніи членовъ и наростаніи капиталовъ, употребляемыхъ на географическія изслѣдованія *).

*) Всѣхъ географическихъ обществъ въ 1870 г. (*Geographisches Jahrbuch VIII Band. 1880, S 620*) (съ 1821, когда от-

Комитетъ имѣетъ возможность найти такихъ лицъ, которыя примутъ на себя трудъ доставлять для музея шкурки и коллекціи, изъ разныхъ областей Восточной Сибири, но для покрытія расходовъ по приобрѣтенію коллекцій и по приглашенію опытнаго препаратора для изготовленія чучель животныхъ и манекеновъ для инородческихъ костюмовъ этнографическаго музея потребуются такія экстраординарныя суммы, которыя въ распоряженіи Комитета не находятся. Изъ кассоваго отчета видно, что за исключеніемъ суммъ на постройку дома и другихъ, имѣющихъ свое опредѣленное назначеніе (степендія Петра Вел., изслѣдованіе пріисковъ) и неприкосновеннаго капитала (4,517 р. 64 к.) останется только запаснаго капитала 1,382 р. 26 коп., которыя могли бы быть употреблены на устройство музея, но очевидно, что такая незначительная сумма не покроетъ самыхъ первыхъ расходовъ и потому Отдѣлу придется рѣшить въ самомъ близкомъ будущемъ такую диллему: или изыскать новыя средства на такое важное и полезное дѣло, какъ музей, важное для Общества и для края, или отказаться отъ своихъ намѣреній и довольствоваться тѣми случайными поступленіями, въ видѣ отдѣльныхъ шкурокъ животныхъ, случайно приобрѣтенныхъ этнографическихъ предметовъ и другихъ коллекцій, отъ которыхъ вслѣдствіе ихъ отрывочности и безъ системности нельзя извлечь никакой серьезной пользы.

Комитетъ оттого такъ распространился въ заключеніи отчета о предстоящихъ задачахъ и средствахъ ихъ выполненія, чтобы съ одной стороны ознакомить съ ними членовъ Общества и привлечь возможно большее число лицъ, какъ къ выполненію или обсужденію ихъ, такъ и къ участію въ изысканіи денежныхъ средствъ, если предположенія Комитета встрѣтятъ сочувствіе членовъ; съ другой

крылось старѣйшее общество въ Парижѣ по 1870 г. слѣдовательно въ полулѣтковой періодъ) было 20, съ тѣхъ поръ, въ слѣдующее десятилѣтіе, съ 1870 по 1880 возникло вновь вдвое больше, т. е. 40 обществъ. Прогрессъ весьма замѣчательный; съ того времени число это еще возрасло и продолжаетъ возрастать. Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества занимаетъ десятое мѣсто по времени своего образованія, считая со времени открытія старѣйшаго Парижскаго Географическаго Общества.

стороны Комитетъ полагалъ полезнымъ представить тѣ затрудненія, которыя являются въ дѣлѣ выполненія предначертаній, обязательныхъ для Общества въ силу прямого смысла его устава*).

Записка о сообщеніяхъ М. Поляновскаго въ общихъ собраніяхъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества 16 и 22 марта 1881 года.

19 марта я прочиталъ прощальное слово покойному Л. А. Большеву и въ слѣдующихъ выраженіяхъ охарактеризовалъ его дѣятельность по географическому изслѣдованію мѣстностей Восточной Сибири:

Въ концѣ 1873 года Логинъ Александровичъ Большевъ прибылъ въ Иркутскъ въ качествѣ помощника начальника Военно-Топографическаго Отдѣла. Масса картографическаго матеріала, найденнаго имъ въ архивѣ Топографическаго Отдѣла, тогда-же дала ему мысль воспользоваться ими для составленія подробныхъ картъ изслѣдованныхъ мѣстностей. Пробѣлы онъ задумалъ пополнить топографическими работами. Для опорныхъ же пунктовъ задумалъ рядъ астрономическихъ опредѣленій мѣстъ по широтѣ и долготѣ. Такимъ образомъ онъ является астрономомъ въ Татарскомъ проливѣ въ 1874 году и руководителемъ топографической экспедиціи тамъ-же, гдѣ одновременно съ топографической съемкой береговой полосы отъ залива Де-Кастри до залива Пластиунъ, веденной чинами Военно-Топографическаго Отдѣла съ такими громадными усиліями и жертвами, имъ опредѣлены отъ Николаевска и Владивостока: Де-Кастри, Императорская гавань, заливъ Св. Ольги.

Въ декабрѣ того-же 1874 года вмѣстѣ съ астрономомъ Глазенапомъ около села Никольскаго онъ наблюдалъ прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца и въ Южно-Уссурийскомъ краѣ опредѣлил Никольское и Камень-Рыболовъ.

*) § 3, пунктъ 4: Сибирскій Отдѣлъ старается объ учрежденіи хранилищъ матерьяловъ и ученыхъ пособій, относящихся къ кругу своихъ занятій, какъ-то: библиотеки сочиненій, изданныхъ о Сибири, депо мѣстныхъ картъ, статистическаго архива и этнографическаго музеума.

Въ 1875 году онъ опредѣлил 15 астрономическихъ пунктовъ въ Забайкальской области по рѣкамъ Ингодѣ, Агѣ, Онону, Ундѣ и въ верховьяхъ Газимура.

Вначалѣ 1876 года Логинъ Александровичъ уже былъ въ Петербургѣ съ представленіемъ результатовъ татарской экспедиціи. Въ томъ-же году онъ дѣлалъ астрономическія опредѣленія въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ, опредѣливъ всего 15 пунктовъ. Въ то же время былъ главнымъ руководителемъ нивелировки отъ Кимельтея до озера Байкала, веденной по порученію Отдѣла Географическаго Общества А. М. Крамаревымъ.

Осенью того-же года Логинъ Александровичъ принялъ въ управленіе Межевое Отдѣленіе Казачьихъ Войскъ и Съемочное Отдѣленіе Главнаго Управленія Восточной Сибири.

Съ этого времени и до весны 1878 года Л. А. ознакомился съ новымъ матеріаломъ, найденнымъ вначалѣ въ архивахъ Межеваній и Съемочнаго Отдѣленія, а потомъ въ музеѣ Отдѣла Географическаго Общества, гдѣ онъ къ этому времени уже былъ предсѣдательствующимъ.

Въ концѣ 1878 года онъ былъ назначенъ Начальникомъ Военно-Топографическаго Отдѣла Восточно-Сибирскаго военнаго округа. Этимъ послѣднимъ назначеніемъ ему открылся широкій путь къ цѣли созданія картъ мѣстностей Восточной Сибири, по имѣющимся въ его распоряженіи матеріаламъ. Но пожаръ 24 іюня 1879 года истребилъ, какъ его личные труды по географическому опредѣленію мѣстъ, такъ и всѣ архивы со всѣми матеріалами. Изъ всѣхъ его работъ я успѣлъ вычислить только наблюденія 1875 года въ свободное время зимы 1878—79 годовъ. Результаты этихъ вычисленій для 15 пунктовъ только и сохранились. Будь Л. А. живъ, многое по описанію посѣщенныхъ имъ мѣстностей могло бы быть восстановлено; но мгновенная его смерть, 3 Августа 1880 года, отняла эту возможность.

Въ общемъ собраніи Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества въ Иркутскѣ 22 марта 1881 года я представилъ очеркъ астрономи-

ческих работъ въ Забайкальской области, произведенных мною въ 1878, 1879 и 1880 годах съ цѣлью полученія опорныхъ пунктовъ для составленія, по плану покойнаго Л. А. Большева, подробной карты названной области. Описавъ, бывшіе въ моемъ распоряженіи инструменты: вертикальный кругъ Репсольда съ принадлежности и 8 столовыхъ хронометровъ, я въ короткихъ словахъ представилъ самый ходъ астрономическихъ наблюдений, результатомъ которыхъ является широта и долгота пункта, съ котораго произведены наблюденья. Тутъ-же выяснилась точность, какъ наблюдений, такъ и получаемыхъ результатовъ.

Въ концѣ 1878 года около села Стрѣтенска (вблизи Делюнской станціи) измѣренъ базисъ для тригонометрическихъ работъ, служащихъ основаніемъ топографической съемкѣ.

Въ 1879 году изслѣдована астрономически восточная часть Забайкалья по системамъ рѣкъ: Ингоды, Уды, Шилки и Аргуни.

Въ 1880 году изслѣдована астрономически западная часть Забайкалья по системамъ рѣкъ: Селенги, Джиды, Чикою, Хилку и Уды. А также озеро Байкаль съ рѣкою Баргузиномъ.

Все эти площади осмотрѣны какъ съ топографической, такъ и съ экономической и этнографической

стороны*). Начавъ съ описанія живописной круго-байкальской дороги, я упомянулъ о легкомъ пути до Читы; о весьма трудной дорогѣ до Нерчинска и Стрѣтенска; объ особенностяхъ мѣстностей и жителей по Газимуру и Аргунской степи; о богатствѣ внутренней страны восточной части Забайкалья и не менѣе богатой и разнообразной страны западной части Забайкалья.

Результатъ моихъ 3-хъ лѣтнихъ поѣздокъ по Забайкальской области выразился въ собраніи различныхъ свѣдѣній, наполнившихъ довольно объемистый дневникъ и главнымъ образомъ въ опредѣленіи астрономически 50 пунктовъ по широтѣ и долготѣ, для чего мнѣ пришлось проѣхать 15,000 верстъ.

Если къ числу опредѣленныхъ мною точекъ прибавить 46 астрономическихъ пунктовъ, опредѣленныхъ многими наблюдателями до 1874 года; 2 пункта изъ телеграфныхъ опредѣленій 1874 года и 14 пунктовъ, опредѣленныхъ въ 1875 году полковникомъ Большевымъ, то получится 112 опорныхъ пунктовъ для составленія подробной карты Забайкальской области.

Мои наблюденья въ окончательной формѣ представляютъ слѣдующій списокъ пунктовъ, опредѣленныхъ по широтѣ и долготѣ отъ Пулкова:

*) Подробное описаніе посѣщенныхъ мною мѣстностей составляется. Задерживается нѣсколько составленіемъ 40 верстной карты этой страны.

№ по порядку.	Мѣсто астрономическаго пункта.	ДОЛГОТА ОТЪ ПУЛКОВА.			Широта.
		Во времени.		Въ градусахъ.	
1878 года.					
1	Восточный конецъ Делюнскаго базиса, вблизи Делюнской станціи - - - - -	h	m	s	
		5	48	9.45	87° 2' 22± 4'
				±0.25	52° 12' 46.9"
1879 года.					
2	Семеновскій посѣлокъ на р. Ундѣ - - - - -	5	44	22.73	86 5 41± 2
				±0.14	51 29 34.5
3	Тургинское село - - - - -	45	8.37		86 17 5± 2
				±0.14	51 2 22.0
4	Ононь Борзинское село - - - - -	47	57.51		86 59 23± 2
				±0.16	51 3 43.6
5	Колунъ, посѣлокъ на р. Куренгѣ - - - - -	49	16.66		87 19 10± 1
				±0.08	51 52 14.0
6	Култума, селеніе на р. Газимурѣ - - - - -	55	5.9		88 46 28± 5
				±0.36	52 10 10.3
7	Сивачи, село на р. Уровѣ - - - - -	56	41.7		89 10 25± 5
				±0.36	51 42 34.0

№ по порядку.	Мѣсто астрономическаго пункта.	ДОЛГОТА ОТЪ ПУЛКОВА.			Широта.			
		Во времени.						
		h	m	s				
8	Нерчинскій заводъ, вблизи р. Аргуни - - - - -	5	57	8.92 ±0.11	89° 17'	14± 2"	51° 18'	32.6
9	Средне-Борзинскій караулъ, на р. Аргуни - - - - -		56	37.61 ±0.19	89	9 24± 3	50	54 41.3
10	Фабрика Хилковского, на Аргуни - - - - -		53	4.40 ±0.27	88	16 6± 4	49	56 56.4
11	Абагайтуй, караулъ въ верховьяхъ р. Аргуни - - - - -		50	1.84 ±0.22	87	30 28± 3	49	34 23.2
12	Цаганъ-Ола, маякъ - - - - -		46	40.86 ±0.23	86	40 13± 3	49	47 48.4
13	Абагайтуй, маякъ въ верховьяхъ р. Аргуни - - - - -		49	57.52 ±0.21	87	29 23± 3	49	32 45.6
14	Соктуй, караулъ - - - - -		49	50.11 ±0.17	87	27 32± 2	50	4 22.8
15	Цаганъ Олуй, станица - - - - -		47	19.26 ±0.16	86	49 49± 2	50	28 25.1
16	Бырка село, на р. Борзѣ - - - - -		52	52.28 ±0.17	88	13 4± 2	50	38 53.0
17	Чупрово, поселокъ - - - - -		54	39.82 ±0.15	88	39 57± 2	50	59 15.8
18	Дучары, село - - - - -		55	4.96 ±0.15	88	46 14± 2	51	19 36.4
19	Мельгидуиъ (Завово), поселокъ на р. Куенгѣ - - - - -		46	22.63 ±0.14	86	35 39± 2	52	39 53.4
20	Зюльза, село на р. Нерчѣ - - - - -		43	29.52 ±0.20	85	52 23± 3	52	32 1.6
21	Михайловскій станъ	{	40	59.39 ±0.24	85	14 51± 4	52	21 15.6
22	Астрономическая сопка		братъевъ Бутинныхъ - - - - -	41	27.94 ±0.34	85	21 59± 5	52
23	Келтыгей, (Богомягово) село - - - - -		41	48.61 ±0.07	85	27 9± 1	51	58 37.6
24	Урульга, село вблизи р. Ингоды - - - - -		5	37 55.11 ±0.18	84	28 47± 3	51	46 20.8
1880 годъ.								
25	Лиственничное, село на озерѣ Байкалѣ - - - - -		4	58 6.52 ±0.06	74° 31'	38± 1"	51° 51'	6.5
26	Боярская пристань на озерѣ Байкалѣ - - - - -		5	2 53.56 ±0.17	75	43 23± 2	51	50 36.6
27	Тарбагатай, село вблизи р. Селенги - - - - -		5	8 11.1 ±0.4	77	2 46± 6	51	28 42.0
28	Бяхта, слобода - - - - -		5	4 35.6 ±0.4	76	8 54± 6	50	19 4.1
29	Верхнеудинскъ, городъ у р. Селенги - - - - -		5	9 2.0 ±0.4	77	15 30± 6	51	49 14.4
30	Туркинскія минеральныя воды на оз. Байкалѣ - - - - -		5	11 52.4 ±0.5	77	58 6± 7.5	52	59 21.6
31	Култукъ, село на озерѣ Байкалѣ - - - - -		4	53 34.1 ±0.2	73	23 31± 3	51	43 30.6
32	Снѣжная, почтовая станція - - - - -	{	4	57 14.8 ±0.3	74	18 42± 4	51	28 16.0
33	Мишиха, почтовая станція - - - - -		Байкалѣ - - - - -	5	0 47.8 ±0.2	75	11 57± 3	51
34	Кабанскъ, село на р. Селенгѣ - - - - -		5	5 16.9 ±0.2	76	19 14± 3	52	3 12.8
35	Ново-Илька, поселокъ - - - - -		5	13 23.9 ±0.4	78	20 59± 6	51	41 18.4
36	Петровскій заводъ на притоку р. Хилка - - - - -		5	14 3.6 ±0.4	78	30 54± 6	51	16 38.0
37	Кули, деревня на р. Хилкѣ - - - - -		5	14 52.0 ±0.4	78	43 0± 6	51	8 33

№№ по порядку.	Мѣсто астрономическаго пункта.	ДОЛГОТА ОТЪ ПУЛКОВА.			Широта.					
		Во времени.	Въ градусахъ.							
		h	m	s	°	'	"			
38	Мухорь-Шибирь, село - - - - -	5	9	58.4 ±0.4	77	19'	36±6"	51	2'	39.4"
39	Новый Селенгинскъ, городъ на р. Селенгѣ - - - - -	5	5	11.6 ±0.4	76	17	54±6	51	5	30.4
40	Баянъ-Хосунъ, село на р. Джидѣ - - - - -	4	59	49.5 ±0.4	74	57	22±6	50	32	35.8
41	Харацай станица на р. Джидѣ - - - - -	4	56	36.6 ±0.4	74	9	9±6	50	28	49.6
42	Емаровскія минеральныя воды на р. Чикоѣ - - - - -	5	19	39.9 ±0.5	79	54	58.5±7.5	50	36	55.2
43	Шимбиликъ, поселокъ на р. Чикоѣ - - - - -	5	16	56.2 ±0.6	79	14	3±9	50	33	30.5
44	Савичи (Нижне-Нарымское), село на р. Чикоѣ - - - - -	5	11	36.8 ±0.5	77	54	12±7.5	50	5	25.0
45	Бичура, село на р. Хилкѣ - - - - -	5	9	4.0 ±0.5	77	16	0±7.5	50	35	39.6
46	Новохотой (Ново-Никольское), село на р. Хилкѣ - - - - -	5	11	52.9 ±0.4	77	58	13.5±6	50	50	20.3
47	Селенгинскій солеваренный заводъ - - - - -	5	4	56.6 ±0.4	76	14	9±6	51	22	13.6
48	Турунтаевка, село - - - - -	5	9	12.5 ±0.5	77	18	7.5±7.5	52	11	56.8
49	Баргузинъ, городъ на р. Баргузинѣ - - - - -	5	17	14.2 ±0.6	79	18	33±9	53	36	41.9
50	Баргузинская кумирня на р. Баргузинѣ - - - - -	5	19	49.0 ±0.7	79	57	15±10.5	54	4	52.5
	Почти на всѣхъ мѣстахъ укрѣплены деревянныя столбы съ надписью и по преимуществу въ оградахъ церквей или на видныхъ мѣстахъ.									

Всѣ мои поѣздки по Забайкальской области были произведены на средства Военно-Топографическаго Отдѣла Восточно-Сибирскаго Военнаго округа.

Всѣ широты даны здѣсь съ точностью до $\pm 0''$.5, что составитъ въ линейной величинѣ около 7 саж.

Наибольшая ошибка долготъ доходить до $\pm 10''$ въ дугѣ, что при средней широтѣ въ 50° составитъ линейную величину въ 94 сажени. Если-же взять среднюю ошибку для долготъ равно въ $4''$ въ дугѣ, то линейная невязность долготъ будетъ въ ± 38 саж., то есть, изъ хронометрической экспедиціи долготы опредѣлены въ 5-ть разъ хуже широтъ. Если-же вспомнить, что эти данныя опредѣлены для географическихъ цѣлей, то окажется, что при составленіи карты 10 верстнаго масштаба ошибки широтъ и долготъ, здѣсь данныхъ, обращаются въ нули.

21 января 1882 г.

М. Поляновскій.

Гор. Иркутскъ.

О народахъ Амурскаго края въ историко-географическомъ и антрополого-этнологическомъ отношеніяхъ.

(По Шренку).

Ст. I.

То обстоятельство, что сочиненія спеціально-научныя о Россіи, даже издаваемыя нашей Академіей наукъ, часто являются на нѣмецкомъ языкѣ, заставляетъ нѣсколько иначе относиться къ такимъ трудамъ: недостаточно указать въ краткой библиографической замѣткѣ, что вышло въ свѣтъ такое то давно ожидаемое сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ и трактуеть оно о такихъ то и такихъ то матеріяхъ, а надобно болѣе или менѣе обстоятельно познакомить обыкновеннаго читателя, — для котораго вовсе не обязательно приобрѣтеніе книгъ на чуждомъ языкѣ, — какіе вопросы занимали даннаго ученаго и какъ онъ ихъ рѣшаетъ. Въ предлагаемой статьѣ мы и намѣрены это сдѣлать относительно недавно выпеднаго сочиненія академика

Шренка «Reisen und Forschungen im Amurthlande, Band III, erste Lieferung, въ которомъ описываются народы Амурскаго края въ историко-географическомъ и антрополого-этнологическомъ отношеніяхъ, на основаніи изслѣдованій, произведенныхъ авторомъ по порученію Академіи наукъ въ 1854—56 годахъ, частію же на основаніи критическаго разбора работъ другихъ авторовъ,—работъ, опубликованныхъ уже послѣ окончанія экспедиціи. Правда, на сколько мы слышали, готовится къ печати русскій переводъ названнаго сочиненія, и вотъ почему мы ограничимся передачей существенныхъ фактовъ, которые установлены г. Шренкомъ.

Прежде всего нужно замѣтить, что время для экспедиціи было выбрано какъ нельзя болѣе удачно, ибо въ 50-хъ годахъ Амурскій край только что началъ заселяться русскими, и слѣдовательно аборигенные обыватели этого края были захвачены въ моментъ, когда вліяніе соприкосновенія съ болѣе культурнымъ народомъ еще не успѣло сказаться. Мы, впрочемъ, не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые считаютъ неизбѣжнымъ фактъ вымиранія инородцевъ вслѣдствіе соприкосновенія ихъ съ болѣе культурными народами, ибо это вымираніе, хоть и дѣйствительно происходитъ, но обуславливается совершенно чуждыми цивилизаціи элементами, какъ то: разрушительнымъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ, инфекціонными болѣзнями, ядъ которыхъ сильнѣе дѣйствуетъ на непривычные организмы, насильственнымъ измѣненіемъ образа жизни, равно и умственнаго и нравственнаго міросозерцанія инородцевъ и тому подобными агентами, вовсе не необходимо входящими въ понятіе «цивилизація». За всѣмъ тѣмъ мы не отрицаемъ, что въ 50-хъ годахъ удобнѣе было производить на Амурѣ этнографическія изслѣдованія, ибо въ настоящее время, по всей вѣроятности, дурные элементы цивилизаціи, опирающіеся на силу кулака, не замедлили уже обнаружить свое вредоносное вліяніе. Нѣтъ сомнѣнія, и тогда лежали многочисленныя трудности на пути этого рода изслѣдованій, и между этими трудностями прежде всего слѣдуетъ указать на незнаніе языка инородцевъ и затѣмъ на весьма естественное недо-

вѣріе послѣднихъ къ цивилизованнымъ людямъ, наводящимъ на нихъ почти паническій страхъ. Напр., этнографическія изслѣдованія, какъ извѣстно, не мыслимы въ настоящее время безъ измѣреній и фотографическихъ снимковъ, но дикія инородцы, по едва понятнымъ для цивилизованнаго человѣка особенностямъ своего міросозерцанія, упорно противятся этому, весьма резонно со своей точки зрѣнія полагая, что измѣрительные и фотографическіе приборы суть орудія колдовства; они именно думаютъ, что вмѣстѣ съ фотографическимъ изображеніемъ переходитъ къ другому и власть надъ ихъ личностію: и стоитъ только изорвать это изображеніе, какъ неминуемо должно послѣдовать какое-нибудь для нихъ несчастіе. Конечно, эти трудности не непреодолимы, въ особенности для изслѣдователя, который знакомъ съ міросозерцаніемъ первобытныхъ народовъ и который, въ слѣдствіе этого, сумѣетъ подойти къ предмету изслѣдованія съ надлежащими предосторожностями.

Первою задачею г. Шренка было опредѣлить географическое распространеніе различныхъ инородцевъ на Амурѣ. Задача эта далеко не легкая, ибо не только сами инородцы, но и многіе авторы, писавшіе объ нихъ, называютъ однимъ и тѣмъ же именемъ различныя народы и на оборотъ одному и тому же народу придаютъ различныя названія. Результатомъ этого рода изслѣдованій явилась приложенная къ сочиненію Шренка этнографическая карта, во многомъ отличающаяся отъ опубликованныхъ до сихъ поръ, напр. Венюкова, Ильина, Реклю и другихъ. Чтобы не быть голословными и дать понятіе объ этихъ различіяхъ, мы вынуждены хоть вкратцѣ обозначить границы Амурскихъ инородцевъ, приглашая въ то же время читателя смотрѣть если не на этнографическую, то по крайней мѣрѣ на обыкновенную карту. Безъ соблюденія этого условія читатель обречетъ себя на неминуемую скуку, въ чемъ, впрочемъ, мы уже не будемъ виноваты, ибо указали ему самое вѣрное средство избѣгнуть ея. Однакожь если читатель сохранить въ памяти только названія обитающихъ на Амурѣ инородцевъ, о которыхъ далѣе мы скажемъ нѣсколько подробнѣе въ антропологическомъ отношеніи, то мы и этимъ оста-

немея довольны. Въ 50-хъ годахъ въ Амурскомъ краѣ жили слѣдующіе народы: гиляки, айны, ороки, негда, сагаиры, ольтша, орочи, гольды, килы, бирары, манэгиры, ороконы, оленные тунгусы, дауры, солонны и наконецъ манчжуры, китайцы, японцы и русскіе. Гиляки на Сахалинѣ занимали сѣверную оконечность острова, простираясь на западномъ берегу до 50° сѣв. шир., а на восточномъ—на 1° сѣвернѣе; на материкѣ же они обитали по нижней части Амура, въ окружности Амурскаго лимана, по берегу Охотскаго моря къ сѣверу до Тугурскаго залива, южную же ихъ границу составляла деревня Чоми, близъ Лазарева мыса. На Сахалинѣ къ югу отъ области гиляковъ лежитъ необитаемое пространство по р. Ты и до залива Терпѣнія. На материкѣ же, начиная съ сѣверо-запада, съ областью гиляковъ граничатъ: оленные тунгусы отъ р. Тугуръ до озера Орель, затѣмъ негда по р. Амгунъ (лѣвый притокъ Амура), сагаиры по р. Горинъ (лѣвый притокъ Амура) и восточнѣе до озера Удыль, къ югу ольтша, область которыхъ по берегу простирается до залива де Кастри, а по Амуру вверхъ до деревни Ади на правомъ берегу и Кулгу на лѣвомъ, близъ впаденія рѣки Горинъ въ Амуръ. Южная оконечность о-ва Сахалина, начиная нѣсколько южнѣе залива Терпѣнія, занята айнами. Ороки суть также обитатели о-ва Сахалина и ведутъ кочевой образъ жизни въ долинѣ р. Тымы, и отчасти по р. Ты и близъ залива Терпѣнія. Съ областью распространенія негда по р. Амгуни граничатъ къ сѣверу и сѣверо-западу оленные тунгусы, къ югу сагаиры и килы. Къ югу отъ сагаировъ лежатъ области ольтша, гольдовъ и килловъ. Къ югу отъ области ольтша находится область орочей, которая простирается на протяженіи 9 градусовъ по берегу Японскаго моря, занимая прибрежныя горы (Шихота-алинъ) и верховья правыхъ притоковъ Амура и Усури. Къ западу отъ орочей лежитъ область гольдовъ по Усури и ея притокамъ и по Амуру, начиная отъ области ольтша и простираясь до устья Сунгари и нѣсколько вверхъ по этой рѣкѣ. Область килловъ по р. Куръ (лѣвый притокъ Амура) находится между областями негда и сагаировъ съ сѣвера—гольдовъ съ востока и юга

и—бираровъ съ запада. Бирары граничатъ съ сѣвера и сѣверо-востока съ оленными тунгусами, съ сѣверо-запада съ манэгирами и съ юго-запада съ даурами; они занимали главнымъ образомъ долину р. Буреи (лѣвый притокъ Амура) съ ея притоками. Манэгиры по р. Дзеѣ (лѣвый притокъ Амура) окружены съ сѣвера оленными тунгусами; съ сѣверо-запада ороконами, съ юго-запада—даурами по р. Комаръ (правый притокъ Амура), съ юга—солоннами, манчжурами и даурами. Дауры жили по рѣкамъ Комаръ, Нонни (притокъ Сунгари) и Амуру, по правому берегу между Дзеей и Буреей, имѣя сосѣдями съ востока солонновъ (по р. Нонни). Область орочниковъ лежала къ западу отъ манэгировъ; они, какъ и манэгиры, занимали правый и лѣвый берегъ верхняго Амура, и потому совершенно ошибочно мнѣніе Іакинфа (Статист. Описаніе Китайской Имперіи, СПБ. 1842 г.), что ороконы живутъ на лѣвомъ, а манэгиры только на правомъ берегу Амура. Что же касается манчжуровъ и китайцевъ, то они, въ особенности послѣдніе, распространены въ долинѣ р. Сунгари, а также по Усури и въ южной части области орочей.

Если теперь читатель сравнитъ только что указанныя границы Амурскихъ инородцевъ съ тѣми, какія обозначены на этнографической картѣ азиатской Россіи Венюкова (Спб., 1873, масштабъ—250 верстъ въ англійскомъ дюймѣ), то онъ замѣтитъ слѣдующія невѣрности: на картѣ г. Венюкова границы гиляковъ обозначены со всѣхъ сторонъ не правильно, ибо съ сѣвера ихъ область здѣсь начинается не съ Тугурскаго залива, какъ бы слѣдовало, а съ Улбанскаго, къ югу же она далеко заходитъ въ область ольтша, простираясь до залива де-Кастри; вокругъ Амурскаго лимана у г. Венюкова показано тунгусское племя. Ольтша отодвинуты въ область гольдовъ, сагаиры показаны на Амгуни вмѣсто негда, которыхъ совѣмъ нѣтъ, равно какъ и бираровъ, манэгировъ, орочниковъ и дауровъ. Орочи обозначены только въ южной части ихъ обширной области. На Сахалинѣ айнамъ отведена неправильно болѣе значительная область распространенія, въ особенности къ сѣверу; мѣста обитанія ороковъ, кото-

рые названы ороканами, тоже показаны не вѣрно. Еще болѣе ошибокъ въ «Опытѣ статистическаго атласа Россійской имперіи» Ильина (Спб. 1874 г., карта 14), который знаетъ въ Амурскомъ краѣ только гилыковъ, айно, тунгусовъ и гольдовъ. На Петтермановской этнографической картѣ російскаго государства (Geographische Mittheilungen 1877), равно и на картѣ Реклю отдѣльные тунгусскіе народы не обозначены, сливаясь въ огульномъ названіи тунгусовъ.

Изъ культурныхъ народовъ соприкасались съ Амурскими инородцами, какъ уже сказано выше, манчжуры, китайцы, японцы и русскіе. Нужно однако замѣтить, что манчжурская національность, какъ единогласно свидѣтельствуютъ путешественники, въ настоящее время почти что поглотилась другою высшею національнію, именно китайскою,—и это не смотря на то, что номинально манчжуры суть властители небесной имперіи. Какими же средствами удалось побѣжденному народу восторжествовать надъ своими побѣдителями? Достигши господства надъ Китаемъ, манчжуры стали переселяться въ Пекинъ, а китайцы въ свою очередь направились въ Манчжурію, въ особенности въ долину Сунгари, и здѣсь образовывали земледѣльческія колоніи и въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ поселеніи заводили школы. Особенно большой контингентъ переселенцевъ дали три сопредѣльныя съ Манчжуріей провинціи, именно: Шантунгъ, Чили и Шанзи. Переселенцы изъ первыхъ провинцій составили ядро земледѣльческой и промышленной колонизаціи, тогда какъ выходцы изъ Шанзи—эти, какъ ихъ называетъ архимандритъ Палладій, евреи Небесной имперіи, занимались главнымъ образомъ торговлей и, скитаясь безъ семей по Манчжуріи и Амурскимъ инородцамъ, быстро обогащались и возвращались на родину, чтобъ уступить мѣсто другимъ. Тѣ и другіе свято хранили свой языкъ и обычаи своего народа. Но кромѣ этихъ полезныхъ колонизаціонныхъ элементовъ, манчжуро-китайское правительство направляло въ Манчжурію и преступниковъ различнаго рода, предоставляя имъ въ мѣстахъ высылки значительную свободу; и вотъ только

въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ было скучено много людей этой категоріи, манчжуры и сохранили свою національность. Въ остальныхъ же мѣстахъ, гдѣ манчжурамъ приходилось сталкиваться съ трудолюбивыми и способными какъ къ земледѣльческому, такъ и промышленному труду китайцами, тамъ они совершенно окитаились. Барабашъ пишетъ, что если языкъ составляетъ признакъ національности, то въ долинахъ Сунгари, Нонни и Хурха встрѣчаются только четыре народа: китайцы, монголы, дауры и гольды; манчжуровъ тамъ нѣтъ. Такимъ образомъ, манчжуро-китайское правительство, открывши свою родину для свободной колонизаціи и обративши ее въ мѣсто ссылки, тѣмъ самымъ способствовало исчезновенію своей манчжурской національности. Нѣсколько другихъ принциповъ держалось правительство Небесной имперіи по отношенію къ колонизаціи уссурійскаго края: тамъ оно не позволяло устраивать большихъ земледѣльческихъ колоній, и потому туда стали стекаться различные преступные элементы и вообще бродячее населеніе, неспособное поддержать авторитетъ китайскаго могущества. И дѣйствительно, Пржевальскій описываетъ самыми мрачными красками уссурійскихъ китайцевъ, называемыхъ манзами.

Японцы появились на Сахалинѣ около конца прошлаго столѣтія, со времени кругосвѣтнаго путешествія Ла-Перуза, но колонизація ихъ приняла значительные размѣры только послѣ 1854 г.; однако трактатъ 1875 г., по которому Японія отказалась отъ Сахалина ради Курильскихъ острововъ, положилъ этому конецъ. Не смотря на кратковременность господства, японцы сумѣли поставить въ подчиненное къ себѣ положеніе айновъ.

Колонизаціонныя поштытки русскихъ въ Амурскомъ краѣ относятся къ XVII столѣтію, о чемъ мы еще будемъ имѣть случай говорить. Нерчинскій трактатъ 1689 года не могъ остановить этихъ попытокъ, ибо побудительныя причины колонизаціи, какъ-то: надежда получить богатую добычу въ видѣ драгоцѣнныхъ мѣховъ и благородныхъ металловъ, оставались по прежнему въ своей силѣ. Не смотря на большой штрафъ за переходъ русско-китайской границы,—штрафъ, назначенный нерчинскимъ трак-

татомъ, а также трактатомъ, заключеннымъ съ Китаемъ графомъ Разумовскимъ въ 1728 году, набѣги русскихъ не прекращались на всемъ протяженіи Амурскаго края. Русскіе торговцы, охотники, казаки и просто искатели приключеній все-таки продолжали посѣщать этотъ край, и Миддендорфъ полагаетъ даже, что русскіе повліяли на физическія качества Амурскихъ инородцевъ. Конечно, чаще всего русскіе вступали въ сношенія съ народами верхняго Амура—орочонами, манэгирами и бирарами. Первые уже потому были близки для русскихъ, что они жили въ русскихъ предѣлахъ—по притокамъ Лены, по Аргуни и Шилкѣ; кромѣ того, русскіе еще до нерчинскаго трактата основали городъ Албазинъ. Русскихъ манилъ соблазнительный Амурскій край и потому, что первый манчжуро-китайскій сторожевой постъ былъ расположенъ въ странѣ манэгировъ, а только разъ въ годъ проехавшая ревизія китайской границы не могла загородить туда пути. Миддендорфъ сообщаетъ, что русскіе бѣлковики заходили не только до Ура (притокъ Дзеи) и Албазихи, но и до Комара. Миллеръ рассказываетъ, что нерчинскій купеческій сынъ Данило Солдатовъ жилъ въ 1738 году со своимъ семействомъ при устьѣ Албазихи, и разъ отправился даже въ Айгунъ, но былъ взятъ въ плѣнъ китайцами, откуда однакожь былъ выпущенъ, отговорившись тѣмъ, что онъ заблудился. Особенно разные бѣглецы искали себѣ убѣжище въ Амурскомъ краѣ, и нѣкоторые изъ нихъ оставили даже драгоценныя сообщенія объ Амурской землѣ, напр. Гурій Васильевъ, совершившій плаваніе по Амуру въ 20-хъ годахъ этого столѣтія. Какъ полагаетъ Миддендорфъ, данными Васильева обильно пользовался Такинфъ при описаніи Амурскаго края. Съ бирарами и манэгирами сношенія происходили при посредствѣ русскихъ тунгусовъ. Шварцъ сообщаетъ, что русскіе купцы и казаки, пользуясь неопредѣленностью границъ, ежегодно совершали обширныя путешествія изъ Удскаго острога. Чтобы удовлетворить религиознымъ потребностямъ разбѣяннаго среди китайскихъ владѣній православнаго населенія, отправлялись туда и русскіе священники, напр. Гермогенъ Дьячковскій въ 1826 году прибылъ въ область Буреи. Впо-

слѣдствіи были даже основаны русскія церкви, какъ то: Инканская на Силимджи (притокъ Дзеи), Бурейская при истокахъ Долникана, впадающаго слѣва въ Бурею и Буруканская на Тугурѣ. Шварцъ въ 1852 посѣтилъ эти церкви и опредѣлилъ ихъ географическое положеніе, причемъ Бурейская церковь оказалась разрушенною манчжурами, повѣрившими пограничные знаки и перенесшими ихъ значительно къ сѣверу. Позднѣ Шмидтъ, именно въ 1862 нашелъ, что была основана русская церковь при Сулукѣ, впадающемъ въ Амгунь, и этотъ пунктъ въ торговомъ отношеніи замѣнилъ Бурейскій. Буруканъ былъ важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ, куда приходили купцы изъ Якутска и откуда происходили сношенія какъ съ гиляками, такъ и съ негда. Еще одно обстоятельство содѣйствовало сношенію русскихъ съ гиляками—это именно стремленіе на Шантарскіе острова, куда русскихъ гнала жажда добычи драгоценныхъ мѣховъ и металловъ еще съ прошлаго столѣтія. Нерѣдко, однакожь, вслѣдствіе трудности плаванія около Шантарскихъ острововъ, особенно на плохихъ судахъ, русскіе попадали, вмѣсто Шантарскихъ острововъ, къ гилякамъ. Японскій путешественникъ, Mamia Rinzō свидѣтельствуетъ, что русскіе посѣщали и Сахалинъ. За всѣмъ тѣмъ, русскіе все-таки не могли имѣть большаго вліянія на народы Амурскаго края, пока не основали тамъ постоянныхъ и укрѣпленныхъ поселеній и пока не приступили къ занятію Амура. Какъ извѣстно, Айгунскій трактатъ 1858 года повлекъ за собой лихорадочную колонизацію Амурскаго края.

II.

Второй вопросъ, подлежавшій разрѣшенію г. Шренка, состоялъ въ томъ, чтобы опредѣлить, какимъ измѣненіямъ подвергались въ историческія времена установленныя границы амурскихъ народовъ, на сколько можно объ этомъ судить на основаніи русскихъ, китайскихъ и японскихъ источниковъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія въ этомъ отношеніи крайне скудны, и къ тому-же не мало усилій нужно было потратить только на то, чтобы разобраться о какомъ именно изъ амурскихъ народовъ идетъ дѣло въ данномъ историческомъ свидѣтельствѣ. Между тѣмъ, уже а priori слѣдуетъ допустить, что передвиженія

границь этихъ народовъ должны были дѣйствительно происходить. Стоитъ только вспомнить, что манчжуря еще до 17-го столѣтія дважды становились властителями Китайской имперіи: въ первый разъ въ X столѣтіи (907—1125) подъ именемъ Khitan или Liao и затѣмъ въ XII столѣтіи (1125—1243) подъ именемъ Jutschi или Kin, какъ ихъ династіи назывались. Далѣе, монгольское движеніе подъ предводительствомъ Чингизъ-хана, положившее конецъ династіи Kin въ Китаѣ; должно было, какъ и манчжурское, вызвать цѣлый рядъ народныхъ волнъ, распространившихся въ свою очередь и на Амурскій край. Мы знаемъ именно, что вслѣдствіе этихъ передвиженій монгольское племя буряты проникли къ истокамъ Амура и къ Байкалу и своимъ натискомъ на обитавшихъ здѣсь якутовъ вынудили послѣднихъ выселиться въ долину Лены. Еще во времена Гмелина (1733—1743) свѣжо было сказаніе о давленіи, которому якуты подвергались со стороны бурятовъ. Самое слово Байкаль считаютъ якутскаго происхожденія. Якуты разселились по сѣвернымъ, сѣверо-западнымъ и сѣверо-восточнымъ берегамъ Ледовитаго океана, отъ Таймурской земли черезъ долины Лены, Яны, Индигирки, Колымы до Охотскаго моря, и тѣмъ самымъ должны были вызвать передвиженія въ другихъ тунгусскихъ племенахъ. Омоки, теперь исчезнувшіе, удались, судя по преданію, въ неизвѣстную полярную страну. Съ другой же стороны, тѣ племена Jutschi, Njutschi, Dshurdschi, которыя въ XII столѣтіи низвергли власть Khitan и подъ именемъ Kin возвысились до степени властителей Китая, жили передъ нашествіемъ монгольскимъ, между прочимъ, и въ долинахъ Шилки и Аргуни. Какъ доказали Ysbrants Ydes (1799) и Гмелинъ, остатки земледѣльческой и горной культуры, находимые въ Забайкальи и въ Дауріи должны быть приписаны именно этимъ только что названнымъ племенамъ, а не даурамъ, какъ это утверждали очень многіе географы, напр. Георги, Гагемейстеръ и др. Вотъ эти то племена, изъ которыхъ впоследствии образовались манчжуря, должны были первыми испытать могущество выступившихъ съ Онона и Kerlon (верхняя Аргунь) завоевателей, и они отчасти подчинились этому могуществу, отчасти

же уклонились путемъ бѣгства къ родственнымъ племенамъ на Сунгари. Затѣмъ, когда монголы измѣнили направленіе своего завоевательнаго движенія, обитавшіе по Амуру дауры отчасти заняли опустѣвшіе Аргунь и Шилку. Еще не улеглись волны, произведенныя монгольскимъ движеніемъ, какъ съ запада нахлынула новая волна русскихъ завоевателей, не столько, впрочемъ, многочисленныхъ, сколько безпримѣрно храбрыхъ. Мы должны остановиться на этомъ движеніи нѣсколько подробнѣе, потому что оно, будучи и само по себѣ интереснымъ, произвело значительныя перемѣны въ мѣстахъ обитанія амурскихъ народовъ.

Первыя извѣстія о существованіи дауровъ русскіе получили съ двухъ разныхъ сторонъ и почти одновременно. Во-1-хъ, удекіе тунгусы разсказывали въ 1639 году при устьѣ Ули, впадающей въ Охотское море, что на Дзеѣ и Шилкѣ (верхнемъ Амурѣ) живетъ народъ, занимающійся земледѣліемъ и скотоводствомъ; съ этимъ народомъ тунгусы производили обмѣнъ своихъ соболей на ихъ товары. Во-2-хъ, енисейскіе казаки, подъ предводительствомъ ихъ атамана Максима Перфильева, слышали въ 1639—40 г. на одномъ изъ притоковъ Витима о существованіи дауровъ, жившихъ по Амуру, занимавшихся земледѣліемъ, плавившихъ серебряную руду и торговавшихъ съ Китаемъ, откуда они въ обмѣнъ на соболей получали шелковыя и шерстяныя ткани. Эти свѣдѣнія послужили толчкомъ эмиграціоннаго движенія русскихъ въ Амурскій край. Предводителю первой русской экспедиціи Пояркову было предписано якутскимъ воеводой Петромъ Головинымъ—отыскать ту богатую страну, о которой разсказывали тунгусы, обложить народъ ея данью и развѣдать на счетъ серебряныхъ рудниковъ. Въ то время дауры жили сплошною массою по Шилкѣ и Аргуни, по Амуру и вдоль его притоковъ—по Дзеѣ и Комару, по Нонни и его притокамъ. Такимъ образомъ область дауровъ была окружена къ сѣверу и западу тунгусами, а къ югу граничила съ монгольскими племенами. Къ востоку отъ нихъ жили дочеры и гогулы—манчжурскія племена, вытѣсненныя изъ дауріи монголами. Дауры находились въ подчиненіи у манчжуровъ и занимались полевымъ и огороднымъ

хозяйствомъ, воздѣлывая ячмень, овесъ, просо, гречиху, горохъ и коноплю, а изъ овощей—огурцы, макъ, бобы, чеснокъ, груши, яблоки и орѣхи. Князья ихъ жили въ городахъ, укрѣпленныхъ валами и рвами. Болѣе восточные дауры, конечно, испытывали меньшее давленіе со стороны манчжуръ, а князь Гантимуръ даже оставилъ свою родину на Нонни и переселился на Нерчу. При вторженіи русскихъ въ XVII столѣтіи область дауріи должна была потерпѣть значительное сокращеніе и, повидиму, ея восточная часть была очищена безъ особеннаго сопротивленія. Князь Гантимуръ, перекочевавшій въ даурію, чтобъ избѣгнуть господства манчжуръ, предпочелъ снова вернуться въ сторону по ту сторону Хинганскаго хребта, къ своимъ исконнымъ врагамъ. Должно полагать, число дауровъ здѣсь было не велико, если они чувствовали такой панической страхъ передъ напоромъ русскихъ. Большее сопротивленіе противопоставили они на Амурѣ, гдѣ были болѣе скучены и имѣли укрѣпленные города. Тамъ дѣйствительно и происходили кровавыя столкновенія и такъ какъ русскіе отличались большею способностію къ военному дѣлу, то число дауровъ должно было значительно порѣдѣть. При осадѣ государственнаго города Хабаровымъ убито дауровъ 660 мужчинъ и въ павшемъ городѣ взято въ плѣнъ 243 женщ. и 118 дѣтей, а русскихъ убито 4 человекъ и легко ранено 45 человекъ. Въ отчетахъ русскихъ удалцовъ частенько стоитъ, что «тѣхъ дауровъ въ пень порубили съ головы на голову, многихъ людей побили... Ясырь поймали... улусы громили» и т. д. Вѣроятно, дауры поголовно были бы истреблены, еслибъ китайское правительство не выдумало особый способъ борьбы съ врагами. Оно именно издало въ 1654 г. указъ, чтобы дауры съ Амура и его притоковъ, съ Дзеи и другихъ мѣстъ переселились на Нонни (притокъ Сунгари). Указъ этотъ вѣрно попалъ въ цѣль, ибо русскіе особыхъ транспортовъ со съѣстными припасами не возили, а питались только тѣмъ, что удавалось имъ награбить отъ дауровъ. Выѣстъ съ тѣмъ китайское правительство выслало многочисленныя, хорошо вооруженныя войска противъ горсти русскихъ хабрацевъ. Еще нѣкоторое время послѣдніе получали средства къ жизни отъ

дочеревъ, но и эти были выселены на Хурху (также притокъ Сунгари). Съ этихъ поръ стали раздвигаться жалобы на голодъ и холодъ, недостатокъ вооруженія и превосходство въ этомъ отношеніи враговъ. Напр. у Степанова въ 1654 г. читаемъ: «а хлѣба на Амурѣ мало, а у богдойскихъ людей какъ, они изъ пушекъ стрѣляютъ, изъ тѣхъ ихъ пушекъ емлютъ версты на двѣ и больше, а у насъ въ войскѣ государева снаряду одна пушка и та полковая да двѣ желѣзныхъ литыхъ». Или въ 1656 году: «со служилыми людьми и амурскими охочими казаками стали всѣ голодны и холодны и всѣмъ оскудали, хлѣбныхъ запасовъ въ войскѣ не стало ни сколько, и свинцу и пороху нѣтъ, и все издержимъ и впредь... жить и чѣмъ питатца и впредь не знаемъ, какъ намъ холопомъ государевымъ ясакомъ и своими головами промышлять, и нонѣ всѣ въ войскѣ оголодали и оскудали, питаемся травою и кореньемъ, и ожидаемъ государева указа, а сойти съ великія рѣки Амура безъ государева указа не смѣемъ никуда; а богдойскіе воинскіе люди подъ нами стоятъ близко, и намъ противъ ихъ богдойскихъ всякихъ людей стоятъ и дратца стало нечѣмъ, пороху и свинцу нѣтъ нисколько».

Посмотримъ теперь на движеніе русскихъ въ нижнемъ Амурѣ. Василий Поярковъ въ 1644 и 1645 годахъ прошелъ весь Амуръ. Въ четырехъ дняхъ пути отъ устья Усури, по его словамъ, прекращается область дочеревъ и начинается область натки и затѣмъ гиляковъ. Черезъ страну натки и гиляковъ Поярковъ плылъ 14 дней пока достигъ устья Амура. Здѣсь онъ перезимовалъ, и лѣтомъ 1645 года направился моремъ вдоль береговъ до рѣки Уля, куда онъ прибылъ черезъ 12 недѣль и опять здѣсь перезимовалъ, чтобы затѣмъ возвратиться въ Якутскъ. Въ 1651 г. прибылъ на нижній Амуръ Ерофей Хабаровъ. На протяженіи 7 дней пути отъ Сунгари жили, по его словамъ, дочери, затѣмъ пошли ачаны, черезъ страну которыхъ ему пришлось плыть еще нѣсколько дней; 29-го сентября онъ остановился и основалъ Ачанскій городъ, на лѣвомъ берегу Амура; оттуда оставалось еще 10 дней пути до гиляковъ. Хабаровъ къ нимъ не по-

шель, но весною слѣдующаго года, послѣ побѣдоносной защиты своего укрѣпленія противъ дочеревъ и ачановъ, направился вверхъ по теченію Амура. Дорогой, вѣроятно, при устьѣ Сунгари, онъ разошелся съ казакомъ Иваномъ Нагибой, который былъ посланъ извѣстить Хабарова о прибытіи свѣжихъ силъ въ верхнемъ Амурѣ. Нагиба шель съ 26 казаками внизъ по Амуру отъ Бондулаевского города (при устьѣ Дзеи) четыре недѣли; тамъ онъ услышалъ отъ взятаго въ плѣнъ Натки, что Хабаровъ находится въ сторонѣ гиляковъ. Взяли этого Натки въ качествѣ проводника, но спустя три недѣли были окружены такимъ большимъ количествомъ гилякскихъ судовъ, что имъ нельзя было двинуться ни взадъ, ни впередъ. Двѣ съ половиной недѣли провели они въ такомъ положеніи, пока голодъ и отчаяніе не заставили ихъ пробить ряды осаждавшихъ и пробраться въ близъ лежащую деревню, чтобы завладѣть вывѣшенной для сушенія рыбой. Это удалось имъ только послѣ горячей битвы, въ которой было убито болѣе 30 гиляковъ. Спустя три дня они находились въ устьѣ Амура. И тамъ, тѣснимые гиляками и не будучи въ состояніи сдѣлать обратнаго пути по Амуру, они выстроили большое судно и выступили въ морское плаваніе къ сѣверу. Но на 13-й день судно было разбито пловучимъ льдомъ, причемъ они лишились всего запаса жизненныхъ средствъ, свинца и пороху. Пять дней шли они пѣшкомъ вдоль морскихъ береговъ, питаясь кореньями, ягодами и различными морскими выброшками. Затѣмъ выстроили они себѣ новое судно, на которомъ черезъ 14 дней достигли рѣки Учалда, гдѣ жили гиляки и тунгусы. Тамъ они пробыли до 15-го декабря, затѣмъ продолжали свое путешествіе внутрь страны, и спустя 14 дней, а по другому извѣстію, черезъ 4 недѣли, прибыли на рѣку Тугуръ, гдѣ они нашли многочисленныхъ и богатыхъ тунгусовъ. Весною 1653 г. Нагиба спустился до устья Тугура, и оттуда съ 5 казаками направился въ Якутскъ, остальную же команду подъ начальствомъ Ивана Уварова отправилъ назадъ къ тунгусамъ, чтобы воздвигнуть среди нихъ ясачное зимовье. Зиму 1653—54 казакъ Онуфрій Степановъ провелъ въ дочерской деревнѣ, не доплывъ гиляцкія

земли. Осенью 1655 года онъ прибылъ въ землю гиляковъ съ сыномъ боярскимъ Федоромъ Пушнымъ, построилъ тамъ острогъ, и назвалъ его Косогорскимъ. Здѣсь онъ провелъ зиму, собралъ съ гиляковъ богатую дань въ видѣ пушнины и весною 1656 года вернулся назадъ вверхъ по Амуру. Два года спустя (1658—59) Степановъ опять провелъ зиму при устьѣ Амура и вернулся также вверхъ по нему съ богатыми дарами.

Прежде чѣмъ указать, какое вліяніе имѣло вторженіе русскихъ въ Амурской край въ XVII столѣтіи на измѣненіе границъ амурскихъ народовъ мы замѣтимъ, что упоминаемые русскими удальцами дочери суть потомки древнихъ Jutshi, Njutshi, Dshurdshi и жили они, занимаясь земледѣліемъ, скотоводствомъ и промыслами, на пространствѣ между Сунгари и Уесури по Амуру, а по Пояркову западная граница ихъ начиналась съ устья Дзеи и восточная доходила, по показанію іезуитовъ—миссіонеровъ, до устья Дондона. Гоголы, о которыхъ упоминаетъ Хабаровъ и которые жили выше Сунгари, граница съ востоку съ дочерами, суть, вѣроятно, тѣ же дочери, рознящіяся отъ нихъ только діалектическими особенностями языка, а не гольды, какъ думаетъ Семеновъ (Землевѣдѣніе Азіи К. Риттера, т. I. 1856), ибо послѣдній народъ земледѣліемъ не занимается, а живетъ по преимуществу рыболовствомъ. Кромѣ того, Хабаровъ называлъ гольдовъ особеннымъ именемъ, именно ачанами. Теперь является вопросъ, какъ согласить противорѣчивыя, повидимому, показанія русскихъ удальцовъ относительно сопредѣльныхъ съ гиляками народовъ? Именно по Пояркову съ гиляками граничили натки, по Пояркову—ачаны и по Степанову дочери. Какъ справедливо замѣтилъ уже Миллеръ, а за нимъ и Фишеръ, Поярковъ назвалъ натками тотъ же самый народъ, который Хабаровъ разумѣлъ впоследствии подъ именемъ ачановъ. Но дѣло въ томъ, что каждый изъ нихъ понималъ подъ однимъ названіемъ не одинъ, а два не отличаемые ими народа, именно гольдовъ и ольтши. Мы знаемъ, что гольды собственно не граничатъ съ гиляками; съ другой же стороны мы видѣли, что Поярковъ и Нагиба воз-

вращались назадъ черезъ тунгусскія области. Тунгусы же называютъ гольдовъ натки. Это доказы-
вается слѣдующимъ историческимъ свидѣтельствомъ: удскіе тунгусы рассказывали въ 1639 году том-
скимъ казакамъ между прочимъ, что на рѣкѣ Омуть
(т. е. Амгунь) живутъ тунгусы, которые ведутъ
торговлю съ натканами, обитавшими на нижнемъ
Амурѣ. Наткане говорятъ своимъ особеннымъ язы-
комъ и обмѣниваютъ омутскимъ тунгусамъ (негда)
на соболей серебро, мѣдные котлы, шелковыя и
шерстяныя ткани; товары эти они, впрочемъ, не
сами готовятъ, но получаютъ ихъ отъ другого
народа, жившаго выше ихъ по Амуру. Очевидно, въ
этомъ рассказѣ имѣются въ виду подъ именемъ
наткановъ гольды, обмѣнивавшіе китайскіе и дючер-
скіе товары на соболей. Хабаровъ и Степановъ воз-
вращавшіеся назадъ вверхъ по Амуру, не могли
слышать тунгусскаго имени гольдовъ, но и они подъ
именемъ ачанъ—собственно ольтши—разумѣли по-
крайней мѣрѣ первый, ольтша и гольдовъ вмѣстѣ.
Удивляться этому нечего, ибо и въ наше время
ольтша не рѣдко смѣшивали и съ гольдами и съ
гиляками.

Набѣги русскихъ въ Амурскій край отразились
слѣдующимъ образомъ на измѣненіи мѣстожитель-
ства тамошнихъ народовъ. Мы уже знаемъ, что
Китайское правительство выселило дауровъ на Нонни,
а дючеровъ—на Хурха. Такимъ образомъ опустѣли
область какъ верхняго, такъ и средняго Амура. Въ
1681 г. былъ посланъ изъ Нерчинска на Дзею и
Силимджи Игнатій Миловановъ, чтобы осмотрѣть
ранѣе устроенные сторожевые и ясачные посты и
выглядѣть, гдѣ бы удобнѣе основать новые стано-
вые пункты, и онъ по Дзеѣ и Амуру видѣлъ слѣды
деревень и пашень, оставленныхъ даурами. Степа-
новъ и Пущинъ на возвратномъ пути уже не нашли
дючеровъ: деревни ихъ были сожжены, поля не за-
сѣяны. И вотъ съ одной стороны, бирары, манэ-
гиры и орочны, жившіе въ XVII столѣтіи на ста-
новомъ хребтѣ и по его южнымъ предгоріямъ, стали
подвигаться въ покинутый даурами Амурскій край,
а за ними потянулись и русскіе тунгусы. Вмѣстѣ
съ тѣмъ бирары и манэгиры, спустившись по Буреѣ,

Силимджи и Дзеѣ въ роскошныя преріи, естественно,
должны были перемѣнить своего оленя на лошадь;
орочоны же, расположившись въ горахъ верхняго
Амура, остались по прежнему при оленяхъ. Съ дру-
гой же стороны, въ оставленную дючерами область
надвинулись ихтіофаги—гольды. Таковы результаты
движенія русскихъ въ Амурскій край въ XVII стол.;
благородныхъ же металловъ, ради которыхъ нача-
лось это движеніе, имъ не удалось найти. Сколько
они ни распрашивали о мѣстонахожденіи рудни-
ковъ, но имъ дауры отвѣчали, что ни на Дзеѣ, ни
на Шилкѣ, ни на Амурѣ, ни на Сунгари нѣтъ ис-
комыхъ рудъ, но что металлы они получаютъ отъ
Хана Борбоа, который въ свою очередь вымѣни-
ваетъ ихъ на соболей въ Китаѣ. О мѣстожитель-
ствѣ же хана Борбоа Поярковъ умѣлъ только вывѣ-
дать, что до него нужно ѣхать шесть недѣль отъ
устья Умлекана, на лошадахъ горой и черезъ Шилку;
Хабарову же мѣстоительство хана Борбоа было
указано на Нонни въ Чичикарѣ, но при этомъ до-
бавлено, что надъ этимъ ханомъ есть еще болѣе
могущественный ханъ. Факты эти, между прочимъ,
доказываютъ, что въ XVII столѣтіи ни дауры, ни
дючеры горнымъ дѣломъ не занимались; а Ysbrants
Ides въ 1699 нашелъ рудники не далеко отъ Ар-
гуни въ такомъ состояніи, которое заставляло ду-
мать, что рудники не разрабатывались уже столѣтія.
Замѣчательно также, что остатки древнихъ копей
въ Забайкальи называютъ не даурскими, а чудскими.
Кромѣ того находящійся въ 50 верстахъ отъ Нер-
чинскаго завода Дючерскій заводъ названъ такъ
потому, что въ давно прошедшее время, быть мо-
жетъ, въ XII или XIII столѣтіи, жившіе тамъ дючеры
занимались горнымъ дѣломъ. Разработка рудниковъ
въ нерчинскомъ краѣ началась только съ 1702 г.

III.

Переходя къ изложенію антрополого-этнологиче-
ской части сочиненія г. Шренка, мы считаемъ не
излишнимъ напомнить, какъ опредѣляли антропо-
логію различные ученые и въ чемъ видѣли ея за-
дачи и цѣли. Остановиться на этомъ вопросѣ необхо-
димо потому, что антропология, какъ наука новая, еще

далеко не всѣми понимается одинаково. Еще въ 1862 г. знаменитый Карль Эрнестъ фонъ Бэръ въ энциклопедическомъ словарѣ отождествлялъ антропологию съ ученіемъ о человѣкѣ, между тѣмъ годомъ ранѣе въ одномъ философскомъ русскомъ трудѣ развивалась мысль, что человѣкъ одновременно представляется и результатомъ внѣшняго міра, исторіи и собственнаго сознанія и есть источникъ внѣшняго міра, исторіи и собственнаго сознанія. Очевидно, подобнымъ общимъ опредѣленіемъ антропология не отграничивалась, какъ отдѣльная отрасль знанія. Нѣсколько уже точнѣе выражается въ этомъ отношеніи проф. Лесгафтъ, когда онъ начинаетъ свою статью „Задача антропологии и методъ ея изученія“ такимъ образомъ: „Ученіе о человѣкѣ или антропология разсматриваетъ не только строеніе, развитіе и отправления отдѣльныхъ тканей и органовъ человѣческаго тѣла, но и въ особенности физическое и нравственное вліяніе на человѣка окружающей среды“. Еще болѣе опредѣленно формулировалъ задачи общей антропологии Поль Брока, именно: „Всѣ человѣческія расы, не смотря на ихъ различія, составляютъ одно великое цѣлое, одну гармоническую группу, и важно разсматривать эту группу въ ея цѣломъ, опредѣлить ея положеніе въ ряду существъ, ея отношеніе къ другимъ естественнымъ группамъ, ея общіе признаки, какъ анатомическіе и физиологическіе, такъ и психологическіе. Не менѣе необходимо изучить также законы, по которымъ удерживаются или измѣняются эти признаки, оцѣнить дѣйствіе внѣшнихъ условій, измѣненій климата, явленій послѣдственной передачи и крайнихъ вліяній единокровія или этническихъ помѣсей“. Д—ръ Ивинъ, котораго глубоко-философическое предисловіе къ русскому изданію «Антропологии» Тайлора заслуживаетъ вниманія всякаго образованнаго человѣка, какъ намъ кажется, яснѣе другихъ отмежевалъ область антропологии отъ сосѣднихъ областей и тѣмъ во очію доказалъ, что антропология имѣетъ свое опредѣленное содержаніе и занимаетъ опредѣленное мѣсто въ систематикѣ наукъ. Всѣ явленія могутъ быть подраздѣлены на повторяющіяся и не повторяющіяся; первыя составляютъ

предметъ такъ называемыхъ феноменологическихъ отдѣловъ естествознанія, а вторыя явленія развитія изучаются въ наукахъ морфологической эволюціи. Человѣкъ, какъ объектъ физиологіи и патологіи, психологіи и социологіи, очевидно, представляетъ явленія, принадлежащія къ порядку повторяющихся, но въ тоже время человѣкъ, какъ объектъ анатоміи и эмбриологіи, входитъ въ область наукъ морфологической эволюціи. Но, кромѣ того, человѣкъ, какъ видовое понятіе, а не особь, можетъ быть противопоставляемъ другимъ видамъ животныхъ, можетъ представлять свои разновидности, какъ продукты безсознательныхъ процессовъ природы, разнообразія мѣстныхъ и временныхъ историческихъ культуръ и общихъ социологическихъ вліяній, наконецъ онъ можетъ, какъ и всякій видъ общественныхъ животныхъ, имѣть свой періодъ доисторическаго, зоологическаго развитія. Нужно, слѣдовательно, найти такое понятіе, которое охватывало бы всѣ научные отдѣлы, занимающіеся только что перечисленными вопросами, и д—ръ Ивинъ полагаетъ, что *понятіе о человѣкѣ, какъ естественной группѣ* объединяетъ всѣ эти научные отдѣлы, и слѣдовательно антропология можетъ быть опредѣлена въ смыслѣ науки о *человѣкѣ, какъ естественной группѣ*. *Общая или зоологическая антропология* разсматриваетъ *человѣческую группу* въ сравненіи ея съ другими зоологическими группами, по климатическимъ условіямъ ея жизни, по демографическимъ даннымъ ея рождаемости, заболѣванія, плодородія, смертности и т. д. по общимъ измѣненіямъ формъ особей, въ нея входящихъ; сюда же относится вопросъ о зоологической эволюціи, которая изъ предшествовавшихъ животныхъ формъ выработала форму человѣка. *Сравнительная антропология* разсматриваетъ ученіе о происхожденіи расъ, національностей и социологическихъ типовъ. *Доисторическая антропология* изучаетъ эволюцію *человѣка* съ его обособленія отъ остальнаго зоологическаго міра до начала исторической жизни, а также и тѣ формы и проявленія въ *человѣчествѣ* *соціальной или личной жизни*, которыя не входятъ въ процессъ исторической работы мысли. Отсюда видно, что антропология ближе всего соприкасается

съ зоологіей, соціологіей и исторіей. Но отъ зоологіи антропологія отличается не только какъ частный отдѣлъ болѣе общей науки, но и потому еще, что въ процессахъ и формахъ естественной группы чело-вѣка подготовились явленія и формы жизни исторической. Отъ соціологіи антропологія отличается тѣмъ, что она, разсматривая группы чело-вѣка, какъ сходныя, такъ и различныя, вовсе не придаетъ значенія степени ихъ солидарности, тогда какъ соціологія старается опредѣлить условія солидарности живот-ныхъ группъ, принадлежащихъ различнымъ степе-нямъ зоологическаго, антропологическаго и историче-скаго развитія, равно какъ и процессъ роста и ослабленія этой солидарности. Отъ исторіи антропо-логія отличается самымъ понятіемъ прогресса и его условій, разсматривая доисторическій періодъ пле-мень, а въ историческихъ цивилизаціяхъ изучая тѣ процессы, благодаря которымъ образовались націо-нальности и соціологическіе типы; между тѣмъ какъ исторіи принадлежатъ явленія прогресса въ истори-ческихъ національностяхъ, работа мысли надъ обы-чаемъ и преданіемъ, жизнь тѣхъ группъ, которыя участвовали въ историческомъ процессѣ, воздѣй-ствіе на этотъ прогрессъ неисторической среды и постепенное расширеніе прогрессивной работы мысли на всѣ классы и группы, которые имѣютъ возмож-ность и способны въ ней участвовать. Очевидно, какъ выражается д-ръ Ивинъ, объекты исторіи составляли всегда лишь болѣе или менѣе обширные острова въ океанѣ объектовъ антропологіи. Кромѣ названныхъ наукъ, съ антропологіей близко сопри-касается и лингвистика, составляющая, правда, со-вершенно обособленный научный отдѣлъ. И дѣй-ствительно, члено-раздѣльная рѣчь составляетъ отли-чительное свойство чело-вѣка (Шарль Мартэнъ, Дар-винъ, Гекель, Овелака и др.); съ другой же стороны известно, что промежутокъ въ анатомо-морфологи-ческомъ отношеніи между низшими обезьянами и чело-вѣкообразными гораздо значительнѣе, чѣмъ между чело-вѣкообразными и чело-вѣкомъ (Брока). И потому зоологическая, сравнительная и доистори-ческая антропологія пользуются весьма часто посо-біемъ лингвистики, тѣмъ болѣе, что одну изъ важ-

ныхъ группировокъ чело-вѣческихъ разновидностей представляетъ раздѣленіе ихъ по языкамъ.

Давши понятіе объ антропологіи, какъ она по-нимается современными учеными, мы коснемся здѣсь еще двухъ частныхъ вопросовъ, входящихъ въ об-ласть этой науки, именно о значеніи краниометри и объ отношеніи между расами и ихъ языками. По первому вопросу руководителями для насъ будутъ профессора Лесгафтъ и Таренецкій, даровитые уче-ники всѣмъ извѣстнаго Грубера, юбилей котораго не такъ давно празднованъ; по второму же вопросу, мы будемъ руководствоваться трудами Тайлора и Овелака. Не такъ давно господствовало воззрѣніе, что каждый народъ обладаетъ опредѣленной націо-нальной формой черепа. Какъ извѣстно, Ретциусъ въ основу своихъ этнологическихъ писемъ ставилъ положеніе: „les differentes races et peuples ont leurs propres formes crâniennes“. Bonté (Bulletin de la société d'Anthropol. de Paris, T. VI, 1865) писалъ: „autre crâne, autre race“. Подобныхъ афоризмовъ, придаю-щихъ существенное значеніе краниометри, можно было бы привести еще нѣсколько, и вотъ Велькеръ (Untersuchungen über Wachstum und Bau des mens-lichen Schädels, 1862), увлекаясь краниометриче-скимъ принципомъ, распредѣлилъ народы, по отно-шенію ширины черепа къ его длинѣ, на длинно-головыхъ, подходящихъ къ послѣднимъ, средне или овально-головыхъ, подходящихъ къ круглоголовымъ, и наконецъ кругло-головыхъ. Выводъ этотъ сдѣланъ на основаніи изслѣдованія 1,296 череповъ, принадле-жащихъ 118 національностямъ. Какъ ни незна-чительно число изслѣдованныхъ череповъ, но Вель-керъ счелъ себя въ правѣ сдѣлать еще большее об-общеніе, принимая, что на всемъ земномъ шарѣ находится: длинно-головыхъ 107 милліоновъ, подхо-дящихъ къ длинно-головымъ 165 милл., средне-го-ловыхъ 544 милл., подходящихъ къ круглоголовымъ 195 милл. и круглоголовыхъ 15. Профессоръ Лес-гофтъ въ вышеназванномъ сочиненіи своемъ, помѣ-щенномъ въ Архивѣ Суд. Мед. и Психіатріи, по-казалъ, что Велькеръ не представилъ никакихъ га-рантій въ чистокровности лицъ, черепа которыхъ онъ изслѣдовалъ, ибо нигдѣ не говоритъ объ имени

и отчествѣ лицъ, равно какъ и о возрастѣ ихъ, мѣстѣ рожденія и происхожденія. И вообще, согласно заявленію профессора Лесгафта, произведенныя до настоящаго времени антропологическія измѣренія и изслѣдованія отдѣльных частей и органовъ мертвыхъ тѣлъ страдаютъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что они сдѣланы на маломъ числѣ труповъ, или частей ихъ; тѣмъ, что матеріаль, служившій для изслѣдованій, былъ большею частію неизвѣстнаго происхожденія и что начали уже говорить о племенныхъ различіяхъ, т. е. конечной цѣли изслѣдованій, не установивъ и не обработавъ точнаго метода изслѣдованія. Общій же выводъ, къ которому приходитъ проф. Лесгафтъ, состоитъ въ томъ, что одними краниологическими измѣреніями нельзя опредѣлить національность черепа; Гексли и многіе другіе англійскіе и американскіе ученые держатся того же мнѣнія. Д-ръ Таренецкій, въ такъ названномъ въ честь юбиляра Груберовскомъ N «Между народной клиники» (апрѣль 1882) помѣстилъ статью свою «Краниометрическія правила и измѣренія». Здѣсь почтенный авторъ излагаетъ методъ измѣреній, устанавливая 54 вопроса по отношенію къ изслѣдованію череповъ, описываетъ четыре черепа ахаль-тэкинцевъ, одинъ черепъ корейца и пять череповъ папуасовъ и въ заключеніе говоритъ о значеніи краниологии. Выходя изъ того положенія, что черепа различныхъ народовъ представляютъ своеобразныя и опредѣленныя формы, г. Таренецкій задачами краниологической науки ставитъ изученіе и постановку вѣрной характеристики и средняго типа черепа каждаго племени и опредѣленіе границъ, между которыми каждый размѣръ черепа можетъ варьировать у различныхъ племенъ. Мы знаемъ, что подобныя же задачи ставитъ краниологии и Hering (Zur Reform der Craniometrie, Zeitschrift f. Ethnologie, B. V 1873), который именно выражается, что задача краниологическихъ изслѣдованій ради этнологическихъ цѣлей состоитъ въ томъ, чтобы съ одной стороны опредѣлить у даннаго народа типическую среднюю форму черепа, а съ другой указать предѣлы, въ какихъ эти формы и всѣ отдѣльныя измѣренія колеблются. Впрочемъ, какъ видно изъ предисловія, г. Таренецкій

пользовался при своихъ измѣреніяхъ линіей Игеринга, проводимою отъ центра наружнаго слуховаго прохода къ нижнему краю глазницы; во Франціи же за горизонталь принимается линія, проводимая отъ верхушки составныхъ отростковъ затылочной кости къ срединѣ альвеолярнаго края верхней челюсти. Далѣе, г. Таренецкій признаетъ невозможнымъ на основаніи опредѣленія формы и размѣровъ череповъ отыскать отличительные признаки, которые спеціально характеризовали бы извѣстное племя или расу; онъ говоритъ, что тѣ изслѣдователи, которые стараются опредѣлить путемъ сравненія національность какого нибудь неизвѣстнаго найденнаго черепа, требуютъ отъ краниологии того, чего она не въ состояніи дать. По его мнѣнію, не возможно допустить принятіе расоваго черепа, ибо каждый изслѣдованный черепъ долженъ быть относимъ только къ тому племени, отъ котораго взятъ онъ и ни подъ какимъ условіемъ къ черепамъ общей расы; но и черепа національные могутъ быть допущены только подъ тѣмъ условіемъ, если рѣчь идетъ о народахъ, сохранившихъ по различнымъ причинамъ свою замкнутость и первобытную племенную чистоту, хотя и здѣсь черепъ, типичный для одного племени, можетъ повториться, какъ типичный, для другаго племени, ничего общаго не имѣющаго съ первымъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда данная нація смѣшивалась съ другими племенами, уже не можетъ быть и рѣчи о черепѣ, характеризующемъ какую нибудь націю; почти всѣ народы настоящей Европы пришлые и когда они явились на занимаемыя ими теперь мѣста, имъ пришлось предварительно вытѣснить коренныхъ жителей. Очевидно, искать характерный типъ спеціально для русскаго, нѣмецкаго, французскаго и т. д. черепа будетъ столько же бесполезно и невозможно, какъ опредѣлить характерные признаки славянскаго, англо-саксонскаго и романскаго черепа. Въ заключеніе главы о значеніи краниологии г. Таренецкій высказываетъ слѣдующее предположеніе: «я думаю, что недалеко то время, когда типичные черепа, пока еще характерные для извѣстныхъ племенъ, исчезнутъ безслѣдно и мы получимъ при изслѣдованіи череповъ фактъ, совершившійся уже от-

носителю національныхъ череповъ. Преграды, раздѣлявшія народы, разрушаются съ каждымъ днемъ. Цивилизація и торговля проникаютъ въ отдаленнѣйшіе углы земнаго шара. Племена, окруженныя еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ настоящей китайской стѣной, вступаютъ въ кругъ всемірной торговли и смѣшиваются все болѣе съ пришлыми другими націями. Какъ слѣдствіе этого для формы черепа можетъ явиться только то, что въ будущемъ, въ любой расѣ и любомъ племени, должны будутъ встрѣчаться всѣ типы и размѣры череповъ, принятые краниологами».

Полагаемъ, что вопросъ о значеніи краниологій достаточно выясненъ. Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи между расами и ихъ языками. Шлейхеръ говоритъ: «если человѣка дѣлаетъ рѣчь, то наши первые отцы не были настоящими людьми; они *сдѣлались* ими въ ту минуту, когда образовалась рѣчь, благодаря развитію мозга и органовъ слова». Слѣдовательно, членораздѣльная рѣчь есть плодъ прогрессивнаго развитія органовъ, а это предполагаетъ, что раньше существованія человѣка, характеризующагося способностями члено-раздѣльной рѣчи, существовало другое существо, находившееся на пути къ приобрѣтенію этой способности. Но анализъ показываетъ, что различныя извѣстныя намъ лингвистическія системы не могутъ быть сведены къ одной, и, стало быть, онѣ родились независимо другъ отъ друга въ различныхъ странахъ. Значитъ, первыя существа, начавшія приобрѣтать способность члено-раздѣльной рѣчи, приобрѣли ее въ различныхъ мѣстахъ одновременно, и такимъ образомъ отъ нихъ вышло нѣсколько человѣческихъ расъ, съ самаго начала отличныхъ другъ отъ друга. «Такъ какъ главныя семейства языковъ, невыводимыя другъ изъ друга, вообще соотвѣтствуютъ великимъ расамъ человечества, говоритъ генераль Федеръ (*Essai sur la langue roule. Paris, 1875*), то мы признаемъ, что рѣчь возникла независимо у разныхъ разновидностей того, что Фр. Мюллеръ называетъ *homo primigenius*, а французскіе антропологи—предшественникомъ человѣка». Но вступивъ въ историческій періодъ, языки могутъ исчезать, какъ и расы. Финны и лаландцы

принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ расамъ, но языкъ Финляндіи—суоми и лапонскій языкъ принадлежатъ къ одному семейству. Въ Азіи и Африкѣ арабскій языкъ служитъ роднымъ языкомъ многимъ народамъ, непринадлежащимъ къ семитической расѣ. Современный нѣмецкій языкъ задушилъ старо-прусскій (роднаго брата литовскаго) и полабскій (языкъ славянской) испанскій заглушаетъ—баскскій, англійскій—языки сѣверной Америки. Другіе языки хотѣли навязать себя насильно, но не добились принятія, напр. турецкій и мадьярскій въ Европѣ. Словомъ, разные расы часто говорятъ однимъ языкомъ, какъ и одна раса можетъ говорить разными языками. Таковы возрѣнія Овелака, которые еще яснѣе выражены при разборѣ вопроса о странѣ, гдѣ говорили общимъ индо-европейскимъ языкомъ (Лингвистика стр. 329). Прежде всего, говорить онъ, надо отдѣлать вопросъ расы отъ вопроса языка. Факторъ расы играетъ не только важную, но единственную роль, когда рѣчь идетъ о самомъ образованіи членораздѣльной рѣчи. Приобрѣтеніе этой послѣдней способности, образованіе первыхъ системъ языковъ и образованіе новыхъ человѣческихъ расъ—все это совершилось одновременно. И если европейскія расы образовались въ Европѣ, то изъ этого не слѣдуетъ, что индо-европейскіе языки нашей страны родились также въ ней. Даже больше того: если можно основательно говорить объ индо-европейскихъ языкахъ, то ошибочно говорить объ индо-европейской расѣ. И даже если несомнѣнно, что общимъ индо-европейскимъ языкомъ нѣкогда говорили въ какой нибудь странѣ, то вовсе не достоверно, что люди говорившіе этимъ языкомъ, всѣ принадлежали къ одной расѣ. Общій индо-европейскій языкъ образовался, конечно, въ одномъ центрѣ у людей вполне другъ другу подобныхъ; но разъ пройдя свой періодъ образованія, онъ могъ распространиться на различныя народы, совершенно чуждые другъ другу. И далѣе, выходя изъ того предположенія, что тѣ изъ языковъ индо-европейскаго семейства, которые наиболѣе приближаются къ общему индо-европейскому типу, суть также тѣ, которые менѣе всего удалились отъ странъ, гдѣ гово-

рили этимъ общимъ языкомъ,—Овелакъ даетъ слѣдующій рядъ по степени удаленія отъ первоначальной гипотетической страны: 1) санскритскій и эраийскіе языки, 2) греческіе языки юго-восточной Европы, леттскіе и славянскіе сѣверо-восточной; 3) германскіе на сѣверѣ, италійскіе на югѣ; 4) кельтскіе языки. Слѣдовательно, языки индо-европейскаго семейства—азіатскаго происхожденія.

Воззрѣнія Эд. Тайлора, который въ своей «Антропологии» посвятилъ языку и его эволюціи три главы, болѣе извѣстны въ нашей публикѣ. Онъ полагаетъ именно, что языкъ не представляетъ полного и вѣрнаго доказательства происхожденія чело-вѣка. Не только отдѣльныя особи, но и цѣлыя народы могутъ утрачивать свой родной языкъ. Негры, ввезенные въ Америку, какъ рабы, были взяты изъ различныхъ племенъ и не имѣли никакого общаго языка; вслѣдствіе этого они стали говорить на языкѣ своихъ бѣлокожихъ хозяевъ, и въ настоящее время можно наблюдать курьезное зрѣлище чернокожихъ семей съ шерстистыми волосами, бесѣдующихъ другъ съ другомъ на ломанномъ англійскомъ, французскомъ или испанскомъ языкѣ. Въ Корнуэльсѣ недавно вышелъ изъ употребленія кельтскій языкъ древнихъ бриттовъ, но это не значитъ, чтобъ въ смѣшанномъ населеніи Корнуэльса исчезла также и кельтская кровь. Подобное небрежное сопоставленіе языка и расы, какъ будто бы они всегда идутъ рука объ руку, уже не разъ приводило къ неправильнымъ антропологическимъ выводамъ. *Тѣмъ не менше они идутъ рука объ руку въ значительной мѣрѣ.* Пока люди одной расы и одного языка живутъ вмѣстѣ среди своего народа, ихъ языкъ остается расовымъ признакомъ, общимъ имъ всѣмъ. И хотя отъ времени до времени въ дѣло вмѣшиваются переселенія и скрещиванія, покореніе и рабство, такъ что національный языкъ народа не можетъ рассказать всю исторію предковъ послѣдняго,—все-таки онъ можетъ рассказать нѣкоторую часть ея, и именно самую важную часть. Такъ смотритъ на занимающій насъ въ данную минуту вопросъ объ отношеніи между расами и языкомъ Тайлоръ, который при классификаціи чело-вѣческихъ расъ обращаетъ вни-

маніе на ростъ и размѣры частей тѣла, на форму черепа и черты лица, на цвѣтъ кожи, сложеніе и темпераментъ.

IV.

Познакомившись съ задачами антропологии вообще, а также съ значеніемъ краниометріи и языка, какъ расоваго признака, мы легче можемъ оцѣнить воззрѣнія Шренка на эти вопросы. Шренкъ полагаетъ, что естественная классификація народовъ можетъ быть создана только при тѣхъ условіяхъ, если въ основу ея кладутъ языкъ, затѣмъ физическія качества ихъ и наконецъ историческія свидѣтельства—*ein natürllicher System nur auf sprachlicher Basis, unter Mitberücksichtigung ihrer physischen Beschaffenheit und natürlich, so weit möglich, auch historischer Thatsachen denkbar.* Физическія качества народовъ крайне измѣнчивы: чѣмъ богаче и разнообразнѣе было прошлое народа, чѣмъ далѣе онъ уклонился отъ естественнаго состоянія, чѣмъ многочисленнѣе, разностороннѣе и разнообразнѣе были смѣшенія, какимъ онъ подвергался въ теченіи своей жизни, тѣмъ значительнѣе должны быть колебанія въ формахъ черепа и тѣмъ большее число измѣреній и сравненій, чтобы вывести типическую форму черепа. Но и у дикихъ народовъ эти колебанія могутъ происходить въ широкихъ предѣлахъ. Остальныя физическія качества, какъ то: форма мягкихъ частей лица, глазъ, носа и губъ, относительная величина отдѣльных частей тѣла, цвѣтъ кожи, свойства волосъ и т. п., еще менѣе могутъ служить руководящей нитью въ дѣлѣ различенія народовъ, такъ какъ существуетъ въ этихъ отношеніяхъ цѣлый рядъ многообразныхъ и незамѣтныхъ переходовъ отъ одного качества къ другому. И вообще, еслибы и возможно было создать классификацію народовъ на основаніи только ихъ физическихъ качествъ, то эта система была бы искусственной, ибо совершенно игнорировала бы духовную сторону чело-вѣка, совершеннѣйшимъ выраженіемъ которой служитъ языкъ. Языкъ, обусловливаемый даромъ мышленія и служащій средствомъ выраженія послѣдняго, образуетъ непроходимую пропасть между чело-вѣкомъ и животнымъ

міромъ, и слѣдовательно всякій особенный языкъ составляетъ основную черту и сущность тѣхъ людей, совокупность которыхъ мы называемъ народомъ. Языкъ служитъ объединяющимъ началомъ, и замѣчательно, что дикіе народы, какъ увидимъ ниже, сами себя называютъ нерѣдко такимъ словомъ, которое въ переводѣ означаетъ *человѣкъ*. Въ основѣ различія народовъ лежитъ различіе языковъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы не знаемъ, въ чемъ состоятъ физическія качества тунгусовъ, но уже нѣсколько столѣтій знаемъ, что существуютъ на свѣтѣ тунгусы и безъ затрудненія узнаемъ вѣтви этого народа, встрѣтимъ ли ихъ на Енисей, въ Камчаткѣ, или на Амурѣ. Обыкновенно возражаютъ, что языкъ потому не годенъ для этнологическихъ различій, что самъ онъ есть выраженіе развитія народа и по своей измѣнчивости не составляетъ надежнаго масштаба. Да; языкъ измѣняется, но подчиняясь опредѣленнымъ законамъ, вслѣдствіе чего образуются особенные діалекты, и очевидно народы, говорящіе на различныхъ діалектахъ одного языка, состоятъ въ родствѣ между собою. Съ другой же стороны, какъ уже замѣчено, физическія качества народовъ рѣзко измѣняются въ зависимости отъ перемѣны мѣсто жительства, образа жизни, средствъ пропитанія, духовнаго и культурнаго развитія, особенно же вслѣдствіе смѣшеній съ различными народами. Но чаще и сильнѣе всего возражаютъ противъ пригодности языка для этнологическихъ различій потому, что нѣкоторые народы теряютъ свой языкъ и усваиваютъ совершенно имъ чуждый. Справедливо и это, но Шренкъ вполне раздѣляетъ мнѣніе Steinthal'я, по которому перемѣна языка происходитъ, если не культурный или мало культивированный народъ вступаетъ въ продолжительныя сношенія съ народомъ, превосходящимъ его въ культурѣ, цивилизаціи и политическомъ могуществѣ. Если же оба соприкасающіеся народа способны къ культурѣ и не слишкомъ разнятся въ отношеніи своихъ физическихъ качествъ, то сравнительно быстро совершается процессъ ассимиляціи: подчиненный народъ болѣе и болѣе проникается чуждыми элементами, является на сцену *смѣшанный* народъ, усваивающій

мало-по-малу нравы, воззрѣнія и языки своихъ побѣдителей. Такъ славянскія племена въ остзейскомъ краѣ, на Эльбѣ и въ другихъ мѣстахъ германизированы, кельты—иберы романизированы и пр. Въ случаѣ же столкновенія народовъ изъ которыхъ побѣжденный представляется съ низшими физическими качествами и въ культурномъ отношеніи слабъ,—въ этомъ случаѣ, при нынѣшнихъ условіяхъ общежитія происходитъ процессъ вымиранія. Но замѣчательно, что языкъ, какъ выражается Шренкъ, есть *ultimum moriens*. Камчадалы и юкагиры вымираютъ, но ученымъ все-таки удастся собрать матеріалы, достаточные для характеристики ихъ языковъ. Языкъ не мѣняется, если приходятъ между собою въ соприкосновеніе народы, стоящіе на одинаково высокой или одинаково низкой степени развитія. Опытъ учитъ, что въ такихъ случаяхъ, не смотря на равенство условій жизни, нравовъ и воззрѣній, каждый народъ держится крѣпко за свой языкъ. По физическимъ качествамъ почти невозможно отличить гиляка отъ ольтши, такъ сильно сгладились типическія черты ихъ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе частыхъ помъсей и такъ много съ другой стороны имѣется переходныхъ формъ, которыя произвольно могутъ быть относимы то къ тому, то къ другому народу. Шренкъ не могъ даже по физическимъ качествамъ отличить айно отъ гиляка. Но въ отношеніи языка эти народы глубоко различаются, и только на основаніи различія языковъ гиляковъ, ольтша и айно можно было установить мѣста обитанія ихъ. Достойно примѣчанія, что если ольтша поселяется на жительство въ гиляцкой землѣ (такія мѣстечки существуютъ дѣйствительно), или наоборотъ, оба народа сохраняютъ свой родной языкъ и при этомъ условіи. Такимъ образомъ, по мнѣнію Шренка, языкъ въ народѣ составляетъ нѣчто постоянное, а физическія качества его—перемѣнное, и весьма возможно, что вслѣдствіе помъсей съ сосѣдними народами физическія характерныя черты совершенно сгладятся, а языкъ останется неизмѣняемымъ. Тогда физической типъ и языкъ окажутся въ явной дисгармоніи. У якутовъ и киргизовъ типъ лица—монгольскій, а по языку оба эти народа относятся къ тюрко-татар-

скому семейству. И это потому, что якуты, как мы уже знаемъ, первоначально жили около Байкала, находясь въ многоразличныхъ сношеніяхъ и смѣшеніяхъ съ бурятами; въ новой родинѣ своей они опять натолкнулись на родственныи монголамъ тунгусскій народъ. Монголизированіе киргизовъ еще болѣе выражено, хотя въ этомъ отношеніи показанія Миддендорфа противорѣчивы: то онъ признаетъ киргизовъ тюрко-татарскаго племени, и тогда умѣстно, значить, выраженіи *монголизированы*, то считаетъ ихъ монгольскаго племени, и тогда, стало быть, надобно сказать, что киргизы татаризированы въ языкѣ. По мнѣнію Шренка, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ дисгармоніи между физическимъ типомъ и языкомъ, съ гораздо болѣею вѣроятностію слѣдуетъ заключать о перемѣнѣ физическаго типа, а не языка. Исключенія возможны, но тогда мы можемъ опираться въ своихъ выводахъ на достовѣрныя историческія свидѣтельства. Во всякомъ же случаѣ, перемѣна языка безъ перемѣны физическаго типа не мыслима. Повидимому, противъ основнаго положенія Шренка—народы, стоящіа на одинаковой степени развитія не мѣняютъ своего языка—говорить установленный Кастреномъ фактъ, что народы верхняго Енисея—арины, ассаны, котты, кайбалы и камасинцы принадлежать къ тому же племени, какъ и енисейскіе остяки, а между тѣмъ говорятъ по-татарски, а котты кромѣ того и по-бурятски; но и это возраженіе падаетъ, разъ мы примемъ въ расчетъ, что соприкоснувшіяся съ перечисленными народами племена стоятъ на высшей степени культуры и что Кастренъ потому и призналъ родство названныхъ народовъ съ енисейскими остяками, что имѣлъ возможность изучить языкъ первыхъ и даже составить словарь коттскаго языка.

Мы остановились съ нѣкоторою подробностію на воззрѣніяхъ Шренка относительно значенія языка въ дѣлѣ различенія народовъ потому, что они сами по себѣ интересны, а во-2-хъ и потому, что въ приложеніи къ народамъ Амурскаго края эти воззрѣнія даютъ лучшій этнологическій критерій. Что-же касается общей оцѣнки воззрѣній Шренка въ этомъ отношеніи, то въ предъидущей главѣ мы

уже сообщили всѣ главнѣйшія данныя для этого. Безспорно, однако, указанное г. Шренкомъ обстоятельство—неизмѣняемость и постоянство языка при соприкосновеніи народовъ стоящихъ на одинаковой степени развитія—заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія этнологовъ. Воззрѣніе это тѣмъ болѣе замѣчательно, что оно высказано натуралистомъ, а не лингвистомъ. Правда, и лингвистика, какъ показала Овелака, есть наука естественная; но еще долго ждать, пока языковѣдѣніе, какъ отдѣлъ естествознанія, будетъ въ числѣ предметовъ изученія натуралистовъ.

Въ настоящее время языковѣдѣніе находится въ рукахъ филологовъ, но еще Шлейхеръ доказалъ, что между филологомъ и лингвистомъ существуетъ такое же отношеніе, какъ между садоводомъ и ботаникомъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ спеціальному описанію народовъ Амурскаго края, мы остановимся нѣсколько на одномъ законѣ, установленномъ Кэтле. Законъ этотъ имѣетъ общее значеніе въ приложеніи ко всѣмъ элементамъ антропологическаго анализа и состоитъ въ слѣдующемъ. Извѣстно, что европеецъ, высадившійся среди какого нибудь народа, не похожаго на его соплеменниковъ, сначала находитъ всѣхъ похожими одинъ на другаго. Послѣ нѣсколькихъ дней болѣе внимательнаго наблюденія онъ начинаетъ различать ихъ индивидуальныя особенности, но сначала его вниманіе занято только рѣзкими типическими чертами чуждой ему расы. Именно этотъ общій типъ желаетъ очертить и описать антропологъ, и выбираетъ образчикомъ его такія изображенія мужчинъ и женщинъ, которыя выказываютъ эти характеристическія черты наилучшимъ образомъ. Можно даже измѣрить типъ даннаго народа. Возьмемъ напр. ростъ. Если бы мы измѣрили и расположили въ рядъ по росту все населеніе, то передъ нами оказалась бы толпа людей, группирующихся около одного средняго представительнаго типа: средній ростъ будетъ имѣть наибольшее число людей, затѣмъ число лицъ, имѣющихъ ростъ выше или ниже средняго, будетъ постепенно уменьшаться, пока не достигнетъ до одного или двухъ исполиновъ съ

одной стороны и, съ другой, до одного или двухъ карликовъ. Это явленіе Кэтле выражаетъ въ видѣ биноминальной кривой, ординаты которой показываютъ число людей каждаго роста. Примѣръ подобной кривой можно видѣть въ «Антропологіи» Тайлора, на страницѣ 78. Мы лично также имѣли возможность убѣдиться въ справедливости этого закона при изслѣдованіи о физическихъ качествахъ новобранцевъ восточной Сибири, о чемъ и было опубликовано нами въ журналѣ «Здоровье» и въ изданіяхъ Восточно-Сибирскаго Медицинскаго Общества. Значеніе этого закона состоитъ въ томъ, что благодаря ему, и грубые приемы путешественниковъ, когда они принимаютъ за представителя расы такой типъ мужчины или женщины, который по ихъ наблюденіямъ встрѣчается въ большемъ числѣ экземпляровъ, на самомъ дѣлѣ оказываются довольно точными.

А теперь, во избѣжаніе повтореній, поговоримъ вообще о результатахъ краниометрическихъ изслѣдо-

Игерингъ (Zeitschrift t. Ethnolog B. V) предложилъ слѣдующее раздѣленіе череповъ:

ваній относительно Амурскихъ народовъ, на основаніи представляемаго Шренкомъ матеріала.

Какъ извѣстно, въ краниометріи отличаютъ нѣсколько указателей, дающихъ нѣкоторое представленіе о формѣ черепа или лица, напр. черепной, носовой и глазничный; черепной указатель получается отъ дѣленія наибольшаго поперечнаго діаметра на наибольшей продольный, носовой—отъ дѣленія наибольшей ширины ноздрей на длину носовой части и наконецъ глазничный—отъ дѣленія высоты орбиты на ширину ея. Брока даетъ въ этихъ отношеніяхъ слѣдующую таблицу:

Черепной указатель	}	Долихоцефалы ниже и до 75 на 100
		Субдолихоцефалы отъ 75 до 77,77 —
		Мезатицефалы отъ 77,77 до 80,00 —
		Суббрахицефалы отъ 80,1 до 83,33 —
		Брахицефалы отъ 83,33 и выше
Носовой указатель	}	Лепторины ниже и до 47,49 на 100
		Мезорины - отъ 48 до 52,99 —
		Платирины - отъ 53 и выше
Глазничный	}	Микроземы - - - 82,99
		Мезоземы отъ 83 до 88,99
		Мегаземы - - 89

Вертикально - поперечный указатель.	Ч е р е п н о й у к а з а т е л ь.		
	Ширина относительно длины меньше 72.	Ширина относительно длины отъ 72 до 79,9.	Ширина относительно длины 80 и выше.
Высота относительно ширины меньше 100.	Пляти - долихоцефалы	Пляти-мезоцефалы.	Пляти-брахицефалы.
Высота относительно ширины 100 и выше.			

Руководствуясь этими таблицами, мы уже безъ особеннаго труда можемъ оцѣнить слѣдующія данныя, представляемая Шренкомъ:

	Г и л ь к и.				Ольтна.		Гольдъ.	Бираръ.	Мангиръ.	Орочонъ.	Т у н г у с ы.		
	№ 1.	№ 2.	№ 3.	№ 4.	№ 5.	№ 6.	№ 7.	№ 8.	№ 9.	№ 10.	№ 11.	№ 12.	№ 13.
Черепной указатель - - - - -	70,4	74,9	85,2	73,8	85,4	73,1	75,8	83,2	80,5	84,1	77,5	84,7	82,2
Вертикально-поперечный указатель	101,5	100,7	88	100	92,1	103,5	98,5	88,2	86,3	79,7	89,7	91,3	91,2
Высотный указатель - - - - -	71,5	75,4	75	73,8	78,7	75,6	74,7	73,4	69,5	67	69,2	77,4	75
Носовой указатель - - - - -	421	50	56,6	63,8	50	51,8	48,3	43,9	49,2	53,7	50,9	47,3	53,1
Глазничный указатель - - - - -	81,8	85	79,1	86,8	94,4	100	97,4	92,1	82,5	92,5	94,9	86,5	92,5

Такимъ образомъ мы видимъ, что изъ четырехъ гиляцкихъ череповъ № 1-й гипсидолихоцефаль, т. е. длинный и высокій, № 2-й—гипсимезоцефаль, № 3-й платибрахицефаль, т. е. низкій, короткій и широкій, № 4-й—гипсимезоцефаль. Гипсидолихоцефалия можетъ быть опредѣлена и по способу Велькера, ибо разность между высотнымъ и черепнымъ указателями въ № № 1-мъ и 2-мъ получается положительная, тогда какъ въ № 3-мъ (платицефалия) эта разность отрицательная ($-10,2$). Кроме того, мы усматриваемъ, что черепной указатель колеблется въ гиляцкихъ черепахъ отъ 70,4 до 85,2, т. е. на 14,8, а вертикально-поперечный указатель—отъ 88 до 101,5, т. е. на 13,5. Конечно, не позволительно дѣлать какія либо обобщенія на основаніи такого малаго матеріала, но все же разнообразіе въ строеніи гиляцкихъ череповъ указываетъ, что гиляки находились въ многоразличныхъ смѣшеніяхъ съ соседними народами. Изъ двухъ череповъ ольгша № 5-й платибрахицефаль, а № 6-й гипситезоцефаль; здѣсь колебанія въ черепномъ указателѣ равняются 12,3, а въ вертикально-поперечномъ—11,4. Гольдскій черепъ № 7 можетъ быть названъ почти гипсимезоцефаломъ. Изслѣдованные Вирховымъ три гольдскихъ черепа имѣли черепные указатели равными 73, 80,2, 85, а высотные 71,1, 79,6, 82,3. Слѣдовательно, разность въ черепномъ указателѣ—12. Черепа № № 8, 9 и 10 суть платибрахицефалы. Маліевъ (Матеріалы для антропологии восточнаго края Россіи, Казань 1874) даетъ для орончскаго черепа черепной указатель=76,4 а вертикально-поперечный указатель=99,2, т. е. разности съ № 10 составляютъ въ первомъ случаѣ 7,7, а во второмъ—19,5. Для одного даурскаго черепа Blumenbachъ даетъ черепной указатель=86,9, вертикально-поперечный=85,3 и высотный=74,2. Слѣдовательно, и этотъ черепъ—платибрахицефаль. Что же касается тунгусскихъ череповъ, то Шренкъ, кромѣ трехъ представленныхъ на таблицѣ, приводитъ еще размѣры четырехъ череповъ. Оказывается, что изъ 7 тунгусскихъ череповъ, 5 брахицефалическаго типа и 2 мезоцефалическаго и всѣ платицефалы. Долихоцефаловъ и гипсоцефаловъ между тунгусскими черепами

нѣтъ. Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ относительно айнскихъ череповъ. До сихъ поръ описано около 20 айнскихъ череповъ, и эти изслѣдованія даютъ право заключить о значительныхъ колебаніяхъ въ формѣ названныхъ череповъ; между ними есть и гипсидолихоцефалы и плати-брахицефалы; такъ что разность въ черепномъ указателѣ здѣсь составляетъ 14,8. Замѣчательно однакожь, что черепа брахицефалическаго и платицефалическаго типа встрѣчаются у айновъ въ пограничныхъ мѣстахъ ихъ обитанія, и слѣдовательно первоначальной типической формой айновъ слѣдуетъ считать черепа долихо и гипсидолихоцефалическаго типовъ. Если же, такимъ образомъ, черепа айновъ представляютъ такія же отношенія, какъ съ одной стороны черепа западно-европейскихъ народовъ, а съ другой, какъ черепа монгольской расы, то всетаки нельзя сопоставлять ихъ ни съ тѣми, ни съ другими. Отъ европейскихъ череповъ айнскіе отличаются слѣдующими особенностями: значительною шириною между скулами, сильнымъ выстояніемъ яремныхъ отростковъ затылочной кости (Busk), узкими, и мало выстоящими носовыми костями, болѣе широкими носовыми отростками верхней челюсти (Davis), прогнатіей верхней челюсти и колоссальнымъ развитіемъ мышечныхъ прикрѣпленій, особенно мѣсть прикрѣпленія жевательныхъ мышцъ (Вирховъ). Последняя характеристика, т. е. усиленное развитіе костныхъ отростковъ и возвышеній относится вообще къ черепахъ всѣхъ народовъ Амурскаго края. Что же касается расчленія скуловой кости, то хотя по Вирхову это составляетъ особенность айнскихъ и нѣкоторыхъ японскихъ череповъ, но по Груберу эта особенность не рѣдко наблюдается и на черепахъ русскихъ. Но и въ сравненіи съ черепами монгольскаго типа айнскія представляютъ нѣчто своеобразное, и Анучинъ даже въ брахицефалическомъ айнскомъ черепѣ нашелъ значительное приближеніе къ кавказскому типу череповъ.

V.

Въ предъидущей главѣ мы представили въ видѣ таблицы нѣкоторые результаты краниометрическихъ изслѣдованій Амурскихъ народовъ, но да-

леко не исчерпали всѣхъ выводовъ, которые вытекаютъ изъ сопоставленія этой таблицы съ таблицами Брока и Игеринга. И теперь мы не будемъ этого дѣлать, предоставляя эту нетрудную работу читателямъ; займемся же мы теперь специальнымъ, но краткимъ описаніемъ народовъ Амурскаго края, на сколько объ этомъ можно составить понятіе на основаніи представленныхъ Шренкомъ данныхъ.

Гиляки. Первое печатное упоминаніе о гилякахъ находится на картѣ Николая Витзена, изданной въ 1687 г. въ Амстердамѣ и посвященной Петру I-му и въ сочиненіи того-же автора появившемся въ 1692 г. подъ названіемъ «Noord en Oost Tartarye, а также въ копиі съ карты Витзена, изданной Allard' омъ. Въ различныхъ мѣстахъ названнаго сочиненія гиляки обозначены именемъ одного и того-же корня, какъ то: хиляки, хиляны, гиляки, гиляцы и гиляны; но свѣдѣнія о мѣстожительствѣ этого народа здѣсь крайне противорѣчивы. Витзень, очевидно, пользовался русскими источниками. Спасскій обнаружилъ „Сказаніе о великой рѣкѣ Амурѣ, которая разграничила русское селеніе съ китайцы“, найденное въ собраніи рукописей 17-го столѣтія и составленное еще до заключенія Нерчинскаго трактата (Вѣстникъ И. Р. Г. О. 1853). Кромѣ этого «сказанія» источникомъ для Витзена служила еще карта Сибири, составленная въ 1667 г. по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича тобольскимъ начальникомъ Петромъ Годуновымъ и отпечатанная въ Москвѣ. Хотя этотъ «первый сибирскій чертежъ» былъ и затерянъ, но, какъ разъяснилъ Миддендорфъ, улучшенное и исправленное изданіе его находится въ Ремезовскомъ атласѣ. И этотъ послѣдній атласъ считался затеряннымъ до 1842 г., когда онъ былъ найденъ Востоковымъ въ Румянцовскомъ музеѣ. Ремезовскій атласъ (или чертежная книга) былъ оконченъ въ 1701 г., но этнографическая карта была уже готова въ 1673 году. Другая еще болѣе важная карта подъ названіемъ «чертежъ всѣхъ сибирскихъ градовъ и земель», приложена къ сочиненію Миддендорфа «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири». Карта, приложенная къ описанію путешествія Ysbrants Ides на голландскомъ языкѣ, со-

ставлена, какъ показалъ Миллеръ, на основаніи Витзеновской карты. Сами гиляки называютъ себя Nib(a)ch ниб(а)хъ, что значитъ человекъ. Слово гиляки, вѣроятно, китайскаго происхожденія, хотя по толкованію Палладія и Лакинфа китайцы называютъ гиляковъ—фіака. Впрочемъ, это слово, какъ и многія другія, напр. киль, килоръ, хэдженъ безразлично употреблялись для обозначенія различныхъ народовъ нижняго Амура. Въ 50-хъ годахъ господствовало ученіе, что гиляки принадлежатъ къ тому же племени, что айно или курилы. Родоначальникомъ этого ученія былъ Клапротъ, который полагалъ, что айно или курилы распространялись съ южной оконечности Камчатки до Японіи и занимали Сахалинъ и материкъ до устья Усури; слѣдовательно, Клапротъ относилъ къ айно часть тунгусскихъ народовъ нижняго Амура, орочей, ольтна и гольдовъ. Но уже Ла-Перузъ замѣтилъ, что орочи и бичи не похожи ни на манчжуровъ, ни на жителей Сахалина, Тессо и курильскихъ острововъ, а Шренкъ еще въ 50-хъ же годахъ писалъ въ академію наукъ, что гиляки и айно суть различные народы, какъ по происхожденію, языку, такъ и по характеру и образу жизни. Воззрѣнія Клапрота, не смотря на то, что онъ не обратилъ вниманія на языкъ гиляковъ, раздѣлялись, и послѣ заявленія Шренка еще раздѣляются многими учеными. Русскіе путешественники, какъ то Паршинъ, Пермкинъ, Свербеевъ, причисляли гиляковъ къ тунгусамъ. Но языкъ гиляковъ, какъ увѣряетъ г. Шренкъ, не похожъ ни на аинскій, ни на тунгусскій, ни на какой другой языкъ народовъ сѣверо-западной Америки или сѣверо-восточной Азіи. Въ отношеніи языка гиляки образуютъ народъ самъ по себѣ, подобно алеутамъ, камчадаламъ, чукчамъ и корякамъ. Гилякскій языкъ характеризуется нагроможденіемъ многихъ согласныхъ и преобладаніемъ носовыхъ, гортанныхъ и шипящихъ звуковъ; въ немъ можно различить нѣсколько діалектовъ. Таковы діалекты материковыхъ гиляковъ и діалектъ сахалинскихъ гиляковъ. Замѣчательно, что, за исключеніемъ собаки, всѣ домашнія животныя, какъ то: лошадь, быкъ, овца, свинья, кошка, носятъ у гиляковъ тунгусскія имена,—это потому,

что они узнали этихъ животныхъ отъ народовъ, жившихъ вверхъ по Амуру; нѣкоторыя изъ дикихъ животныхъ, напр. *благородный олень* (*canis procyonoides*), называются также тунгусскими именами. Болѣе странно, что и тѣ животныя, которыя водятся въ гиляцкой части Амура, напр. коза, лось, барсукъ, обозначаются тунгусскими названіями; нужно, однако, замѣтить, что это такія животныя, которыя хотя и водятся на материкѣ, но не на Сахалинѣ; водящіяся здѣсь животныя носятъ гиляцкія названія. Эти факты даютъ Шренку поводъ заключать, что гиляки первоначально жили на Сахалинѣ, и уже впоследствии переселились на материкъ, гдѣ и усвоили себѣ тунгусскія названія животныхъ. Какъ уже замѣчено выше, Шренкъ не былъ въ состояніи отличать по физическимъ качествамъ гиляковъ отъ ольтша, тунгусовъ и даже отъ айно. Вообще же гиляки средняго, часто даже малаго роста, коренастаго, крѣпкаго сложенія, гораздо крѣпче сосѣдей ихъ—айно и тунгусовъ. Голова относительно велика, шея коротка, плечи широки, грудная клѣтка объемиста; туловище въ сравненіи съ конечностями, по крайней мѣрѣ, нижними, длинно; кисти и ступни поразительно малы и нѣжны—черта, которую они раздѣляютъ съ сосѣдями своими—тунгусами и айно. Все тѣло жилисто-мускулисто, но безъ жирной подкладки. Изслѣдованіе скелета гиляка, присланнаго въ 1866 г. д—ромъ Пфейферомъ въ Академію Наукъ, дало, между прочимъ, приблизительно такое же отношеніе конечностей къ длинѣ туловища, какое получено Анучинымъ (матеріалы для антропологии восточной Азіи. I. Племя айновъ. Извѣстія Общ. Люб. Естествозн. 1876 г.) на аинскихъ скелетахъ, именно: верхняя конечность относительно длинна, нижняя—коротка, что обуславливается значительной длиною лучевой и короткостію бедренной костей; мѣста прикрѣпленія мышцъ рѣзко выступаютъ, какъ и у всѣхъ нецивилизованныхъ расъ.

Цвѣтъ кожи гиляковъ болѣе или менѣе желтоватый, слегка темный, желто-бурый, у мужчинъ темнѣе, чѣмъ у женщинъ и дѣтей. Впрочемъ, при нечистоплотности гиляковъ, трудно судить о цвѣтѣ

кожи у нихъ. Относительно роста волосъ гиляки занимаютъ середину между тунгусскими народами Сибири съ одной стороны и айно съ другой, подходя впрочемъ ближе къ первымъ. Вообще, волоса гиляковъ гладки, жестки и цвѣтомъ черны,—волосяной пигментъ сохраняется до глубокой старости. Въ чертахъ лица ихъ выражается монгольскій типъ: круглое плоское лице, визкій лобъ, выступающіе скулы, косо поставленные глаза, короткій и не мясистый носъ. Однако необходимо отличить по крайней мѣрѣ три типа: два крайнихъ и одинъ средній. Крайніе типы могутъ быть названы айно-гиляцкимъ и тунгусско-гиляцкимъ, а третій есть собственно гиляцкій, въ которомъ монгольскія черты лица смягчены аинскими. Въ айно-гиляцкомъ типѣ монгольская характеристика лица почти исчезаетъ: лице не кругло, но продолговато или овально, лобъ не имѣетъ ската назадъ, скулы выступаютъ незначительно, корень носа довольно высокъ, хребетъ его значительно выпуклъ, глаза почти прямо поставлены, брови сильно выражены, борода довольно большая. Легко принять такой типъ за кавказскій, и Миддендорфъ объясняетъ его помѣсью гиляковъ съ русскими казаками 17-го столѣтія, но гораздо правильнѣе объяснять этотъ типъ помѣсью гиляковъ съ айно. Тунгусско-гиляцкій типъ съ трудомъ отличается отъ монгольскаго: лице кругловато, лобъ узкій и покатый назадъ; наибольшая ширина лица лежитъ между сильно выступающими скулами, глаза представляются въ видѣ косо узкой щели, брови едва обозначены, корень носа вдавленъ и почти плоскій, хребетъ его едва выдается, носъ широкъ и все лице безъ волосъ. Въ третьемъ типѣ монгольскія черты значительно смягчены: лице кругловато, скулы хотя и широки, но выдаются не сильно, глаза поставлены хоть и косо, но отбѣняются ясно замѣтными бровями, корень носа менѣе вдавленъ, хребетъ его болѣе выпуклый, и борода и усы значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ у тунгусовъ. У женщинъ преобладаютъ монгольскія черты лица, такъ что описанные типы къ нимъ съ трудомъ приложимы. Выраженіе въ чертахъ лица различно при различныхъ типахъ: въ чисто гиляцкомъ сказывается въ

нихъ энергія, рѣшительность, часто также и хитрость и коварство; въ тунгусско-гиляцкомъ—отражаются свойственныя тунгусамъ благодуміе и безпечность; въ айно-гиляцкомъ—замѣчается нѣчто затаенное, мрачное, меланхолическое. Женщины гиляцкія рано увядаютъ и выглядятъ серьезными съ отпечаткомъ подавленности и утомленія. О гиляцкихъ черепахъ мы уже говорили, здѣсь же только замѣтимъ, что черепъ, описанный Pruner Bey' емъ (Bulletin de la société de Paris 1876), Barnard Davis' омъ (Account of the Skull of a Ghiliak, 1870) и Вирховымъ (Verhandlung. der Berl. Gesellsch. f. Anthropol. 1873), какъ разъясняетъ Шренкъ, вовсе не гиляцкій черепъ. Исторія этого черепа такова: польскій ссыльный Н. Weber нашелъ въ 1858 г. въ окрестностяхъ Кидзи черепъ и послалъ его А. Giller въ Иркутскъ, а этотъ послѣдній черезъ два года отправилъ его къ другу своему Коперницкому въ Варшаву. Отъ Коперницкаго получили на время черепъ Pruner Bey въ Парижѣ, Barnard Davis въ Лондонѣ, а Вирхову посланъ былъ гипсовый слѣпокъ. Черепъ найденъ Веберомъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Веберъ наткнулся на него въ лѣсу, гдѣ онъ висѣлъ между вѣтвями деревь. Но во-1-хъ, въ окрестностяхъ Кидзи гиляковъ нѣтъ, а во-2-хъ гиляки сжигаютъ трупы умершихъ; слѣдовательно, черепъ, найденный Веберомъ, никоимъ образомъ нельзя считать гиляцкимъ. Живущіе въ окрестностяхъ Кидзи ольшна *только* убитыхъ погребаютъ въ лѣсу, именно ставятъ тѣло на поперечныя перекладины, укрѣпляемыя между тремя древесными стволами на сажень или выше надъ землей; обыкновенныхъ же умершихъ они погребаютъ въ деревянныхъ гробахъ. Напротивъ орочи всегда хоронятъ умершихъ въ лѣсу, и именно между вѣтвями деревьевъ. Значитъ, съ большею вѣроятностію можно допустить, что Веберовскій черепъ принадлежитъ какому нибудь орочѣ.

Къ какой же группѣ народовъ отнести гиляковъ? По физическимъ качествамъ гиляки могли бы быть отнесены къ монгольско-тунгусскимъ народамъ, причѣмъ уклоненія отъ монгольскаго типа достаточно объяснялись бы влияніемъ сосѣднихъ айновъ. Но

языкъ гиляковъ, занимающій совершенно изолированное положеніе въ ряду другихъ языковъ, не позволяетъ этого сдѣлать. Въ «Лингвистикѣ» Овелака мы находимъ группу гиперборейскихъ языковъ, куда отнесены: юкагирскій, языкъ чукчей и каряковъ, камчадалскій, языкъ айносовъ, гиляцскій, языкъ енисейскихъ остяковъ и коттовъ, иннуитскія нарѣчія эскимосовъ на крайнемъ сѣверѣ Америки и алеутскія нарѣчія. Овелакъ оговаривается, что общее названіе гиперборейскихъ или полярныхъ, даваемое этимъ языкамъ, не должно вводить насъ въ заблужденіе на счетъ ихъ родства между собой и съ другими и добавляетъ, что, вѣроятно, нѣкоторые изъ этихъ языковъ не поддадутся никакимъ попыткамъ отнести ихъ къ той или другой извѣстной группѣ. Шренкъ обращаетъ вниманіе, что народы, обладающіе своеобразнымъ, немогущимъ быть отнесеннымъ ни къ какой группѣ языкомъ—sprachlich isolirte Völker—находятся или на краю материка, на его полуостровахъ, или на сопровождающихъ его островахъ. Поэтому онъ предлагаетъ называть эти народы общимъ именемъ краевыхъ народовъ, съ прибавленіемъ географическаго термина опредѣляющаго ихъ мѣстожителство, напр. Nord или Nordost—asiatische Randvölker. Есть таковыя Randvölker и на западѣ, напр. баски, этруски и арауты. Быть можетъ, всѣ эти Randvölker суть остатки болѣе древнихъ народовъ (Paläasiaten), нѣкогда занимавшихъ обширныя области на материкѣ и впоследствии вытѣсненныхъ монгольскими, финскими, тюрко-татарскими и урало-алтайскими племенами.

Айны. Свѣдѣнія объ айно относятся къ глубокой древности. Они первоначально жили на Ниппонѣ, затѣмъ, тѣснимые японцами, переселялись все болѣе и болѣе къ сѣверу на Иессо, Сахалинъ и Курильскіе острова. По Зибольду, еще за 600 лѣтъ до Р. Х. весь Ниппонъ былъ заселенъ айнами, которыхъ японцы называли восточными дикарями; въ началѣ IX столѣтія господство династіи микадо распространилось на весь Ниппонъ, гдѣ японцы должны были вести войны съ айно; въ концѣ XV ст. айны о-ва Иессо подчинились власти японцевъ; въ XVII столѣтіи была послана экспедиція для снятія карты

Сахалина; курильскіе острова открыты случайно въ 1672 году. Однако, только со временъ кругосвѣтнаго плаванія Крузенштерна стали называть айно этимъ именемъ, какъ они сами себя называютъ, ибо айно или айну значитъ на ихъ языкъ человекъ; куръ—тоже человекъ, отсюда курилы. Гиляки, равно какъ китайцы и манчжуры, называютъ айновъ *куэ*. Сахалинскихъ айновъ гиляки называютъ *ларэ—кули*. О происхожденіи айно были высказаны самые противорѣчивые взгляды. Ла-Перузъ, основываясь на европейскихъ чертахъ лица аборигеновъ Сахалина, Курильскихъ острововъ и Иesso, признавалъ, что населеніе этихъ острововъ не азіатскаго происхожденія. Bickmore (The Ainos or hairy men of Iesso, Saghalin and the kurile Islands, American Journ. of Science 1868) всего рѣшительнѣе защищалъ воззрѣніе объ индо-европейскомъ происхожденіи айновъ: своими чертами лица, горизонтальнымъ разрѣзомъ глазъ, невыдающимися скулами, обиліемъ волосъ айно рѣзко отличаются отъ японцевъ, китайцевъ, манчжуровъ, гиляковъ и камчадаловъ; они поэтому составляютъ вѣтвь арійскаго семейства. Одни индо-европейскіе народы пошли изъ центральной возвышенности Азіи на западъ, другіе, какъ персы и индійцы, на югъ, третьи, какъ айно, пошли на востокъ. Но айны хоть и арійцы, говорятъ не арійскимъ языкомъ. Англійскій миссіонеръ, д—ръ Grey считалъ айно семитическаго происхожденія; Brand признавалъ ихъ родственными индѣйскимъ племенамъ Америки—утахамъ и шошонамъ. Vivien de s—t Martin (l'année géographique 1870—71) разсматриваетъ айно, какъ особую расу, первоначально жившую отъ Суматры до Филиппинскихъ острововъ; это бѣлая раса почти съ кавказскими чертами. Малайская раса есть гибридная форма между расою айно и желтыми азіатскими народами. Сильное развитіе бороды и вообще волосъ доказываетъ родство айно съ океаническими народами. Peschel причисляетъ айно къ черной папуанической расѣ; Зибольдъ находитъ большое сходство между айно и амурскими тунгусами по наружному виду, нравамъ и обычаямъ, Добротворскій (южная часть Сахалина, Извѣстія Сиб. Отд. Геогр. Общ. 1870) прямо причисляетъ

айновъ къ монгольской расѣ. Чтобы ориентироваться во всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ воззрѣніяхъ, надобно имѣть въ виду, что аинскій языкъ не схожъ ни съ индо-европейскими, ни съ семитическими, ни съ папуаническими, ни съ языками полинезійцевъ и индѣйцевъ сѣв. Америки, но занимаетъ вполне изолированное положеніе. Вѣроятно, и айно принадлежатъ къ категоріи краевыхъ народовъ, составляющихъ остатки палеазиатовъ; путь, какимъ они пошли на острова, былъ, вѣроятно, не Амуръ, а Корея, и потому слѣды айновъ на материкѣ надобно искать въ послѣдней странѣ. Richthofen нашелъ, что на корейско-китайской границѣ, корейцы двухъ типовъ, изъ которыхъ одинъ напоминаетъ айновъ Иesso. Ростъ айновъ около 5 парижскихъ футовъ, тѣлосложенія они крѣпкаго съ сильно развитою мускулатурою. Относительно цвѣта кожи показанія различны, и можно, повидимому, встрѣтить всѣ возможные типы цвѣтовъ отъ чернаго, бураго, мѣдно-краснаго, бронзоваго, желтаго, желтоватаго до бѣлаго. Въ отношеніи роста волосъ всѣ путешественники согласны, хотя у древнихъ встрѣчаются сильныя преувеличенія. Сильное развитіе волосъ составляетъ характеристическую черту айновъ, но при этомъ волоса не курчавы, а прямые, и въ разрѣзѣ представляются не уплощенными (какое свойство идетъ рука объ руку съ курчавостію), а круглыми, цвѣта буроватаго; съ возрастомъ пигментъ теряется, и волоса сѣдѣютъ и кромѣ того легко выпадаютъ, такъ что плѣшивость довольно частое явленіе среди айновъ. Въ чертахъ лица можно замѣтить два типа: одинъ приближается къ европейскому, а другой къ монгольскому. Первый встрѣчается чаще и характеристическія черты его слѣдующія: высокій и широкій лобъ, горизонтально расположенные, широко открытые глаза, отгѣненные большими бровями, носъ выпуклый, правильный, скулы не выдаются; борода, усы и бакенбарды сильно развиты. Въ монгольскомъ типѣ черты лица слѣдующія: то глаза слегка косо поставлены, то корень носа сильно вдавленъ и самый носъ широкій и плоскій, то скулы выдаются значительно и развитіе волосъ слабѣе. У женщинъ черты лица болѣе грубы и подчасъ отвратительны, что

объясняется отсутствиемъ волосъ на лицѣ и усиленнымъ трудомъ, лежащимъ на айнскихъ женщинахъ. По мнѣнію Шренка, первый типъ, приближающійся къ кавказскому, слѣдуетъ считать первоначальнымъ. Изъ окружающихъ айно народовъ ни одинъ не представляетъ сходства съ кавказскимъ типомъ. Путешественники же, находившіе сходство айновъ съ европейцами, сдѣлали свои наблюденія на айно о-ва Тессо, гдѣ они соприкасались только со своими единоплеменниками, монгольскій же типъ лица указывали на границахъ ихъ мѣстожителства. По Крузенштерну и другимъ, лица айновъ носятъ на себѣ выраженіе сердечной доброты и лишены той затаенной хитрости, которая отличаетъ японцевъ и китайцевъ; въ нихъ отражается даже нѣчто боязливое, несвободное, рабское. Впрочемъ, тамъ, гдѣ айно были свободны отъ подавляющаго вліянія японцевъ, напр. на западномъ берегу Тессо, они имѣютъ бодрый видъ.

VI.

Для тунгусскихъ народовъ Амурскаго края Шренкъ даетъ слѣдующую классификацію: 1) дауры и солоны съ значительною монгольской примѣсью; 2) маньчжуры, гольды и орочи; 3) орочны, манэгиры, бирары и килы на Курѣ; 4) ольтша на Амурѣ и Сахалинѣ (ороки), негда и самагиры. Двѣ первыя группы образуютъ южную или маньчжурскую вѣтвь тунгусскаго племени, двѣ остальные составляютъ сѣверную или сибирскую вѣтвь того же племени. Классификація эта, согласно основному принципу Шренка, построена на свойствахъ языка описываемыхъ народовъ и отличается отъ классификаціи Г. Семенова (землеводеніе Азіи, т. I, стр. 426). Г. Семеновъ, основываясь на сочиненіяхъ Такинфа, Васильева, и своихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ, ставитъ дауровъ, солоновъ и гольдовъ, какъ потомковъ древнихъ Khitan и Schiwei въ одну группу, а маньчжуровъ и Iupi—tatse въ другую, какъ потомковъ Njutschi, народъ же ольтша онъ считаетъ за потомковъ Мен—гу, отъ которыхъ Чингизъ-ханъ заимствовалъ названіе для своего народа. Шренкъ

указываетъ, что послѣднее сопоставленіе основано только на созвучіи, ибо ольтша называется еще мангунами, что собственно значитъ жители Амура. Далѣе, терминъ Iupi—tatse тоже довольно неопредѣленный, ибо онъ относится ко всемъ народамъ нижняго Амура, дѣлавшимъ себѣ одежды изъ рыбьей кожи; подъ нимъ можно было бы разумѣть соседней маньчжуровъ—гольдовъ, но они стоятъ въ другой группѣ, какъ и ольтша; остаются, значитъ, орочи.

Ороки на Сахалинѣ по языку своему представляютъ большое сходство съ ольтша и, быть можетъ, составляютъ только вѣтвь этого народа. Шмидтъ, Гленъ и Брылкинъ подтверждаютъ этотъ взглядъ и свидѣтельствуютъ, что сами ороки сознаютъ свое родство съ ольтша. Максимовичъ собралъ много матеріаловъ для ознакомленія съ языкомъ ольтша, но Шренкъ и до опубликованія выводовъ лингвистовъ считаетъ возможнымъ указать на близость этого языка къ языку тунгусовъ на Тугурѣ, удскихъ тунгусовъ, хотя въ нѣкоторыхъ словахъ замѣтно и гиляцкое вліяніе. Но безспорно, къ языку ольтша ближе всего стоятъ языки негда и самагировъ; изъ послѣднихъ, языкъ негда близокъ къ языку удскихъ тунгусовъ, а самагирскій языкъ долженъ былъ испытывать вліяніе гольдскаго, напр. названія животныхъ у самагировъ гольдскаго происхожденія. Переходя изъ области ольтша въ область гольдовъ, замѣчаютъ, что сначала языкъ измѣняется незамѣтно: многія слова остаются тѣ же, въ нѣкоторыхъ только гласныя или родственныя согласныя представляютъ измѣненіе; чѣмъ далѣе вверхъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ различіе языка: измѣненныя слова становятся неузнаваемыми, появляются новыя слова, въ нижнемъ Амурѣ не употребляющіяся. Въ гольдской области между устьемъ Усури и Сунгари языкъ представляется уже какъ бы совершенно отличнымъ отъ языка нижняго Амура и его лѣвыхъ притоковъ. Такимъ образомъ въ гольдскомъ языкѣ можно различить три діалекта: нижній отъ сѣверной границы гольдскаго населенія на Амурѣ до Гончскихъ горъ, представляющій сходство съ языками ольтша и самагировъ; средній—отъ Гончскихъ горъ до устья Усури и вверхъ по этой рѣкѣ, оказывающійся на-

и болѣе чистымъ гольдскимъ языкомъ; и наконецъ верхній—отъ устья Уссури вверхъ по Амуру и затѣмъ по Сунгари до южной границы гольдской области, имѣющій наибольшее сходство съ манчжурскимъ языкомъ и отчасти съ китайскимъ. Профессоръ Захаровъ, известный знатокъ манчжурскаго языка, высказался, что гольдскій языкъ стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ манчжурскимъ языкомъ, судя по общности многихъ словъ, одинаковости корней, которые въ обоихъ языкахъ многосложны, по сходству многихъ грамматическихъ формъ; и потому онъ полагаетъ, что гольдскій языкъ есть сѣверная, а манчжурскій—южная вѣтвь одного и того же языка. (И. Захаровъ, о материалахъ для изученія гольдскаго языка, доставленныхъ о. Протодіаконовымъ. *Извѣстія Р. Г. О.* 1876 г.). Къ гольдскому языку, вѣроятно, близокъ языкъ орочей. По Венюкову, многія слова орочей тѣ же, что и у гольдовъ, но произношеніе ихъ другое; вообще же въ языкѣ орочей преобладаютъ мягкіе звуки. Орочи или Тадзе должны были испытывать, кромѣ того, и вліяніе китайцевъ. Изъ языка киловъ Шренкъ знаетъ только нѣсколько именъ животныхъ; они сходны съ бирарскими, манэгирскими и съ гольдскими. Языкъ бираровъ и манэгировъ очень сходственны между собою, и къ языку манэгировъ очень близокъ языкъ орочиковъ. Бирары понимаютъ языкъ дауровъ и для орочиковъ этотъ языкъ также не чуждъ. Дауры называютъ домашнихъ животныхъ какъ то: лошадь, быка и овцу, монгольскими именами; нѣкоторые дикія животныя, имѣющія значеніе въ торговомъ отношеніи, напр. соболь, лисица, выдра, бѣлка, медвѣдь, лось, благородный олень, носятъ у дауровъ также монгольскія имена. Языкъ солоновъ болѣе или менѣе близокъ къ языку манчжуровъ.

Что же касается физическихъ качествъ Амурскихъ тунгусовъ, то Шренкъ прежде всего даетъ понятіе о типѣ сибирскихъ тунгусовъ, какъ болѣе известнаго. Безспорно, типъ сибирскихъ тунгусовъ, вслѣдствіе помѣсей съ тюрко-татарскими, монгольскими, финскими и русскими племенами, представляетъ разнообразіе, но все же въ немъ можно уловить нѣчто характеристическое. Какъ всѣ номады, они

имѣютъ сухую, тощую, жилисто-мускулистую конституцію. Цвѣтъ кожи болѣе или менѣе желтовато-бурый, волосы чернаго цвѣта, на головѣ довольно обильны, гладки, борода, усы и баки скудны; брови хорошо выражены. Черепъ широкъ, лице вытянуто въ длину, разстояніе между скулами больше, чѣмъ лобный поперечный размѣръ, и скулы выдаются, хотя и не такъ сильно, какъ у настоящихъ монголовъ. Глазницы велики, глаза узки и поставлены косо; межглазное пространство широко; носъ плоскій, широкій, часто вдавленный при корнѣ, хребетъ его слегка выпуклый. Губы тонки, верхняя губа довольно длинна, подбородокъ круглый, челюсти нѣсколько прогнатичны. Лице носитъ выраженіе добродушія, лѣности и безпечности. Промежуточный членъ между описанными выше палеазиатами и тунгусами составляютъ ольтша и съ трудомъ отличаемые отъ послѣднихъ ороки: они болѣе крѣпкаго сложенія, чѣмъ тунгусы, скулы у нихъ выступаютъ менѣе, глаза поставлены не такъ косо, и развитіе волосъ на бородѣ значительнѣе. Но и между ольтша встрѣчаются широко-скулистые, плосконосые, съ косо поставленными глазами и безбородые; подобный же типъ имѣется и у гиляковъ. И вообще по наружному виду трудно отличать ольтша отъ гиляковъ, тутъ выручаетъ различіе ихъ языковъ. Тоже самое относится и къ амгуньскимъ тунгусамъ—негда; самагиры же болѣе похожи на гольдовъ, чѣмъ на гиляковъ. У гольдовъ тунгусскій типъ лица выступаетъ довольно замѣтно, но вслѣдствіе соприкосновенія нижнихъ гольдовъ съ ольтша, а верхнихъ съ манчжурами и китайцами, у нихъ образовались нѣкоторыя отличія. Лице у нихъ кругловато-овальное и представляетъ известныя монгольскія черты—широкіе скулы, узкіе, косо поставленные глаза, широкій и низкій носъ. Но попадаются также и менѣе широкіе скулы, глаза менѣе косо поставленные, носъ высокій и выпуклый, губы толстыя, но какъ и подбородокъ, почти безволосые. Равнымъ образомъ и черепъ является двухъ формъ: то съ узкимъ лбомъ, покатымъ къ макушкѣ, то болѣе четырехугольнымъ съ широкимъ лбомъ и плоскимъ теменемъ. Слѣдовательно, между гольдами можно различать по

крайней мѣрѣ два типа, изъ которыхъ одинъ болѣе приближается къ манчжурскому, а другой — къ типу сѣверныхъ тунгусовъ. Въ послѣднемъ типѣ уклоненія отъ тунгусскаго могутъ быть объяснены сопряженіемъ съ палеазіатами — гиляками. Такимъ образомъ, на гольдовъ нужно смотрѣть, какъ на промежуточное звено между манчжурами и сѣверными тунгусами. Орочи въ различныхъ мѣстахъ ихъ обширной области распространенія имѣютъ различное строеніе тѣла и лица. Между тѣмъ какъ на сѣверѣ, въ прибрежныхъ горахъ и на негостепримномъ морскомъ берегу они живутъ довольно изолированно и только изрѣдка посѣщаются ихъ сосѣдями — гольдами и ольтша, а въ заливѣ де-Кастри — и гиляками, — на югѣ они находятся въ постоянныхъ соприкосновеніяхъ съ китайцами. И потому сѣверные орочи сохранили въ чистотѣ чисто тунгусскій типъ, впрочемъ въ заливѣ де-Кастри населеніе смѣшанное изъ орочей и ольтша. Исслѣдователи были поражены, что населеніе де-Кастри, живущее въ такой близости отъ западныхъ береговъ Сахалина, почти при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, не смотря на сходный образъ жизни и нравы, представляется настолько различнымъ, что они видѣли въ немъ *des hommes d' une espèce différente*. При этомъ они указывали на замѣчательную отвратительность ихъ внѣшняго вида. Ла-Перузъ пишетъ: *il n' existe peut être pas de peuple d' une physiognomie plus éloignée des formes, auxquelles nous attachons l' idée de la beauté*, и спутникъ Ла-Перуза Rollin называетъ ихъ *les plus laids et les plus chetives que j' aye vus sur les deux hémisphères*. Цвѣтъ кожи менѣе темень, чѣмъ у айно, волоса на головѣ чернаго цвѣта и менѣе обильны, чѣмъ у послѣднихъ; ни бороды, ни усовъ нѣтъ, брови мало выражены. Лице плоско и четырехъугольно, лобъ малъ, закруглень, нѣсколько покатъ назадъ; скулы широки и выдающіеся; глаза малы, узки и косо поставлены; носъ плоскій, при корнѣ едва замѣтный; ротъ большой, губы толсты. Въ этихъ чертахъ, очевидно, нѣтъ намековъ на примѣсь палеазіатовъ, и позднѣйшіе наблюдатели описываютъ орочей сходственнымъ образомъ. Къ сожалѣнію, подобныхъ же описаній южныхъ орочей или

тадзовъ не существуетъ. По Венюкову, они обладаютъ хорошо развитою мускулатурою и лишены отвратительныхъ монгольскихъ чертъ: скулы слабѣе выдаются, носъ не плоскій, разстояніе между глазами менѣе велико. Максимовичъ нашелъ ихъ выше средняго роста и прекрасно сложенными, съ большимъ носомъ, но со слабой бородой. Бирары по своимъ физическимъ качествамъ стоятъ ближе къ манчжурамъ, чѣмъ къ орочонамъ. Манэгировъ Маакъ изображаетъ такъ: они средняго или даже довольно высокаго роста, крѣпкаго сложенія. Строеніе лица у нихъ представляетъ два типа: одинъ имѣетъ чисто монгольскія черты, съ малымъ носомъ и выдающимися скулами; въ другомъ болѣе рѣдкомъ типѣ, лице овальное съ благородными чертами, носъ длинный и то прямой, то искривленный. Этотъ послѣдній типъ Маакъ приписываетъ вліянію манчжуровъ, но по Шренку скорѣе слѣдуетъ объяснить его смѣшеніемъ съ даурами. Орочоны примыкаютъ по своимъ физическимъ качествамъ къ сѣвернымъ тунгусамъ, но у нихъ монгольскій типъ менѣе выраженъ, чѣмъ у бурятъ, калмыковъ и якутовъ. Дауры и солоны еще древними миссіонерами описывались, какъ одаренные высокимъ ростомъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ.

Такимъ образомъ, классификація тунгусовъ по языку и по физическимъ качествамъ вообще хотя и совпадаетъ, но иногда и расходится. Ольтша, негда и самагиры образуютъ одну группу въ отношеніи языка, но по физическимъ качествамъ первыхъ не отличись отъ гиляковъ, а послѣдніе (самагиры) близко примыкаютъ къ гольдамъ. Бирары, манэгиры и орочоны составляютъ по языку одну группу, но по физическимъ качествамъ первые два народа стоятъ ближе къ манчжурамъ, а послѣдніе къ сѣвернымъ тунгусамъ. Это не совпаденіе рѣчевыхъ качествъ народовъ говоритъ за то, что вслѣдствіе помѣсей они гораздо скорѣе лишаются физическихъ, чѣмъ рѣчевыхъ особенностей.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о названіяхъ тунгусскихъ народовъ Амурскаго края. *Объ орочахъ* историческія свѣдѣнія крайне скудны. Манчжуры, возвратившіеся изъ экспедиціи, послан-

ной въ 1709 г. на Сахалинѣ императоромъ Kang—hi, вынесли извѣстіе, что нѣкоторые островитяне употребляютъ для перевозки тяжестей вмѣсто лошадей оленей; очевидно, они имѣли въ виду ороковъ. Японскіе путешественники Mogami Tok—nai и Mamia Rinzô описываютъ ороковъ подъ именемъ orotsko; айны называютъ ихъ — orochko, гиляки orongta или ogooko. Достоинно примѣчанія, что гиляки для ольтша имѣютъ созвучное названіе—orongt или orongsch. Членъ *oro* или *оронъ* значитъ у тунгусскихъ народовъ—олень. *Орочи*, судя по названію, могли бы быть приняты также за оленныхъ тунгусовъ, но они не принадлежатъ къ этой категоріи и распространялись не съ сѣвера, а съ юга—изъ предѣловъ Кореи. Китайцы называютъ орочей южнѣе 46° сѣв. широты Та—дзѣ, и русскіе въ настоящее время также ихъ называютъ. По Клапроту, это слово происходитъ отъ *ta—ta*, которымъ китайцы еще въ IX стол. обозначали всѣ монгольскіе народы, жившіе отъ нихъ на сѣверо-западѣ, а впоследствии перенесли и на сѣверо-восточныхъ тунгусскихъ народовъ; въ этомъ названіи звучитъ понятіе о варварахъ. Въ китайской географіи орочи названы манчжурскимъ именемъ Kiyakla, или испорченнымъ китайскимъ—Go—khe—la. Палладій также названіе *kjakala* относитъ къ тазамъ. Гольды называютъ орочей *kakara* Mamia Rintô—Kiakkara, гиляки—Kjachkal. Вѣроятно, гиляки заимствовали свое названіе для орочей отъ гольдовъ, которые находились съ ними въ болѣе близкомъ сношеніяхъ. Имя же орочей ведетъ свое начало отъ Ла-Перуза, который перенесъ на нихъ названіе ольтша, тѣмъ болѣе, что и въ его время населеніе де-Кастри было смѣшанное. Народъ *олтша* смѣшивали то съ гольдами, то съ гиляками. Іезуиты миссіонеры называли ольтша собирательнымъ именемъ Ketscheng или Ketsching; это же имя придавалось и вообще всѣмъ народамъ нижняго Амура. U—tschen (Записки о Нингутѣ, пер. Васильева) разумѣлъ ольтша подъ именемъ Chesdsin или Chädschen, но имя это есть общее для гольдовъ и ольтша. Манчжуры называютъ ольтша—Chydsha, а на языкѣ ольтша Chydshi значитъ *ниже*. Такинфъ первый отличилъ ольтша отъ гольдовъ, ибо онъ го-

ворить, что между устьемъ Уссури и Амура найдется три народа: янты, орликъ и гиляки. Янты суть гольды, и именно нижніе, такъ ихъ называютъ гиляки. Значитъ, орликъ есть названіе ольтша и произошло оно, вѣроятно, отъ гиляцкаго *orongt* или *orongsch*. *Гольдовъ*, какъ мы уже видѣли, русскіе 17-го столѣтія называли натками и ачанами, а китайцы и манчжуры—Ketscheng или Chädschen. Брылкинъ и Маакъ называютъ ихъ ходзенами. Mamia Rinzô слышалъ на Сахалинѣ о народѣ, который называется *kordekke*,—это вѣроятно, гольды, ибо у японцевъ звука *l* не достаетъ и замѣняется онъ звукомъ *z*; звукъ же *k* родственъ *z*. Такимъ образомъ, *kordekke* есть, по всей вѣроятности, *Goldekke*. Слово это, вѣроятно, гиляцкаго происхожденія, ибо гиляки называютъ среднихъ гольдовъ *Tscholdok*. Первое упоминаніе о *негда* находится въ «Описи Удскаго берега и Шантарскихъ острововъ» въ 1829, 1830 и 1831 годахъ (Записки гидрогр. департ. морск. минист.), гдѣ приведенъ разсказъ священника Дьячковаго о существованіи народа негеданцы. Гиляки называютъ негда *Rhdy* или *Rhdyngu*. Поярковъ упоминаетъ о *шамгирѣ*—тунгусахъ при устьи Дзеи; гиляки называютъ самагировъ *kil*, а Mamia Rinzô—Kiren. Килы у гольдовъ есть собирательное имя для всѣхъ народовъ нижняго Амура. Упоминаемый Миддендорфомъ *Gurag* есть, вѣроятно, киль съ кура: курагиръ, затѣмъ гурагиръ и наконецъ гурагръ. О *бирарагъ* въ истокахъ Силимджи упоминаетъ въ 1646 г. Поярковъ. *Мангировъ* китайская географія разумѣетъ подъ именемъ *gunhschun*, или *Golunhschun*, т. е. оленныхъ номадовъ, но въ настоящее время мангирь суть уже конные номады. У путешественниковъ прошлаго столѣтія (Гмелинъ, Палласъ, Георги, Миллеръ, Фишеръ, Мессершмидтъ) слово *орочонъ* не встрѣчается. Орловъ (Амурскіе ороченцы, Вѣстникъ Р. Г. О. Ч. XXI. 1857) полагаетъ, что орочоны праваго и лѣваго берега Амура принадлежатъ къ различнымъ племенамъ, въ разное время переселившимся. Оба племени происходятъ съ сѣвера Становаго хребта, вѣроятно съ Олекмы. Орочоны лѣваго берега были сосѣдями мангировъ и слѣдовали по пятамъ ихъ при передвиженіи послѣд-

нихъ. Орочны же праваго берега переселились туда около 1827 года. Древнѣйшее упоминаніе о *солоняхъ* находится у іезуитовъ—миссіонеровъ, которые изображаютъ ихъ какъ ловкихъ охотниковъ. Сами они считаютъ себя за манчжуровъ, потомковъ Njutschі Архимандритъ Палладій пишетъ, что въ старину имя солонъ было весьма почетно, такъ что дауры выдавали себя за солонъ. Теперь, наоборотъ, солонъ называютъ себя даурами такимъ тономъ, въ которомъ звучитъ *civis romanus sum*. У тунгусскихъ народовъ нижняго Амура, у ольтши, гольдовъ, можетъ быть, и у манчжуровъ, «соло» значитъ *выше*, какъ *chydshi*—ниже. Такинфъ считаетъ слово солонъ монгольскаго происхожденія, гдѣ оно значитъ стрѣлокъ. *Манчжуровъ* русскіе 17-го столѣтія называли богдойцами, хотя имъ было извѣстно манчжурское названіе китайцевъ *никанцами*. Замѣчательно, что хотя слово *шкань* по китайски значитъ «безполезный, глупый, неотесанный, неловкій, мужикъ», но китайцы не безъ гордости распространяютъ, что они принадлежатъ къ побѣжденному народу; это, между прочимъ, потому, чтобъ ихъ не смѣшивали съ манчжурами, которые пользовались презрѣніемъ и ненавистью у народовъ нижняго Амура. Другое названіе для китайцевъ (по Сунгари, Уссуріи и въ прибрежныхъ областяхъ)—*мандзы*, какъ полагаетъ Васильевъ, монгольскаго происхожденія: монголы заимствовали это слово отъ *ман* или *ман-дзе*, какъ называли китайцы народъ, къ югу отъ нихъ жившій—южныхъ варваровъ. *Японцевъ* камчадалы называютъ *Sühsemen*, *гиляки*—*Ssisam*, ольтша и гольды—*ssisa*; айно острова *Iesso* называютъ японцевъ *samo*. Русскихъ называютъ *гиляки*, ольтша, орочи, гольды и самагиры *Lotscha*; тоже имя слышалъ Радде у бираровъ. Китайцы зовутъ русскихъ *олоссы*.

М. Писаревъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Материалы для изученія шаманства въ Сибири. Слѣды шаманства у якутовъ. Изъ письма д. чл. Н. С. Горохова.

На-дняхъ, мнѣ, совершенно случайно, попалось «нѣсколько вопросовъ по сравнительному изученію животнаго и мнѣческаго эпоса у народовъ сѣвера Сибири»; сост. г. Г. Н. Потанинымъ. Спѣшу дать нѣсколько отвѣтовъ на эти вопросы, по отношенію къ якутамъ:

1) Я у якутовъ не слыхалъ легенды объ отрубленномъ пальцѣ.

2) Въ официальныхъ случаяхъ, нынѣ, присяга совершается по общепринятымъ формамъ русскаго законодательства, такъ какъ якуты всѣ православыне. Въ жизни, между собой, они клянутся слѣдующимъ образомъ:

Лопни глаза мои, если я...

Переломись у меня руки, ноги...

Пусть свернется у меня шея, раздробится поясница.

Пусть стянеть мой языкъ...

Рождаемое (мною) дитя да будетъ безъ колыбели*), воспитываемый скотъ да не будетъ имѣть загона и хлѣвовъ.

Да не увижу доброе жены (мужа) и дѣтей**).

Пусть жена и дѣти пойдутъ по міру.

Пусть черная земля вскипитъ надо мной***).

Пусть не увижу свѣта дня (солнца).

Пусть съѣстъ меня *проказа* (нясь зло).

Убей меня Богъ!

Якуты мнѣ сказывали, что до принятія христіанства ихъ приводили къ присягѣ слѣдующимъ образомъ: заставляли цѣловать лезвіе пальмы и говорить: *пусть она меня зарыжетъ*, дуло ружья—*пусть меня застрѣлитъ*. И общая клятва, *юнею*, *батасъ асалыча буолумъ!*, т. е. пусть буду пицей конья и пальмы.

3) Никакой легенды о созвѣздіи большой медвѣдицы я не слыхалъ. Это созвѣздіе якуты называютъ *арангас-сулус*, т. е. навѣсъ-звѣзда†).

4) Плеяды зовутся *юръяль*—*продушина*, *дувама*. По названію можно допустить, что якуты плеяды считали причиной холода. А въ сказкахъ, одинъ изъ витязей, «сшилъ себѣ рукавицы изъ тридцати паръ волчьихъ лапъ, чтобы заткнуть *юръяль*, когда она будетъ дуть-разить холодомъ-стужей».

*) Т. е. дитя пусть умреть сейчасъ послѣ родовъ.

**) Пусть умреть.

***) Пусть я умру.

†) *Арангасъ*—навѣсъ на 4, 6 или 8 столбахъ; въ сказкахъ онъ называется мѣднѣмъ—*атанг-арангасъ* и строится нарочито для жениха, пріѣхавшаго къ родителямъ невѣсты и къ самой послѣдней. Женихъ лежитъ и сидитъ на этомъ навѣсѣ долгое время, не спускаясь на землю, чтобы не оскверниться; даже дьяволъ—въ данномъ случаѣ—исполняетъ этотъ обычай... Навѣсъ этотъ и нынѣ строится отдѣльно отъ другихъ построекъ, но жениху на него не взмачиваются.

5) Я ни разу не слышалъ о *ключахъ* неба, хотя, по представленіи якутовъ, небо несомнѣнно представляетъ *твердь*, на которой живутъ высшія существа, безсмертныя, (*эльбетъ тыннахъ*, съ неумирающей душой-дыханьемъ, *быстыбатъ юляяхъ* — непрерывающимся вѣкомъ), самъ Якутскій Юпитеръ-*Юрюн-Аи-Тоен*-бѣлый добрый господинъ и другія*); твердь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тонка и представляется чѣмъ то въ родѣ положенныхъ другъ на друга кожъ, ибо, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, жители неба *распахиваютъ* часть ея, чтобы взглянуть на землю.

6) Не слышалъ никакой легенды объ Орионѣ; но три яркія звѣзды (кажется въ поясѣ) Ориона (іакова трость)? называются *Омукъ юргяля*—ламутскій *юргяль*. Не имѣетъ ли это связи съ представленіемъ объ охотѣ за оленемъ, потому что олень исключительно домашнее животное ламутовъ?

7) Не слышалъ, чтобы при затмѣніи съѣдалась кѣмъ нибудь луна; а въ сказкахъ говорится, что дьяволъ богатырь заслонилъ собою солнце и сдѣлалъ среди полудня непроглядную ночь и, пользуясь темнотой, укралъ дѣвушку.

8) Громъ производится во всякомъ случаѣ силою *Юрюн-Аи-Тоена*, по его приказанію, его слугами и почти всегда посылается (въ сказкахъ) для наказанія дьявола. Поэтому опасно во время грозы стоять подъ деревомъ, за которое прячется струсившій дьяволъ, вмѣстѣ съ которымъ молнія можетъ убить и человѣка.

9) Множество сказочныхъ героевъ имѣютъ при своемъ имени слово Хан, но только не одно это слово, а съ другими, напримѣръ Ханъ-Жаргыстай, Хан-Хара-хан-тоенъ и т. п. Значеніе слова Хан для меня почти непонятно, но оно никогда не придается къ лицамъ женскаго пола. Въ сказкахъ каждый витязь сынъ неба, родное дитя *Ю-А. Т-на*, когда то поселенное на землю «для размноженія человѣческаго рода и скота»; нерѣдко, въ поискахъ

*) Слово *аи* я перевожу добрый, хотя оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ значеніе «святой», а вообще прилагается къ существительному какъ отличіе отъ дьявола и дьявольскаго—*абасы*. Напримѣръ *аи-киси* будетъ просто человѣкъ, а *абасы-киси*-дьяволъ-человѣкъ. Въ буквальномъ переводѣ *ай*-созиданіе, или сотвореніе; *аилыбыт*—созданный, *аячи*—творящій; *бу-аилахъ*—эта тварь (въ ирвзительномъ смыслѣ). *Аисит*-богиня, присутствующая при родахъ. *Аи-Тагара*—Богъ, *абасы тагарата*—дьявольскій Богъ.

невѣсты случается, что этотъ сынъ Ю. А. Т-а попадаетъ въ бѣду, или его даже убиваетъ дьяволъ, но онъ всегда бываетъ спасенъ или непосредственнымъ вмѣшательствомъ Ю. А. Т-а, или же другихъ небесныхъ существъ. Напримѣръ, въ сказкѣ *Юрюн-Уоланъ* (бѣлый *юноша*), сказывается:

Поѣхалъ онъ невѣсту искать, оставивъ сестру, которая его просила не ѣхать. На дорогѣ лошадь его останавливается и говоритъ: «сейчасъ ты пріѣдешь къ одному домику, у котораго три дѣвушки будутъ звать тебя заѣхать къ нимъ. Если тебѣ солнечный свѣтъ милъ, ты не останавливайся, даже не смотри на нихъ». Ёдетъ и видитъ: стоитъ серебряная юрта и около нея три дѣвушки необыкновенной красоты поютъ: «Путникъ—человѣкъ! Ёдучи изъ далекихъ мѣстъ, ты можетъ быть усталъ—зайди отдохнуть. Можетъ быть ты проголодался—зайди поѣсть; можетъ быть ты чувствуешь жажду—зайди напиться; можетъ быть ты по молодости хочешь поиграть, повеселиться—зайди, зайди! А у насъ, у дѣвицъ юрта тепла, кумысъ холоденъ, мясо жирно, постель мягка, а мы сами ласковы, игривы, наша грудь тепла—согрѣетъ тебя»!...— «Какія они прекрасныя дѣвушки! подумалъ онъ, и сиустившись съ лошади, которую какая-то еще другая дѣвка привязала къ дереву, онъ переступилъ порогъ дома и—провалился въ пропасть. А сверху раздались хохотъ и рукоплесканія *дьявольскихъ дочерей*... Лошадь витязя бѣлый мѣсяць рыла корень дерева, къ которому была привязана, наконецъ срыла и вмѣстѣ съ этимъ деревомъ прибѣжала къ сестрѣ Юрюнгъ-Уолана къ Юсь-быласъ сысыэхтахъ Улу-Нурулланъ-ко (имѣющей 3-хъ саженную косу, почтенной). Выслушавъ коня, Нурулланъ взяла бубень, ударила въ него и вылетѣла на немъ *сквозь семислойное* небо къ отцу, Ю. А. Т-у. Пришла къ нему, упала на колѣни, рассказала случай съ братомъ, просила дать ей три золотыхъ волоса съ головы, ибо Юрюнгъ-Уоланъ можно было вытащить изъ дьявольской пропасти тегивой свитой только изъ волосъ Ю. А. Т-а. Но онъ отказался: «я развѣ для того его спустилъ на землю, чтобы онъ тамъ бѣгалъ за *разными* бѣлокожими дѣвчонками?—Убирайся, не показывайся моимъ двумъ» (глазамъ)... Но жена его, достопочтенная и толстая *Кюбай-Хатынъ* расплакалась и сказала: «Ты не носилъ его подъ сердцемъ 10 мѣсяцевъ, ты не болѣлъ его рожаючи, а

потому и сердце у тебя не болить; а у меня оно болить и я пойду погибать тамъ, гдѣ мои дѣти погибають... Дайте, ребята, мнѣ одѣваться! и она стала поспѣшно собираться. «Стой, старуха, куда ты!—крикнулъ Ю. А. Т., ловя старуху за полу—такъ и быть, возьми, дѣвка, три волоса, а то видишь, мать у тебя съума сходить! «Подбѣжали къ старику сзади нѣсколько братьевъ Нуруллан-ко: двое взяли Ю. А. Т-а за уши, а одинъ, который по-сильнѣе, замоталъ на руку пукъ длинныхъ золотыхъ волосъ Ю. А. Т-а и, упершись ему въ спину ногой, выдернулъ—съ порядочнымъ кускомъ кожи. «Ой, крикнулъ Ю. А. П. вы кажется больше выдернули» и онъ побѣжалъ за молодежью, поднявъ къ верху свою серебряную съ побрякушками трость; но добѣжавъ до середины поля, онъ никого не догналъ, закашлялся и вернулся домой. Разумѣется этотъ тетивой витязя вытаскивають изъ ямы.

Или же: такой же сынъ неба былъ побѣжденъ дьяволомъ, который собирался его съѣсть, но витязь обратился съ мольбой къ Ю. А. Т-у и дьяволъ мгновенно булъ убитъ громомъ.

10) Медвѣжьими называютъ одинъ видъ ягодъ, которыя мѣстные русскія называютъ *вороньими**).

11) Кто открылъ съѣдобность и цѣлебность растений, а также научилъ добывать огонь, объ этомъ, я не слыхалъ ни одной легенды**).

12) Если дѣти «не стоятъ» (умирають), то новорожденное дитя воруютъ, не давая знать объ этомъ матери и, если можно, даже отцу; въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуютъ близкіе родственники. Ребенка

*) Въ той же сказкѣ *Юрюн-Уоланъ* сказывается; когда онъ уѣзжалъ, сестра его, *Нуруллан-ко* взяла за поводъ лошади и не пускала, но онъ прищипнулъ лошадь, та взвилась на дыбы и на поводу лошади повисла кожа съ обѣихъ рукъ Нуруллан-ко. Юрюн-Уоланъ взялъ это и положилъ въ карманъ. Впослѣдствіи, когда дьяволъ, превосходившій его физической силой, началъ одолѣвать, Юрюн-Уоланъ вытащилъ кожу съ рукъ сестры и бросилъ въ лицо дьяволу. Кожа съ десяти пальцевъ Нуруллан-ко превратилась въ *десять* проголодавшихся медвѣдей и тутъ же разорвала дьявола на куски.

Есть легенда, что медвѣдь происходитъ отъ какой-то пары людей, которыя прыгали чрезъ какія-то священныя перекладины и колья. Подробности этой легенды я не помню.

**) Да впрочемъ лгутъ, насколько мнѣ известно не лечатся какими бы то ни было травами, что весьма понятно, если вспомнить, что всякую, даже самую незначительную болѣзнь они считаютъ непосредственнымъ дѣйствіемъ дьявола. Какія растенія тутъ помогутъ?—надобно обратиться къ шаману. Изъ растеній употребляется въ Верхоянскѣ только сардана, но объ ней нѣтъ никакихъ легендъ.

засовываютъ въ лисицу, или зайца и вытягиваютъ посредствомъ волосяной веревки въ трубу, (дьяволъ въ трубу не полѣзеть, ибо достопочтенный духъ огня не допустить). Въ люльку ребенка кладутъ щенка, или какое-нибудь другое, мелкое животное, которое будетъ принято дьяволомъ за ребенка и—съѣдено. Украденнаго ребенка передають женщинамъ, у которой много живыхъ дѣтей.

Укачивая ребенка припѣвають: «бѣяль, бѣяль!» Люльку называютъ уя-гнѣздо.

13) Кошмаръ объясняется непосредственнымъ дѣйствіемъ нечистой силы, или же духовъ (иччи) даннаго мѣста: дѣса, горы, рѣки, дома и проч. О лунатикахъ не слыхалъ, да ихъ и нѣтъ между якутами.

14) Междометія:

Жалость о потерянномъ: Харан!

Жалость сострадательная—Саан!

Припѣвы: эгей, эгей, буя, буя!

При жертвоприношеніяхъ: Уруй! тоже самое при удачномъ уловѣ медвѣдя, дая и др. крупныхъ животныхъ.

Чувство холода: ычча!

Чувство жара, кипятка, острой боли: абытай!

Халахай!

Чувство омерзения, отвращенія: па! пахай!

Чувство сожалѣнія о неудачѣ: эттатай!

Чувство испуга: айбынь!

Чувство внезапности и удивленія: Тый!

16) Шаманъ по-якутски *Оюнъ*. Они дѣлятся на шамановъ дьявольскихъ (абасы оюна) и шамановъ добрыхъ и божескихъ—ай оюна. Первые могутъ дѣлать добро и зло, но исключительно посредствомъ чертей, или получертей*), а послѣдніе кромѣ

*) Въмѣстѣ съ добрыми духами, богами и проч. безсмертными, на разныхъ концахъ неба обитають тоже безсмертныя, но далеко небезупречно добрыя существа; они иногда непроч навредить человеку. Ихъ то я и называю *получертями*, хотя наружность ихъ (въ сказкахъ) также красива, какъ и людей, тогда какъ черти всегда безобразны и обитають или на западной сторонѣ земли, или подъ землей; въ послѣднемъ случаѣ солнце и мѣсяцъ у ихъ *половинныя*. Если дѣти постоянно умирають, или женщина безплодна, то приглашаютъ шамана, который выпрашиваетъ ребенка, у котораго нибудь изъ *получертей*, напр. *Маганг-сылглах-а* (имѣющаго бѣлыхъ кобыль). Этотъ ребенокъ, разумѣется, долженъ быть живъ, но за него посвящаютъ Маганъ-сылглах-у какую нибудь скотину, которую потомъ берутъ и хлѣять пуще глазу—не работаютъ, не бьютъ, хорошо кормятъ. Такая скотина называютъ *срѣ*. Также посвящаютъ и также берутъ скотину и за больного.

добра ничего не дѣлають, да и не могутъ сдѣлать. Первые поютъ возможно дикимъ голосомъ, кривляются, бьютъ въ бубень, одѣваются въ извѣстный нарядъ, а послѣдніе просто говорятъ заклинанія, который состоятъ изъ просьбъ у А. Т-а и благословеній. О вознесшемся на небо шаманѣ не слыхиваль.

17) О лунѣ: «Посмотрика на луну: двѣ чело-вѣческія фигуры на коромыслѣ несутъ ведро воды. А это случилось такъ: братъ и сестра пошли за водой и засмотрѣлись на полную луну, которая ихъ и взяла себѣ. Поэтому запрещается дѣтямъ смотрѣть на полную луну».

«Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ радуга (кустукъ) утащила дѣвушку изъ Верхоянскаго улуса и спустила гдѣ то около Иркутска».

18) Всѣ черти въ сказкахъ имѣють среди лба только одинъ глазъ, похожій «на слюдяное окно русскаго челоуѣка»; у его и рука тоже одна—прямо со середины груди, да и нога одна, прямо со середины поясицы. Онъ такъ сотворенъ. Жилище его—ледяной курганъ съ отверстіемъ на вершинѣ.

19) Водяныя чудовища, собственно водяныя быки (у огуса) «водятся и по нынѣ во всякомъ значительномъ озерѣ. Они очень сильны и нерѣдко, среди зимы, разламываютъ ледъ». Якуты до того вѣрятъ въ существованіи этихъ чудовищъ, что рассказываютъ даже о томъ, что ихъ видѣли въ прошломъ году.

20) Лѣсной духъ—баянай (богачей, если слово производное отъ прилагательнаго бай-богатый), онъ же покровитель охотниковъ; вообще у якутовъ все имѣетъ своего духа: воды, горы, камни, лѣса, трава, кусты, поля, посуда, орудія и проч.; нѣтъ такого предмета, нѣтъ такой вещи, у которой не было-бы духа (*иччи*).

21) Я не слыхалъ сказаній о сотвореніи міра. Сколько есть у якутовъ героическихъ сказокъ—столько и первыхъ людей, столько и разныхъ именъ. Всѣ они, конечно, сыновья Ю. А. Т-а.

22) У якутовъ единственный музыкальный инструментъ—*хамыс*, тоже самое, что кабыза у киргизовъ.

30) Сильнѣйшимъ изъ звѣрей считается медвѣдь. Говорять о лвѣ, котораго называютъ *хахай*. Въ сказкахъ упоминается необыкновенный звѣрь

«*макъ-тулуй кыл*»,—однорогіи звѣрь, у котораго семь ногъ, расположенныхъ вдоль туловища. Дьяволы, большею частію, вѣздятъ на дровняхъ, запряженныхъ въ быка; рѣдко бывають у нихъ желѣзные 2-хъ головыя лошади.

Я здѣсь отвѣчалъ только на вопросы, поставленные г. Потанинымъ. А между тѣмъ, якутскій мифическій и животный эпосъ представляетъ чрезвычайно много любопытнаго и весьма богатый матеріалъ, никѣмъ еще нетронутый, неразработанный, кромѣ покойнаго И. А. Худякова, которымъ былъ собранъ чрезвычайно обширный и тщательно обработанный матеріалъ. Но бумаги его исчезли безслѣдно. Конечно самымъ главнымъ источникомъ для изученія демонологіи и эпоса якутовъ служатъ сказки, которыхъ у ихъ безчисленное множество, хотя тема героическихъ сказокъ всегда одна: молодой челоуѣкъ ѣдетъ жениться и претерпѣваетъ въ борьбѣ съ дьяволомъ разныя несчастія и драки, хотя въ концѣ концовъ все оканчивается благополучіемъ. Но существуетъ другой циклъ сказокъ—сказокъ дѣтскихъ, гдѣ фигурируютъ большею частію животныя и почти всегда мелкія: мыши, чечетки и проч. Дракъ въ этихъ сказкахъ не бываетъ, а также и любовныхъ приключеній. Сказки эти весьма любопытны.

Членъ Н. Гороховъ.

Пятнистые олени, барсы и тигры Уссурийскаго края.

(Изъ письма г. Янковскаго, изъ Владивостока).

Г. Янковскій, увѣдомляя о высылаемыхъ имъ для Отдѣла шкурахъ млекопитающихъ (об. лисицы, енотовидной собаки, дикой кошки и взрослого самца барса) сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія объ уменьшеніи пятнистыхъ оленей, свою охоту на барса и нѣкоторыя данныя о тиграхъ и барсахъ Уссурийскаго края.

«Пятнистыхъ оленей до сихъ поръ не могъ достать. Насколько многочисленными были эти животныя въ лѣсахъ Южно-уссурийскаго края до 1877 года, гдѣ табуны въ 40—50 головъ были не рѣдко въ окрестностяхъ самаго Владивостока и мясо оленей было доступнѣе жителямъ скотскаго мяса, настолько теперь послѣ снѣжныхъ зимъ 1877 и 1878 гг. и безпощадныхъ охотъ за ними по наступу, они стали рѣдкими и оленина на владивостокскомъ

базаръ составляетъ въ настоящее время самую рѣдкую дичь. Я имѣлъ впрочемъ основаніе предполагать, что не однѣ пули и ножи охотниковъ были причиною исчезновенія этого многочисленнаго и рѣзваго населенія здѣшнихъ лѣсовъ,—потому что весною 1878 года, съ появленіемъ уже первой земли, многимъ охотникамъ, въ томъ числѣ и мнѣ, случалось находить мертвыхъ оленей и козуль безъ видимыхъ слѣдовъ насильственной смерти. А въ прошломъ году, когда выгорѣла отъ лѣснаго пожара широкая низменная долина; окаймляющая прѣсноводное озеро, находящееся у перешейка Славянскаго полуострова, то вся долина была усеяна обгорѣвшими скелетами оленей, изюбрей и козуль. Были-ли это жертвы какой нибудь повальной болѣзни, или просто животныя эти, изнуренныя преслѣдованіями, въ которыхъ кромѣ охотниковъ и ихъ собакъ принимали участіе тигры и волки, пользовавшіеся утренними настами, собирались съ снѣжныхъ горъ на первыя проталины въ долинахъ и здѣсь многія изъ нихъ, окончательно обезсиленные, находили смерть. Такъ или иначе, а фактъ опустенія Южно-Уссурійскихъ лѣсовъ очевиденъ. Жаль, если нѣсколько подъ рядъ болѣе мягкихъ зимъ не поблагоприятствуютъ размноженію уцѣлѣвшихъ еще пятнистыхъ оленей, тѣмъ болѣе, что границы распространенія этихъ животныхъ въ Южно-уссурійскомъ краѣ весьма ограничены: они обитаютъ только въ лѣсахъ прибрежной полосы отъ Кореи до залива св. Ольги и за переваломъ Сихотэ—алиня; внутри страны они уже не встрѣчаются. Даже въ долинѣ р. Лефу и прочихъ рѣчекъ, изливающихся въ озеро Ханка, видъ этотъ замѣняется изюбремъ.

Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ нѣсколько оленей посѣщали отъ времени до времени нашъ малый полуостровъ и такъ какъ ихъ здѣсь щадилъ, то они гостили иногда по нѣсколько недѣль. Въ этомъ году по трудности достать изъ другой мѣстности пятнистаго оленя, я вознамѣрился измѣнить покровительственной системѣ и убить при случаѣ одного или пару изъ нашихъ гостей для Иркутскаго музея.

Нѣсколько дней тому назадъ, увѣдомили меня что на полуостровъ прошли олени. Снѣгъ былъ довольно глубокой и мягкой, такъ что я предпочелъ поѣхать верхомъ и не взялъ съ собою собаки. Я не зналъ, что собака въ этотъ день была бы мнѣ не лишняя, что мнѣ предстоялъ одинъ изъ охотничьихъ эпизодовъ, достойныхъ фантазіи и пера Майнъ-Рида.

Въ одной изъ узкихъ долинъ полуострова я увидѣлъ съ горы 8 пасущихся оленей въ рѣдколѣсьи у самой рѣчки. Съ помощью бинокля, я различилъ между ними двухъ взрослыхъ темно-бурыхъ самцовъ съ прекрасными рогами,—и фантазія рисовала уже мнѣ одного изъ нихъ красующимся въ одной изъ залъ Иркутскаго музея.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ я замѣтилъ на оленьей тропѣ, на которой я находился, подозрительный слѣдъ, который сначала по безформенности слѣдовъ, засыпавшихся между рыхлымъ снѣгомъ, я принялъ за слѣдъ крупнаго рогаца, шедшаго по обыкновенію у оленей сзади стада, но ямки казались несоразмѣрно большими и размѣръ шаговъ не оленій. При болѣе внимательномъ осмотрѣ, я вскорѣ различилъ сохранившійся довольно хорошо отпечатокъ лапы барса.

Слѣды спускались внизъ и взглянувъ по ихъ направленію, я увидѣлъ на разстояніи 500—600 шаговъ и самаго хищника и двухъ воронъ снующихъ надъ нимъ. Онъ очевидно имѣлъ одни со мной намѣренія и ловко пробирался вдоль остраго гребня горы, спускающагося къ рѣчкѣ, по направленію къ оленямъ; закрываясь горой, онъ переступалъ осторожно, но проворно, а чрезъ открытые промежутки переползалъ медленно, оставляя за собою глубокую борозду въ снѣгу.

Иногда онъ останавливался совершенно неподвижно, выжидая моментъ податься дальше. Онъ сосчиталъ, что въ низу было 16 бдительныхъ глазъ и ему нужно было отъ всѣхъ укрываться.

Увидя предъ собою въ первый разъ, не смотря на мои долготѣнія странствованія по Уссурійскимъ лѣсамъ, такую добычу, понятно, что я забылъ объ оленяхъ. Они нужны мнѣ были въ настоящую минуту только какъ средство, облегчающее мою охоту: я долженъ былъ поберегаться спугнуть ихъ, чтобы удивленный мой соперникъ не всталъ и не оглянулся.

Вѣтеръ дулъ отъ оленей прямо въ носъ намъ обоимъ, но такъ какъ я былъ сзади всѣхъ по вѣтру и, еще никѣмъ незамѣченный, то позиція моя была выгодная.

Хотя я стоялъ на совершенно открытомъ мѣстѣ и прятаться мнѣ обратно за гору было уже поздно, а подвигаться впередъ еще рано, но я зналъ, что стоя неподвижно, я не буду различенъ оленями отъ

нестрѣющихъ изрѣдка вокругъ меня кустовъ и большихъ камней. Одно безпокоило меня—это лошадь; но она послѣ двухчасовой ѣзды по горамъ и глубокому снѣгу, стояла совершенно спокойно и къ счастью была свѣтло-сѣрой масти.

Когда барсъ скрылся за заломомъ горы и олени спустились подъ крутой берегъ рѣчки, мнѣ нужно было съ возможной скоростью спускаться внизъ. Я искалъ глазами какой нибудь надежный кустъ, чтобы привязать мѣшавшую мнѣ лошадь, такъ какъ она имѣла скверную привычку при каждомъ удобномъ случаѣ удирать домой, но поиски мои были напрасны и, чтобы не терять дорогаго времени я потащилъ ее по крутому склону за собою.

Но тутъ роли между охотниками перемѣнились:

Барсъ, какъ показалось послѣ по слѣдамъ, находясь не болѣе 60 шаговъ отъ того мѣста, гдѣ я потерялъ его изъ виду, слышалъ мое приближеніе, въ чемъ ему помогъ, полагаю, вѣтеръ задувающій вокругъ горы,—и послѣдно направился мнѣ на встрѣчу; о чемъ я не былъ предупрежденъ въ свою очередь.

Но я первый достигъ залама горы и онъ, по кошачьей привычкѣ, завидѣвъ вѣроятно еще только верхушку моей шапки, остановился въ выжидательномъ положеніи. Ступивъ еще шагъ впередъ, я внезапно увидѣлъ его на разстояніи трехъ прыжковъ, въ стоячемъ, но пригнутомъ къ землѣ положеніи, съ вытянутымъ какъ желѣзный пруть хвостомъ, на которомъ не шевелился ни одинъ волосокъ, съ плотно прижатыми ушами, отчего голова казалась совершенно округленной какъ у нерпы и съ парой неподвижно вперенныхъ въ меня глазъ.

Голова его была такъ низко пригнута къ землѣ, что я видѣлъ ее только сквозь легкую рѣшетку приземистаго мелкаго кустарника.

Съ одной стороны, я соображалъ, что онъ какъ терпѣливая кошка, незнакомая еще съ предательской силой пороха, не сейчасъ бросится, а выждетъ самый вѣрный моментъ и что ступивъ еще шагъ или два впередъ, я яснѣ увижу его голову, такъ какъ и малая вѣтка отклоняетъ часто направленіе пули; но тутъ же я сознавалъ потребность стрѣлять какъ можно скорѣе, пока его не почувялъ мой конь и пока, что я зналъ по опыту, совершен-

ное спокойствіе, сопутствующее охотнику въ первый моментъ внезапной встрѣчи со звѣремъ, не перейдетъ отъ выжиданія и медлительности въ усиленный тактъ біенія крови, мѣшающій вѣрности прицѣла. Всѣ мои наблюденія и соображенія блеснули понятно предо мною скорѣе молніи, на нихъ я употребилъ только то время, когда увидѣвъ предъ собою торжествующе кровожадный взглядъ этого звѣря, я почти однимъ движеніемъ передвинулъ висѣвшій у меня на боку ножъ ближе напередъ, поднялъ штуцеръ къ плечу, выцѣлилъ ему сквозь дюймовое окошечко между вѣтокъ въ переносицу и выстрѣлилъ.

Въ такихъ случаяхъ мысли смѣняются такъ быстро, что даже въ самый моментъ выстрѣла нашлось мѣсто для овладѣвшаго мною сильнаго любопытства, что послѣдуетъ за выстрѣломъ?—Съ чьей стороны будетъ торжество и съ чьей затруднительныхъ обстоятельства?

Но ожидаемая съ чувствомъ томящей неизвѣстности картина была хотя очень оживлена, но успокоительна.

Соперникъ мой лежалъ растянутымъ на снѣгу, извивая концомъ хвоста, съ головой откинутой въ сторону, причемъ я впервые увидѣлъ его остро торчащія уши, мышцы которыхъ не слушались болѣе прострѣленнаго мозга хозяина; изъ праваго его глаза струилась кровь окрашивая темными пятнами снѣгъ.

Конь мой, увидѣвъ предметъ охоты, взвился на дыбы, грозя или вырваться или стоптать меня поскользнувшись на крутомъ скатѣ горы.

— А олени? Олени исчезли какъ вихрь, оставивъ за собою въ воздухѣ только облако взрытаго ими снѣгу!

Я былъ очень доволенъ, что мнѣ удалось убить такого рѣдкаго звѣря, котораго многимъ здѣсь охотникамъ, убивавшимъ по нѣскольку тигровъ, не удавалось видѣть живымъ даже издали; а еще больше доволенъ тѣмъ, что пуля попала прямо въ глазъ, т. е. на дюймъ лѣвѣе отъ середины переносицы куда я цѣлился, покрайней мѣрѣ не обезображена голова для чучела, повреждена только немного верхняя вѣка. Но если-бы пуля попала еще на одинъ дюймъ лѣвѣе, то не знаю былъ-ли бы я тогда доволенъ, потому что она и теперьхватила только край мозга. А звѣрь этотъ считается здѣсь самымъ опас-

нымъ. По общему мнѣнію, онъ никогда не бѣжитъ отъ охотника; не такъ, какъ тигръ, который хотя при случаѣ охотится за корейцами и манзами, но на охотниковъ бѣлой расы бросается только будучи раненымъ и преслѣдуемымъ. Даже бываетъ, что убѣгаетъ, получивъ пулю, въ чемъ я самъ убѣдился въ 1880 году, гдѣ раненная легко тигрица на большомъ разстояніи въ лапу, убила только одну изъ рвавшихъ ее за ляшки и хвостъ собакъ и затѣмъ понеслась такъ быстро, что я съ товарищемъ, преслѣдуя ее по слѣдамъ весь день до вечера, ни разу не могли больше увидѣть. И удалось намъ взять ее только хитростью, начинивъ уже вечеромъ при лунѣ убитую ею собаку стрихниномъ, къ которой она, какъ мы и предполагали, вернулась.

Изъ 4-хъ извѣстныхъ мнѣ съ 1874 года охотъ за барсомъ, около Владивостока и въ другихъ окрестностяхъ Амурскаго залива, ни одна не имѣла такого благополучнаго исхода.

Результатами двухъ первыхъ охотъ было, что охотники залѣчивали свои раны въ госпиталѣ; третій въ вершинѣ Мунчугая справился съ раненымъ имъ барсомъ только при помощи храброй звѣровой собаки, и четвертый въ 1880 году на Сидеми, ранивъ весною барса на деревѣ, спасся только благодаря обогрѣтому уже солнцемъ насту, который не сдержалъ бросившагося къ нему звѣря, а охотникъ на лыжахъ умчался съ горы внизъ и убилъ его только послѣ, вернувшись съ товарищемъ и собаками.

Впрочемъ я слыхалъ въ 1878 году, что на Май-хэ, рѣчкѣ, впадающей въ вершину Уссурійскаго залива, барсъ бросился на возвращающагося изъ лѣсу домой корейца; но этотъ такъ угостилъ его тяжелымъ американскимъ на длинномъ чернѣ топоромъ, что съ одного удара уложилъ на мѣстѣ. А въ прошломъ году на телеграфной линіи около Раздольнаго рабочіе поймали живымъ маленькаго завязшаго въ глубокой наледи барса. И мунчугайскій почтосодержатель сообщалъ мнѣ, что, проѣзжая въ декабрѣ 1880 года на сосѣднюю Амбинскую станцію, видѣлъ на горѣ двухъ барсовъ, охотящихся за мышами, но хотя при немъ былъ винчестеръ большаго калибра—онъ предпочелъ ограничиться наблюдениями издали.

Да еще одну плохую шкуру случилось мнѣ видѣть въ манзовской фанзѣ на р. Хунчункѣ, гдѣ

онъ былъ пойманъ въ ловушку,—и еще одну такую же въ Владивостокѣ у манзъ, неизвѣстно кѣмъ убитую. Судя по этимъ немногочисленнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мною въ теченіи 8 лѣтняго пребыванія, оказывается, что звѣрь этотъ принадлежитъ здѣсь къ самымъ рѣдкимъ хищникамъ. Не такъ, какъ тигръ, котораго убиваютъ ежегодно въ Южно-уссурійскомъ краѣ по нѣсколькимъ десяткамъ. Хотя по рассказамъ корейцевъ, въ окрестностяхъ деревни Тизен-хэ около Посіета и Саввеловки, корейской деревни находящейся около корейской границы, барсъ нисколько не рѣже тигра, только корейскіе охотники не имѣютъ привычки охотиться за нимъ.

Къ характеристикѣ этого звѣря я долженъ прибавить еще, что по имѣющимся даннымъ, онъ, кажется, предпочитаетъ исключительно охотиться за лѣсной дичью и домашняго скота, по примѣру тигра, не трогаетъ. Покрайней мѣрѣ до сихъ поръ я ни разу не слыхалъ о его грабежахъ. И мои собственные наблюденія подтверждаютъ это мнѣніе. Въ теченіи послѣднихъ двухъ зимъ я часто видѣлъ его слѣды на Славянскомъ полуостровѣ и такъ какъ каждый разъ, найдя свѣжій слѣдъ, я пытался выслѣдить его, то убѣдился, что онъ охотился исключительно за дичью и въ теченіи зимней ночи ходилъ такъ много, что успѣвалъ побывать на всѣхъ хребтахъ и заглянуть во всѣ вершинки рѣчекъ, любимыя мѣста пребыванія козуль. При этомъ ни разу не приближался къ фермѣ ближе одной версты и ни разу не пытался нападать на пасущихся на подножномъ корму, вдали отъ фермы, табунныхъ лошадей. Хотя видно, что ему при его ловкости живется и въ лѣсу хорошо: покрайней мѣрѣ убитый мною экземпляръ былъ чрезвычайно жирный и желудокъ его былъ набитъ мясомъ козули, которое онъ ѣлъ съ шерстью. Когда напротивъ тигръ, особенно зимою, всего охотнѣе прогуливается по разнымъ дорогамъ и тропинкамъ, ведущимъ въ чужіе дворы. Три тигра, посѣтившіе нашъ полуостровъ въ 1880 и 1881 гг. всѣ пришли прямо дорогою и хотя за свои грабежи всѣ расплатились собственными шкурами, но, не смотря на то, причиненный ими убытокъ былъ весьма чувствителенъ.

Тигры въ Южно-уссурійскомъ краѣ до сихъ поръ очень обыкновенны, а въ послѣдніе два года особенно ихъ было много, такъ что только на на-

шемъ, очень мало заселенномъ берегу, отъ Славянскаго залива до рч. Амабеллы включительно, на протяженіи 50 верстъ вдоль С. западнаго берега Амурскаго залива, было убито въ 1880 и 1881 годахъ 9 тигровъ и по ту сторону Славянскаго залива въ корейской деревнѣ десятый, пойманный живымъ въ ловушку. А въ Угловомъ (вершинѣ Амурскаго залива) прошлой зимой, были видѣны во время течки 5 тигровъ въ одномъ табунѣ.

Быть можетъ, что только недостатокъ красной дичи въ лѣсахъ заставилъ ихъ болѣе обыкновеннаго приближаться къ человѣческимъ жилищамъ и потому они были замѣтнѣе.

Въ этомъ году, пока, очень мало слышно объ нихъ: одинъ заходилъ на нашъ полуостровъ, но не трогая ни скота ни собакъ въ ту же ночь убрался. На сосѣдней Сидеминской почтовой станціи съѣлъ замороженную на улицѣ рыбу и отправился дальше.

Жаль, если мнѣ не удастся достать въ этомъ году хорошій экземпляръ для Иркутскаго музея. А шкуры, какія часто находятся въ продажѣ во Владивостокѣ, до сихъ поръ очень дороги. Средняя цѣна тигровой шкуры отъ 40 до 60 рублей; много любителей, особенно иностранцы, поддерживаютъ эти цѣны; вдобавокъ этими шкурами нельзя воспользоваться по той причинѣ, что онѣ большею частью плохо сняты и небрежно высушены. А мнѣ хотѣлось бы снабдить Иркутскъ, какъ столицу Восточной Сибири однимъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ экземпляровъ этого царственнаго представителя ея фауны.

Я долженъ еще упомянуть объ одномъ изъ качествъ тигра, до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, не опубликованномъ, качествѣ много роняющемъ этого звѣря въ сложившемся объ немъ общественномъ мнѣніи. Въ 1881 году, извѣстны мнѣ два случая, гдѣ онъ выкопалъ изъ могилы человѣческіе трупы. Онъ вырылъ въ деревнѣ Савелловкѣ зимою изъ свѣжей могилы корейца, бывшаго переводчикомъ въ Владивостокѣ, трупъ котораго онъ пытался уже похитить дорогою, при перевозкѣ тѣла изъ Владивостока. И лѣтомъ между Раздольнымъ и Угловымъ онъ вытащилъ изъ земли гробъ, сломалъ его и унесъ сильно разложившееся уже тѣло, умершаго скоропостижно на дорожныхъ работахъ рабочаго. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ не можетъ сослаться на вынудившій его голодъ, потому что это было лѣтомъ.

Исслѣдованіе древностей Минусинскаго округа Енисейской губерніи въ 1881 году.

Горнаго Инженера д. ч. И. С. Боголюбскаго.

Путешественники, современъ Мессершмидта и Палласа, обращали вниманіе на верховья Енисея, по выходѣ его изъ Саянскихъ горъ въ плодородную и богатую страну, изобилующую естественными произведеніями. Нѣкогда бассейнъ Енисея вмѣстѣ съ верховьями Оби, берущими начало изъ Саянско-Алтайскихъ горъ, заключалъ многочисленное населеніе, оставившее послѣ себя весьма большое число памятниковъ и слѣдовъ. Принято было называть неизвѣстный народъ *чудью*, — которому приписываютъ прорытіе пещеръ, подземныхъ ходовъ и горныхъ выработокъ, возведеніе кургановъ и могилъ съ находящимися въ нихъ металлическими издѣліями, а также письменные памятники на могилахъ и скалахъ.

Въ проѣздѣ по Ачинскому и Минусинскому округамъ, я по мѣрѣ возможности осматривалъ пещеры, курганы и собранія различныхъ орудій, наиболѣе интересныя для археологовъ, о чемъ считаю долгомъ сообщить.

1. Писанные камни въ Минусинскомъ округѣ.

Между многими достопримѣчательностями въ Минусинскомъ музеѣ древностей и естественныхъ произведеній хранятся 5 писанныхъ могильныхъ камней, изъ коихъ три доставлены въ прежнія времена, а два лѣтомъ 1881 года. По рекомендаціи хранителя Минусинскаго музея Н. М. Мартянова, я поручилъ г. Станкевичу снять съ этихъ 5 камней надписи въ натуральную величину. Снимки съ нихъ представлены мною въ даръ Восточно-Сибирскому Отдѣлу И. Р. Географическаго Общества.

Могильные камни ставились обыкновенно вокругъ кургановъ или насыпныхъ могилъ различной величины въ видѣ четверугольной, иногда округленной или продолговато-эллиптической ограды; земля и камни доставлялись изъ близъ лежащихъ горъ и долинъ. Обиліе кургановъ и древнихъ могилъ въ Сибири показываетъ, что древняя чуда, засѣлявшая верховья рѣкъ Амура, Енисея и Оби, составляла группу народовъ, которые находились на одинаковой ступени цивилизаціи. Такимъ образомъ чудскія кладбища должны быть весьма важными памятниками

сибирской старины, заслуживающими подробнаго изслѣдованія и описанія.

Несомнѣнно, что чудскія кладбища воздвигались въ различныя времена, причѣмъ величина кургановъ и могилъ зависѣла отъ значенія погребенныхъ въ нихъ людей. Забайкалье представляетъ мало кургановъ; по Онону и въ Хоринской степи изрѣдка виднѣются плоскія могилы, огражденные каменными стѣнками. Такія кладбища называются тамъ *маками*. Въ Ачинскомъ и Минусинскомъ округахъ находится множество большихъ кургановъ и плоскихъ могилъ, имѣющихъ болшею частію каменные ограды. Крутоподнятые пласты песчаниковъ образуютъ тамъ громадныя розсыпи камней, которыя давали въ большомъ количествѣ матеріалъ для могильныхъ оградъ. Въ степяхъ камни вокругъ кургановъ меньше и рѣже встрѣчаются. По Барабинской степи курганы не имѣютъ каменныхъ оградъ, вѣроятно въ слѣдствіе затруднительной доставки туда плитъ.

Камни съ надписью встрѣчаются, насколько извѣстно, по бассейнамъ Енисея, Абакана и Чульма. Многія надписи на камняхъ исчезли отъ вывѣтриванія или по небрежности жителей; песчаниковыя плиты заключаютъ иногда втеки известняка, который съ поверхности вывѣтриваетъ, отчего плиты теряютъ начертанныя на нихъ изображенія и письмена; нерѣдко трудно отличить игру природы отъ руки человѣка. Кромѣ того могильные камни употребляются жителями на фундаменты, точила и крыльца къ домамъ. Все это вмѣстѣ способствуетъ скорому истребленію древнихъ памятниковъ, независимо отъ умышеннаго поврежденія ихъ невѣжественными фанатиками. Плиты уставлены кругомъ могилъ и кургановъ острымъ ребромъ внизъ, что благоприятствовало ихъ паденію и разрушенію. Вѣсь плитъ долженъ быть весьма большой; на нѣкоторыхъ курганахъ въ долинѣ Тубы около рѣки Теси есть камни величиною до 2 и болѣе сажень, толщиною отъ $\frac{1}{2}$ до 1 сажени, такъ что они вѣсятъ не менѣе 2,500 пудъ.

Камни съ надписями, хранящіеся въ Минусинскомъ музеѣ, найдены случайно и составляютъ единственную въ своемъ родѣ рѣдкость. Снимки съ камней производились отъ руки; въ углубленія каждаго знака впускалась черная краска, а затѣмъ цирку-

лемъ вымѣрялось разстояніе между знаками. Нарисовавъ карандашемъ очертанія знаковъ на бумагѣ, г. Станкевичъ раскрашивалъ ихъ тушью. Описаніе и мѣстонахожденіе камней взяты со словъ Н. М. Мартянова.

А). Камни, найденные до 1831 года.

№ 1. Столбъ взятъ съ лѣвой стороны Енисея у подножія хребта. Итемъ, составляющаго продолженіе Бурса на правомъ берегу Енисея, на курганѣ въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ д. Означенной и въ 150 верстахъ отъ Минусинска. Камень состоитъ изъ сѣраго песчаника, имѣетъ видъ четырехугольной призмы длиною 208 сантиметровъ, толщиною и шириною по 32 сантиметра. Надписи сняты при горизонтальномъ положеніи камня, который въ нижней площади, прилежащей къ полу, не имѣетъ письменъ. Надписи находятся на трехъ сторонахъ камня въ разстояніи 1 метра отъ нижняго края. Верхній край обломанъ подѣ угломъ въ 80° ; было-ли продолженіе надписи на камнѣ, неизвѣстно, такъ какъ обломка не сохранилось. Надпись сверху имѣетъ 4 строки, изъ коихъ нижняя плохо сохранилась и почти вся стерта: Боковая справа имѣетъ 4 строки, изъ коихъ 1 и 2 снизу плохо сохранились, частію стерты. Боковая слѣва надпись изъ 4 строкъ; 3-я снизу строка частію стерлась. Нижняя сторона камня безъ надписей, почему можно предполагать, что и на могилѣ онъ лежалъ горизонтально.

№ 2. Разбитый камень, называемый *Уйскимъ*; взятъ въ степи на лѣвомъ берегу Енисея въ 25 вер. отъ впаденія въ него рѣки Уй. Онъ стоялъ на курганѣ въ наклонномъ положеніи. Камень имѣетъ видъ четырехгранной призмы, обдѣланной снизу неправильно, длиною 115 сантиметровъ, шириною 43 сант. и вышиною 37 сант. Надписи находятся на двухъ противоположныхъ сторонахъ камня въ 55 сант. отъ верхняго дѣлаго края, ограниченнаго прямою плоскостью; нижній край обломанъ неправильно; неизвѣстно было-ли продолженіе надписи внизъ. Правая сторона камня имѣетъ надпись изъ 4, лѣвая изъ 5 строкъ.

№ 3. Шушинскій камень найденъ и описанъ докторомъ Кастреномъ во время его путешествія по Минусинскому округу. Спасскій издалъ снимокъ съ этой надписи въ XII Т. Записокъ И. Р. Географическаго Общества 1857 т. Табл. VI.

В). Камни, доставленные въ 1881 году.

Два камня, подъ №№ 4 и 5, открыты въ 10 верстахъ отъ деревни Юдиной и въ 4 верстахъ отъ озера Алтынъ-Куль, на правой сторонѣ р. Абакана, вблизи кургановъ, которыхъ насчитывали отъ 5 до 6. Камни были подернуты тонкимъ слоемъ земли; кромки ихъ выходили наружу; одинъ камень лежалъ письменами вверхъ, а другой—внизъ. Обдѣланными или верхними канцами камни лежали къ Востоку; разстояніе между камнями было до 4 сажень. Оба камня найдены и доставлены въ Юдину иждивеніемъ крестьянина Ефима Ѳедотова Корчикова и минусинскаго мѣщанина Егора Павлова Маркова. Сверхъ сего Корчиковъ сообщаетъ, что одинъ камень съ надписями, стоящій на курганѣ, въ 5 верстахъ отъ Усть-Таштыбской деревни и въ 3 верстахъ отъ Монокскаго перевоза чрезъ р. Абаканъ. Здѣсь описываю оба юдинскіе камня по порядку ихъ нахождения.

№ 4. Камень изъ сѣроокраснаго песчаника, длиною 138 сантим., шириною 43 с. и вышиною 20 сантим. Верхній край широкій овальный, а нижній, суживающійся до 33 сантим., обломанъ. Надписи на верхней сторонѣ камня плохо сохранились, особенно выше надъ обводною чертою; тутъ только одна строчка съ рѣдкими прерывающимися письменами. Нижняя или краевая строчка, хотя и съ перерывами, но лучше сохранилась. Боковая поверхность камня раздѣлена двумя горизонтальными параллельными линіями, между которыми написаны три полныхъ строчки руническихъ знаковъ, тщательно вырѣзанныхъ на камнѣ. Какъ лицевая, такъ и боковая надписи оканчиваются на разстояніи 40 сантим. отъ нижняго обломаннаго края камня. Внизу нѣтъ надписей.

№ 5. Камень изъ сѣроокраснаго песчаника, длиною 195 сантим., шириною въ верхнемъ полуовальномъ краѣ 40 сантим., въ нижнемъ тупообломанномъ 50 сантим., и вышиною 18 сантиметровъ. Верхняя или лицевая плоскость камня заключаетъ круговую надпись изъ двухъ строчекъ, раздѣленныхъ чертою. Письмена вообще довольно ясны. Боковая поверхность камня имѣетъ кругомъ двѣ строчки, раздѣленныхъ горизонтальною линією; здѣсь между хорошо сохранившимися знаками есть большіе перерывы отъ вывѣтриванія. Кромѣ 5 могильныхъ камней

въ Минусинскомъ музеѣ есть изображеніе *аргали* (тура или каменнаго барана, archarus) на камнѣ, найденномъ около заимки Майдашки въ 10 верстахъ ниже Минусинска на правомъ берегу Енисея въ 50 саженьяхъ отъ скалы, съ которой этотъ камень, повидимому, упалъ. Изображеніе аргали весьма неясно; сохранилось очертаніе: верхняя половина головы и часть роговъ. Плита глубоко обтесана, имѣетъ сверху 60 сантим., внизу 70 сантим. ширины; 130 сантим. высоты и 22 сантим. толщины.

II). Надписи и фигурныя письмена въ верховьяхъ Енисея на земляхъ сойетовъ.

Лѣтомъ 1881 г. кандидатъ естественныхъ наукъ Александръ Васильевичъ Адриановъ былъ командированъ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ Монголію для научныхъ изслѣдованій. Онъ отправился изъ Байска въ верховья Кемчика и 20 августа долженъ былъ вернуться въ слѣдствіе препятствій къ дальнѣйшему путешествію со стороны сойетовъ. Г. Адриановъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о видѣнныхъ и снятыхъ имъ отъ руки надписяхъ и различныхъ изображеніяхъ животныхъ на скалахъ.

1) Надпись по правому берегу Енисея въ 100 верстахъ отъ устья р. Кемчика въ мѣстности Каябажа (голова утеса) вблизи русскаго торговаго заведенія г. Бяковыхъ изъ Минусинска; въ этомъ же пунктѣ назначенъ былъ съѣздъ русскихъ и китайскихъ уполномоченныхъ для рѣшенія недоразумѣній и спорныхъ дѣлъ съ сойетами, производящими частые набѣги на русскихъ торговцевъ въ пограничныхъ земляхъ. Надпись, выдолбленная въ утесѣ надъ дорогою трехгранно призматическими углубленіями, имѣетъ 2 горизонтальныя строки, изъ коихъ верхняя коротка.

2) Также находится кругъ съ периферическою надписью, въ видѣ циферблата, состоящаго изъ 13 руническихъ знаковъ; внизу круга треугольникъ, а подъ нимъ дуга съ полукругомъ и крестъ. Вѣроятно надпись на кругѣ изображала 13 мѣсяцевъ по китайскому календарю.

3) Въ томъ-же утесѣ разбросаны знаки, о которыхъ трудно сказать, составляютъ-ли они іероглифы или буквенныя письмена.

4) По близости на другой скалѣ высоко надъ дорогою видны изображенія письменъ или знаковъ.

5) На правомъ берегу Енисея противъ завендія г. Сафьянова (члена Отдѣла) на р. Булькѣ, ниже слиянія Бей-Кема съ Хуа-Кемомъ находятся изображенія верблюдовъ, медвѣдей, оленей, лосей, козъ, аргали, наѣздниковъ, а также и фигурныя письмена.

6) Кромъ того по Кемчику и Енисею г. Адриановъ видѣлъ много каменныхъ бабъ съ отчетливыми изображеніями письменъ, іероглифическихъ знаковъ. Отдѣлка статуй, особенно головныхъ уборовъ, лица и одежды весьма тщательна. Сойеты не допустили снять рисунки съ статуй.

III). Раскопка кургана вблизи Михайловскаго пріиска по р. Изыжулу, впадающему справа въ Камышту, въ Минусинскомъ округѣ.

31 августа 1881 г. при содѣйствіи владѣльца Михайловскаго пріиска Петра Осиповича Барташева и его сосѣда Николая Петровича Кузнецова, имѣвшаго позволеніе изслѣдовать курганы отъ Н. М. Мартынова по уполномоченію Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества приступили вечеромъ къ раскопкѣ кургана, находящагося примѣрно въ 200 саженьяхъ отъ разрѣза Михайловскаго пріиска, посреди нѣсколькихъ кургановъ меньшаго размѣра. Курганы имѣли овально-выпуклую или плоскую поверхность; нѣкоторые съ ямою посрединѣ, вѣроятно отъ предшествовавшихъ раскопокъ. Наружность раскапываемаго кургана отличала его отъ другихъ, вблизи лежащихъ, отсутствіемъ каменной ограды. Курганъ находится на склонѣ горы, простирающейся отъ В. на З.; длина его $14\frac{1}{2}$, ширина 13 саж., высота склона къ горѣ до $3\frac{1}{2}$ арш., а къ долинѣ до 5 аршинъ. Въ срединѣ кургана замѣтно небольшое углубленіе.

31 августа сначала заложенъ былъ шурфъ, примѣрно въ 5 саж. отъ долины, площадью въ 1 квадрат. сажень, пройдено въ глубь 2 аршина и не встрѣчено ничего, кромѣ рыхлаго чернозема.

1 сент. На 3 арш. отъ верху найдены куски и кора полусгнившаго лиственничнаго дерева; на 5 аршинъ обнаружился уголь деревяннаго сруба, обложеннаго кругомъ камнями. Отступя 1 сажень далѣе къ горѣ заложили № 2 шурфъ, въ которомъ на 3 аршинъ встрѣченъ обрушившійся деревянный потолокъ сруба; уголь послѣдняго былъ открытъ въ 1 шурфѣ; съ 4 аршина начали попадаться человѣче-

скія кости и черепа въ неправильномъ и разбросанномъ положеніи, череповъ было 6, весьма плохо сохранившихся; какъ кости, такъ и черепа при вынутіи рассыпались; 2 черепа имѣли цѣлыми затылочные части, въ коихъ замѣтны пробоины, повидимому отъ тупаго орудія. На двѣ кургана на 5 аршинъ найдены куски обугленнаго дерева и полъ, состоявшій изъ сѣро-желтой глины, 1 разбитый горшокъ изъ обожженной глины и 1 глиняный кувшинъ съ 2 ушками; нашлись клочки козьей или конской шерсти бурога и сѣраго цвѣта, вѣроятно отъ одежды или обуви. Никакихъ другихъ слѣдовъ одежды, металлическихъ вещей, украшеній и оружія при раскопкѣ кургана не найдено.

Вѣтеръ, дувшій въ продолженіе работы и снѣжная мятель, помѣшали дальнѣйшей раскопкѣ кургана, почему предположено мною въ настоящемъ 1882 г. продолжать эту интересную разработку кургана. Всѣ кости и вещи, добытыя отъ кургановъ, сданы мною Н. М. Мартынову, который нынѣ часть ихъ послалъ сюда, а остальныя находятся въ Минусинскомъ музеѣ. *Боголюбскій.*

Свѣдѣнія о метеорологической станціи на устьяхъ р. Лены.

1) Г. Якутскій губернаторъ, представляя г. Генераль-Губернатору Восточной Сибири рапортъ начальника Ленской экспедиціи Н. Д. Юргенса, отъ 12 октября за № 38, ниже помѣщаемый въ письмѣ отъ 20 ноября, полученномъ 14 декабря, сообщаетъ слѣдующее: выѣхавшіе въ 13 день минувшаго октября отъ поручика Юргенса съ метеорологической станціи Сыгастыръ и прибывшіе въ г. Якутскъ 17 сего ноября американскіе офицеры Гарберъ и Шютце, съ урядникомъ Колинкинымъ, сообщили мнѣ слѣдующія свѣдѣнія:

Силавленный экспедиціе домъ для станціи вполне удался—тепелъ и удобенъ. Домъ поставленъ не вдалекѣ отъ устья протоки Сыгастыръ, на правомъ ея берегу. На задахъ дома для наблюдений построено поручикомъ Юргенсомъ, изъ барочнаго лѣса, четыре небольшіе павильона соединенныхъ со станціею крытыми галлереями, запасъ наноснаго лѣса для топлива весьма достаточенъ и въ протокѣ ловятся нельма и макуны. Здоровье всѣхъ членовъ экспедиціи было хорошо.

2) *Рапортъ Юргенса г. Якутскому губернатору отъ 12-го октября 1882 года.* 20-го іюля, въ 1 ч. по полудни, снявшись съ якоря, оставили Булунъ и слѣдовали далѣе внизъ по теченію. Голова Жиганскаго улуса и надзиратель за казенными магазинами въ Булунѣ сопровождали насъ, доставляя отъ одного жилаго мѣста до другаго по нѣсколькучеловѣкъ рабочихъ въ помощь нашей командѣ.

Противные и иногда довольно свѣжіе вѣтра весьма затрудняли и замедляли наше плаваніе, принуждая не разъ становиться на якорь въ неудобныхъ и опасныхъ мѣстахъ. Волненіе, по мѣрѣ приближенія къ устью, становилось все чувствительнѣе, такъ что уже на другой день по выходѣ изъ Булуна пришлось развязать паузки, предоставивъ каждому идти отдѣльно. Въ рѣчкѣ Тигіе, въ 10 верстахъ выше селенія Кумахъ-Суръ, гдѣ мы провели ночь съ 23-го на 24-е іюля, голова доставилъ намъ 9 человѣкъ рабочихъ, долженствовавшихъ идти съ нами до самаго Тумата, а самъ съ надзирателемъ возвратился въ Булунъ.

25-го іюля, въ 9^{1/2} часовъ вечера, W—мъ вѣтромъ насъ прижало къ N—му берегу Тасъ-Ары и мы на совершенно открытомъ вѣтрамъ, мелкомъ мѣстѣ, грунтъ-плита, слегка покрытая пескомъ, принуждены были стать на якорь, не будучи въ состояніи отойти отъ берега, находившагося отъ насъ всего 50 верстахъ. Съ полудня 26-го іюля вѣтеръ началъ свѣжѣть. Для облегченія паузка, отстаивавшагося съ карбасомъ на одномъ якорѣ, послѣдній былъ отведенъ къ берегу ближе, заведены швартовы и упоры. Съ полночи 28 іюля всѣ паузки стало дрейфовать и при значительномъ бурунѣ бить о дно. Въ 6 ч. штормъ отъ NW достигъ полной силы, а въ 7 ч. утра мы плотно сидѣли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега, паузки были залиты водой и бурунъ свободно перекачивался черезъ ихъ крыши. Карбасъ былъ залитъ еще раньше, но коровъ успѣли вывести. Въ 8 час. выгрузили изъ него керасинъ, часть котораго (около 20 пудовъ) пролилась. Хронометры, барометры и другія наиважнѣйшіе инструменты были вынесены еще раньше около 6 часовъ утра, когда паузки начали наполняться водою. Тяжелые же ящики съ инструментами оставались на паузкахъ. Къ вечеру 28-го же іюля штормъ стихъ и мы приступили къ выгрузкѣ и исправленію нашихъ судовъ.

Къ полудню 31-го іюля всѣ паузки были починены, проконопачены, стащены на глубину и вновь нагружены, а въ 1 ч. пополудни мы подъ парусами направились къ о-ву Титъ-Ары. Въ полночь снова стали на якорь у песчаной отмели ввиду Столбоваго о-ва. Свѣжій NE принудилъ насъ двое сутокъ потерять здѣсь, безпрестанно исправляя открывающуюся въ разныхъ мѣстахъ течъ. 3-го августа паузки опять были на ходу и благопріятствуюмые S—мъ вѣтромъ подъ парусами быстро пробѣжали разливъ рѣки, начинающійся у о-ва Столбоваго, и въ 1 ч. пополудни вошли въ одну изъ протокъ дельты. 7-го августа въ 9 ч. вечера прибыли къ селенію Кетахъ въ 10 верстахъ къ S—у отъ маяка, означеннаго на картахъ. 8-е и 9-е августа были употреблены на отысканіе мѣста для станціи. 10-го августа, въ полночь, перешли къ о-ву Сагастыръ, а съ утра 11-го числа начали выгрузку паузковъ. Географическое положеніе станціи: шир. N 73° 22' 30" долг. E—я 96° 15' 15" отъ Пулкова.

3) *Изъ письма старшаго совѣтника Якутскаго областнаго правленія В. Д. Приклонскаго къ Ею Высокопревосходительству г. Генералъ-Губернатору отъ 4 декабря 1882 г.* „Американцы, гостившіе у Н. Д. Юргенса, у устья Лены, на Сагастырѣ (порусски „сдуваетъ“), разсказываютъ намъ про житъе на метеорологической станціи; въ домѣ очень тепло и взятыя Юргенсомъ чугуныя печи остаются безъ употребленія. Но отсутствіе снѣга и большіе морозы не обѣщаютъ въ будущемъ большаго благополучія: кормъ для оленей вымерзъ, рѣки и озера покрылись чрезвычайно толстымъ льдомъ, воды мало и рыба не можетъ продышать ледъ, земля трескается и образуетъ широкія расщелины. У насъ, въ Якутскѣ снѣгу не болѣе 1/2 вершка, крыши со всѣмъ голыя: ожидаютъ весной разлива отъ напора льдовъ и эпидеміи, всегда, будто, неразлучной съ разливомъ. Хотя Юргенсъ ничего не писалъ, чтобъ не тревожить, но американцы передаютъ, что Бунге, во время пути, стоя на вахтѣ, свалился сонный съ крыши паузка и повредилъ себѣ ребро въ двухъ мѣстахъ; теперь онъ здоровъ и лечитъ массаами приходящихъ къ нему инородцевъ“. Тунгусы проживаютъ отъ нихъ въ двухъ и четырехъ верстахъ и весьма расположились къ нашимъ за получаемое исцѣленіе и за помощь съѣстными припасами. Лейтенантъ Шютце нарисовалъ общій видъ русской метеорологической станціи,

который и представленъ г. Генераль-Губернатору въ расчетѣ на интересъ представленія о ея внѣшнемъ видѣ. Въ офицерской комнатѣ станціи имѣется портретъ г. Генераль-Губернатора, который пожертвованъ авторомъ письма; онъ останется тамъ навсегда.

Юргенсь, уѣзжая изъ Якутска, роздалъ массу термометровъ для наблюдений. Замѣтки по температурѣ, составленныя скопцемъ Мархинскаго селенія за четыре мѣсяца прилагаются.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ ВЪ С. МАРХА ВЪ 1882 ГОДУ †).

	А ВГУСТЪ.				С Е Н Т Я Б Р Ъ .				О К Т Я Б Р Ъ .				Н О Я Б Р Ъ .			
	Цельзія спирт.			Реом.*)	Цельзія спирт.			Реом.*)	Цельзія спирт.			Реом.*)	Цельзія спирт.			Реом.*)
	7 ч. утр.	1 ч. дня.	9 ч. веч.		7 ч. утр.	1 ч. дня.	9 ч. веч.		7 ч. утр.	1 ч. дня.	9 ч. веч.		7 ч. утр.	1 ч. дня.	9 ч. веч.	
1	-14	-31	-22	-5 ^{1/2}	-4	-16	-10	-3	-8	-2	-3	-1	-41	-35	-38	-6
2	17	30	20	5 ^{1/2}	9	10	7	2 ^{1/2}	11	4	11	1	37	33	32	7
3	19	32	23	5 ^{1/2}	9	14	12	2 ^{1/2}	14	11	15	1	33	31	34	7
4	20	26	16	5 ^{1/2}	7	22	16	2 ^{1/2}	17	8	10	1	35	32	35	7
5	11	27	15	5 ^{1/2}	7	11	7	2 ^{1/2}	19	7	12	1 ^{1/2}	34	35	35	7
6	15	17	13 ^{1/2}	5 ^{1/2}	4	7	1	2 ^{1/2}	10	5	6	1 ^{1/2}	38	33	31	7
7	13	21 ^{1/2}	16	5 ^{1/2}	4	8	7	2	10	7	14	1 ^{1/2}	36	33	33	8
8	14	15	14	5 ^{1/2}	6	8	4	1 ^{1/2}	20	6	14	1 ^{1/2}	33	31	30	8
9	14	20	17	5 ^{1/2}	0	4	3	1 ^{1/2}	12	14	16	1 ^{1/2}	32	32	37	9
10	15	16	15	5 ^{1/2}	0	3	1	1	18	17	19	1 ^{1/2}	44	37	40	9
11	13	14	13	5 ^{1/2}	6	4	2	1 ^{1/2}	31	18	19	1 ^{1/2}	44	42	44	9
12	10	8	6	5	1	3	1	0	18	14	16	1 ^{1/2}	49	48	50	10
13	5	17	7	4 ^{1/2}	4	3	8	0	17	12	21	2	49	47	50	11
14	4	17	10	4	5	3	6	0	19	13	22	2	50	48	49	12
15	3	15	11	4	5	1	5	0	21	14	16	1 ^{1/2}	50	46	45	12 ^{1/2}
16	8	15	14	4	3	1	2	0	24	18	21	2	39	36	37	13
17	5	8	5	3 ^{1/2}	0	3	1	1 ^{1/2}	29	19	26	2	33	40	43	13
18	4	8	5	3 ^{1/2}	10	0	6	1 ^{1/2}	30	24	31	2	45	42	44	13
19	1	13	9	3	6	4	1	1	35	28	30	3	44	43	42	13
20	6	18	10	3	3	0	2	1	34	26	30	3	43	42	42	14
21	9	19	4	2 ^{1/2}	4	4	1	1	34	24	30	3	41	39	43	15
22	6	14	9	2 ^{1/2}	5	1	0	1	36	27	35	3	42	40	40	15
23	5 ^{1/2}	16	19	2 ^{1/2}	1	0	0	1	39	31	35	4	40	38	39	15
24	7	13	12	2 ^{1/2}	1	0	2	1	35	26	30	4	41	42	43	15
25	7	12	10	2 ^{1/2}	3	2	4	1	24	27	31	4	41	40	42	15 ^{1/2}
26	8	20	14	3	0	2	10	1	29	26	31	5	45	42	41	15 ^{1/2}
27	10	12	10	3	4	0	0	1	29	28	31	5	41 ^{1/2}	41	42	15 ^{1/2}
28	6	16	11	3	4	1	8	1	25	21	25	5	50	50	50	16 ^{1/2}
29	8	17	14	3	4	0	2	1	31	26	32	5	50	49	47	17
30	7	17	11	3	4	2	7	1	33	30	35	5	45	41	42	17
31	2	14	8	3					35	30	37	5 ^{1/2}				

†) Произведенныя скопцемъ Иван. Васил. Павловымъ.

*) Спиртовой, на 1^{1/2} ф. въ землѣ.

По вопросу объ устройствѣ Обь-Енисейскаго воднаго сообщенія.

Его Высокопревосходительство г. Генераль-Губернаторъ Восточной Сибири препроводилъ въ Отдѣлъ копію съ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта по вопросу объ устройствѣ Обь-Енисейскаго воднаго сообщенія въ 1883 года,

которая и печатается въ виду крайняго интереса возбужденнаго вопросомъ о связи бассейновъ Енисея, Ангары и Байкала съ системой р. Оби.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственной Экономіи и Законовъ Государственнаго Совѣта, объ устройствѣ Обь-Енисейскаго воднаго

сообщения, Высочайше утвердить соизволил и повелѣлъ исполнить.

(Подписаль): Предсѣдатель Государственнаго Совѣта
„МИХАИЛЬ“

17 іюля 1882 г.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственной Экономіи и Законовъ, рассмотрѣвъ представленіе Министра Путей Сообщенія по настоящему предмету, *мнѣніемъ полагаетъ:*

1) Предоставить ему, Министру, приступить, съ будущаго 1883 г., къ производству работъ, необходимыхъ для устройства непрерывнаго водянаго сообщения между бассейнами рѣкъ Оби и Енисей, на первое время, лишь для маломѣрныхъ судовъ.

2) Означенный соединительный путь открыть, отъ Оби, по рѣкамъ: Кети, Озерной, Ломоватой и Язевой, по Большему озеру, отъ онаго по проектированному соединительному каналу и, далѣе, по рѣкамъ Малому и Большому Касу, до впаденія послѣдняго въ Енисей.

3) Для завѣдыванія устройствомъ Обь-Енисейскаго водянаго сообщения, образовать особое, на мѣстѣ, временное управленіе изъ инженеровъ Путей Сообщенія, чиновъ Министерства Финансовъ и управленія Генераль-Губернатора Восточной Сибири, и представителей мѣстнаго купечества, предоставивъ Министру Путей Сообщенія, по сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, составить и представить на утвержденіе Государственнаго Совѣта, въ установленномъ порядкѣ, проекты положенія и штаты сего временнаго управленія.

4) На покрытіе расходовъ: а, по устройству Обь-Енисейскаго водянаго сообщения для маломѣрныхъ судовъ, какъ то: на прорытіе соединительнаго канала между озеромъ Большимъ и рѣкою Малый Касъ, съ устройствомъ на водораздѣлѣ конечныхъ сооружений, на выпрямленіе наиболѣе крутыхъ извилинъ на рѣкѣ Язевой и въ верховьяхъ Малаго Каса, на очистку рѣкъ соединительнаго пути отъ карчей, на приобрѣтеніе рабочихъ инструментовъ и машинъ, на постройку временныхъ зданій и на прочія приспособленія и устройства; б, по содержанію управленія для завѣдыванія устройствомъ означеннаго водянаго пути, и в, по производству дополнительныхъ изысканій и опытныхъ работъ, какъ шлюзованія и регулированія рѣкъ, входящихъ въ Обь-Енисейскую водяную систему, такъ и улучшенія порожистой части рѣки Ангары, — ассигновать къ отпуску изъ государственнаго казначейства, въ теченіе двухъ лѣтъ, *шесть сотъ тысячъ рублей*, со внесеніемъ этой суммы, равными частями, т. е. по 300,000 р. въ годъ, въ смѣты Министерства Путей Сообщенія на 1883 и 1884 годы.

5) Лѣтъ, потребный на указанная въ предъидущемъ пунктѣ работы, отпускать изъ мѣстныхъ казенныхъ дачъ бесплатно.

и 6) Предоставить Министру Путей Сообщенія войти въ ближайшее обсужденіе вопроса объ установленіи особаго сбора съ судовъ, имѣющихъ проходить по Обь-Енисейскому водяному сообщенію и, за симъ, предположенія свои по сему предмету представить на рассмотрѣніе Государственнаго Совѣта столь благовременно, чтобы окончательное утвержденіе оныхъ могло послѣдовать до открытія движенія по означенному соединительному пути.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ Предсѣдателемъ и Членами.

Въ 1-му Января 1881 года состояло:

1) Неприкосновеннаго капитала: 5 билетовъ металлическихъ 4 ⁰ / ₀ по	300 р. — 1500 р.	
2) Запаснаго капитала: 20 облигацій 1 вост. займа по	100 р. — 2000	} 1975 р. 38 к. въ покупкѣ.
3 облигацій по	50 р. — 150	
3) Капитала на постройку здания: 5 бил. 5 ⁰ / ₀ государственн. банка по	1000 р. — 5000 р.	
4) Капитала на стипендію Петра Великаго 6 облигацій 2 вост. займа по	100 р. — 600 р.	
5) Наличными деньгами на текуція нужды — на текущемъ счету	206 р. 69 к.	
на рукахъ у правителя дѣль	15 р. 20 к.	

Всего капитала: а) въ бумагахъ на нарицательную стоимость 9250 р.
и б) въ наличныхъ деньгахъ 221 р. 89 к.

Поступило на приходъ въ 1881 году:

1) Пособіе изъ Государственнаго Казначейства	
2) Пособіе изъ амурскихъ суммъ	
3) Членскіе взносы	
4) Отъ подписки на Извѣстія	
5) Отъ продажи книгъ	
6) Проценты по денежнымъ бумагамъ	
7) Остаточныя суммы отъ ассигнованныхъ на поѣздки Г. Агапитова (36 р.) и Г. Витковскаго (109 р).	
8) Пожертвованій отъ членовъ и частныхъ лицъ на устройство помѣщенія для музея и на развитіе дѣятельности Отдѣла, собранныя по приглашенію Г. Генераль-Губернатора Восточной Сибири Дмитрія Гавриловича Анучина	
9) Отъ Его Высокопревосходительства Г. Генераль-Губернатора въ пособіе Отдѣлу въ неприкосновенный капиталъ	
10) Пожертвовано на устройство метеорологической станціи: М. Д. Бутинъ — 100 р., Молчановъ и Коковинъ — 100 р., Я. А. Нѣмчиновъ — 100 р. и В. Лукинъ — 25 р.	
	Итого поступило

Примѣчаніе: 1. Два металлическихъ 4⁰/₀ билета на 600 р. вышли въ тиражъ, вслѣдствіе сего получено за нихъ: 116 полуимперіаловъ по 7 р. 60 к. — 881 р. 60 к.
2 сереб. рубля 1 р. 35 к. — 2 р. 70 к.
и мелочи 60 к.
884 р. 90 к.

и за вычетомъ расходовъ въ 5 р. 55 к. въ дѣйствительности получено 879 р. 35 к. на что и было куплено, съ прибавленіемъ 11 р. 85 к.:

4 билета Государственнаго Банка: 5 ⁰ / ₀ 1 на 100 р. № 173022	100 р.
2 на 150 р. №№ 50992 и 50993	300 р.
1 на 500 р. № 36677	500 р.
	900 р.

В С Е Г О

1) Подписанъ по прочтении протоколъ отъ 3 ноября.

2) Въ исполненіе рѣшенія Комитета постановили: М. И. Янковскому въ счетъ уплаты за доставленные имъ Отдѣлу шкурки птицъ и млекопитающихъ — выслать 150 руб., съ приложеніемъ № „Извѣстій“, въ которомъ помѣщено его сообщеніе о раскопкахъ сорныхъ кучъ на Словянскомъ полуостровѣ Амурскаго залива, вслѣдствіе просьбы его о томъ въ письмѣ къ правителю дѣлъ, при семъ прочтенному.

3) Вслѣдствіи полученія отъ Н. М. Мартянова коллекціи растений, образцовъ почвъ и горныхъ породъ, собранныхъ во время его поѣздки минувшымъ лѣтомъ въ сѣверную часть Минусинскаго округа по порученію Отдѣла, постановили: выслать въ Минусинскъ Н. М. Мартянову израсходованные имъ на эту поѣзду 50 руб.

4) Прочитано письмо Брауэра изъ Петербурга, съ просьбой уплатить числящійся имъ за Отдѣлою долгъ въ 106 р. 15 к.

Въ виду того, что по собраннымъ въ дѣлахъ справкамъ не оказалось за Отдѣломъ долга Брауэру, такъ какъ за послѣдній заказъ по исправленію универсальнаго магнитно-астрономическаго инструмента деньги были уплачены черезъ посредство секретаря Географическаго Общества В. Срезневскаго — постановили увѣдомить объ этомъ Брауэра съ просьбой указать за какую работу или какіе предметы имъ насчитывается долгъ въ 106 руб. 15 коп.

5) На предложеніе предсѣдателя обсудить вопросъ о празднованіи Отдѣломъ юбилейнаго дня 300 лѣтія присоединенія Сибири къ Россіи, постановили: произнести по сему случаю рѣчь, составленіе которой поручить правителю дѣлъ Н. Н. Агаптову, а залу украсить изображеніемъ Ермака съ соотвѣстной декорацией.

27 ноября 1882 года.

Подъ предѣдательствомъ П. Ф. Унтербергеръ присутствовали: А. А. Шамаринъ, С. И. Коссовичъ, Н. И. Витковский, А. И. Бобровниковъ, И. В. Щегловъ, В. І. Ясенскій, членъ Отдѣла И. С. Боголюбскій и правитель дѣлъ Н. Н. Агаптовъ.

1) Прочитано письмо предсѣдателя Общества пособій учащимся Восточной Сибири А. М. Шестакова съ предложеніемъ Отдѣлу Географическаго Общества принять участіе въ обсужденіи вопроса о празднованіи 300 лѣтняго юбилея присоединенія Сибири къ Россіи совместно съ другими учеными благотворительными и иными обществами, преслѣдующими общепользныя цѣли.

Принимая во вниманіе, что Комитетъ Отдѣла, для предстоящаго празднованія уже принялъ нѣкоторыя мѣры, такъ поручилъ правителю дѣлъ составить соотвѣтственную рѣчь, заказалъ портретъ Ермака, съ намѣреніемъ его декорировать, а потому не встрѣтилъ бы особыхъ затрудненій къ отдѣльному празднованію, но имѣя въ виду сказанное предложеніе и разсчитывая, что совместное празднованіе придастъ празднику болѣе торжественный характеръ — постановили: въ принципѣ одобрить такое соединеніе членовъ обществъ, для обсужденія же подробностей въ составѣ комитета присутствовать на общемъ засѣданіи комитетовъ назначенномъ утромъ 28 ноября.

2) Прочитано отношеніе Главной Физической Обсерваторіи, отъ 4 октября за № 1013, съ предложеніемъ не найдеть ли Отдѣлъ возможнымъ изъ числа 6 серій метеорологическихъ инструментовъ, высланныхъ въ Отдѣлъ для устройства метеорологическихъ станцій въ пунктахъ по выбору Отдѣла наиболѣе удобныхъ и гдѣ можно разчитывать найти наблюдателя — передать 1 серію въ Красноярскую мужскую гимназію.

Постановили — 1 серію инструментовъ передать въ гимназію въ Красноярскъ съ просьбой оплатить расходъ по пересылкѣ.

3. Прочитано письмо М. I. Martin съ просьбой выслать ему 1 экземпляръ отчета Крапоткина о Витимско-Олекминской экспедиціи.

Постановили: выслать 1 экземпляръ просимаго сочиненія.

3) Прочитано письмо г-на Серебренникова на имя А. А. Шамарина съ предложеніемъ устроить метеорологическія наблюденія при нѣкоторыхъ пріисковъхъ больницахъ и пароходныхъ пристаняхъ, изъ нихъ при пріисковой больницѣ на рч. Аканакъ — Накатами, наблюдателемъ можетъ быть докторъ Я. Л. Робиновичъ, изъявившій на то согласіе, на другихъ же 3-хъ фельдшера.

Постановили: въ виду согласія доктора Я. Л. Робиновича принять на себя производство наблюденій — отправить на его имя 1 серію инструментовъ, если представится удобный случай къ отправкѣ по установленному зимнему пути.

5) Прочитано письмо отъ редакціи англ. журнала Nature съ просьбой вступить съ Отдѣломъ въ обмѣнъ изданіями.

Постановили: выслать „Извѣстія“ за текущій годъ одновременно съ высылкой въ Финляндское Археологическое Общество въ Гельсингфорсъ вслѣдствіе просьбы о томъ профессора Аспелина, выраженной въ письмѣ на имя Н. Н. Агаптова.

6) Доложено правителемъ дѣлъ о полученіи отъ Московскаго препаратора Лоренцъ 38 чучелъ на подставкахъ и 40 шкурокъ птицъ, принадлежащихъ Отдѣлу, при письмѣ, изъ котораго видно, что Лоренцу, какъ не члену Отдѣла, не представляется возможнымъ воспользоваться правомъ бесплатной пересылки по почтѣ изготовленныхъ для Отдѣла чучелъ; изъ того же письма усматривается, что за изготовленіе чучелъ Лоренцу слѣдуетъ уплатить 91 руб., которыя Лоренцъ проситъ передать г. Шведову.

Постановили: вслѣдствіи смерти И. Г. Шведова, выслать Лоренцу слѣдующее ему 91 руб., а общему собранію предложить избрать Лоренца членомъ Отдѣла въ виду той не сомненной услуги, которая Лоренцемъ оказывается не только при набивкѣ чучелъ, но отчасти и при ихъ опредѣленіи черезъ посредство московскихъ натуралистовъ и наконецъ вслѣдствіе сдѣланнаго Лоренцомъ предложенія обмѣнивать наши дубликаты сибирскихъ видовъ на виды европейскіе.

7) Выслушано предложеніе И. С. Боголюбскаго избрать въ дѣйствительные члены Отдѣла: Минусинскаго 1-й гильдіи купца Ивана Гавриловича Гусева и Саранскаго 2-й гильдіи купца Ивана Алексѣевича Денисова, какъ лицъ полезныхъ по ихъ знакомству съ Минусинскимъ округомъ и пограничными землями.

Постановили: означенныхъ лицъ внести въ списокъ членовъ, предлагаемыхъ къ избранію, для предстоящаго общаго собранія.

14 декабря 1882 года.

Подъ председательствомъ П. Ф. Унтербергеръ присутствовали: А. И. Бобровниковъ, И. В. Щегловъ, А. А. Самаринъ, С. И. Коссовичъ, Н. И. Витковский и правитель дѣлъ.

1) Прочитано письмо къ и. д. Предсѣдателя Его Высочайшему Превосходительству г. Генералъ-Губернатора съ препровожденіемъ 15,115 руб. 59 к. на окончаніе постройки дома и устройство забора и воротъ съ каменными столбами.

Постановили: выразить глубокую признательность Его Высочайшему Превосходительству о такомъ тепломъ и щедромъ участіи начальника края къ Отдѣлу Географическаго Общества.

2) Въ виду того, что общимъ собраніемъ 9 августа Распорядительному Комитету предоставлено было всети постройку только въ чернѣ на сумму до 29,000 руб., бывшую къ тому времени въ распоряженіи Отдѣла, постановили войти въ Общее Собраніе съ предложеніемъ продолжить и окончательную отдѣлку зданія на тѣхъ же основаніяхъ, какія были утверждены Общимъ Собраніемъ и Распорядительнымъ Комитетомъ; въ настоящее время впредь до общаго собранія, разрѣшить производителямъ постройки производство необходимыхъ заказовъ нетерпящихъ отлагательства, въ виду желательнаго возможно скорого окончанія постройки.

3) Ив. В. Щегловъ, представившій въ предшествовавшее засѣданіе свою работу, представляющую хронологическій обзоръ событій по Исторіи Сибири и просившій о напечатаніи этой работы въ размѣрѣ до 10 печатныхъ листовъ на средства Отдѣла, заявилъ, что, по справкѣ въ типографіи, за печатаніе одного печатнаго листа съ бумагой въ 400 экз. возьмутъ 17 руб. 60 коп.

Постановили: напечатать работу г. Щеглова отдѣльной брошюрой въ размѣрѣ 400 экземпляровъ, съ выдачею г. Щеглову 100 экз., съ тѣмъ, чтобы размѣръ расхода не превышалъ 200 рублей.

23 декабря 1882 года.

Подъ председательствомъ П. Ф. Унтербергера присутствовали: П. Г. Меленевскій, С. И. Коссовичъ, А. А. Самаринъ, И. В. Щегловъ, А. И. Бобровниковъ, Н. И. Витковский и правитель дѣлъ.

1) Прочитано письмо наблюдателя Верхоленской станціи учителя приходскаго училища г. Кожухарова, извѣщающаго, что имъ по неосмотрительности испорченъ смоченный термометръ психрометрической пары; при этомъ г. Кожухаровъ проситъ прислать ему инструменты для замѣны имъ разбитыхъ.

1) Суда по тому, что г. Кожухаровъ кромѣ смоченнаго разбилъ и minimum-термометръ, въ обоихъ случаяхъ вслѣдствіи несоблюденія требованій инструкціи для метеорологическихъ станцій, можно усмотрѣть, что станція находится въ неисправности и что г. Кожухаровъ наблюдатель не вполне надежный; 2) такъ какъ въ высшей степени желательно для Отдѣла имѣть вполне правильно организованную станцію въ Верхоленскѣ между прочимъ и въ виду денежныхъ затратъ на нея уже сдѣланныхъ, кромѣ ея научной важности, особенно во время

наблюденія на устьѣ Лены; 3, такъ какъ для правильно организованной станціи необходимо имѣть полный комплектъ инструментовъ, выслать же г. Кожухарову новые инструменты въ замѣну разбитыхъ представляется рискованнымъ, постановили: избрать вполне компететное лицо, командировать его на средства Отдѣла въ Верхоленскъ съ тѣмъ, чтобы подыскать въ городѣ надежныхъ наблюдателей, если нужно совѣтъ отстранить г. Кожухарова, передать этому новому наблюдателю инструменты, кромѣ удѣлѣвшихъ на станціи новую психрометрическую пару и minimum термометръ, кромѣ того спиртовый термометръ для станціи, на случай поврежденія minimum термометра, одинъ спиртовый для квартиры наблюдателя, 1 спиртовый и 1 ртутный для наблюденія температуры поверхности земли; по предложеніи правителя дѣлъ обратится съ просьбой къ г. Залѣсову, кандидату математики, уже изъявлявшему согласія при предварительныхъ переговорахъ, принять на себя командировку къ Верхоленскъ, на расходы по переѣзду наблюдателя ассигновать, кромѣ прогоновъ, до 100 руб.

2) По заявленіи архитектора барона Г. В. Розенъ и завѣдывающаго хозяйственной частью постройки г. Витковского постановили: выдать борону Розенъ за техническій надзоръ за исполненную часть работъ 5% съ израсходованной суммы, а г. Витковскому отпустить авансомъ на выписку желѣза изъ Томска по плотничнымъ и столярнымъ работамъ до 1900 р. (1829 р.)

Р ѣ ш е н і е

Правителя дѣлъ Вост. Сибир. Отдѣл. Императорскаго Русскаго Геогр. Общества по поводу празднованія 6 декабря 1882 года 300 лѣтняго юбилея присоединенія Сибири къ Русской державѣ.

Приложеніе къ протоколамъ Распор. Комитета.

М. г. и м. г. Каждой индивидуальной личности приходится въ инныя минуты своей жизни перебирать въ памяти всѣ пережитые моменты ея, выступающіе то отчетливо ярко, то смутно, смотря по значенію и силѣ пережитаго, оцѣнивается въ эти минуты прошлое и возбуждается то скорбь, то испытывается сознаніе неизбѣжности минувшаго, и всегда твердая рѣшимость въ будущемъ устроить свою жизнь такъ, чтобы обеспечить себѣ при слѣдующемъ періодически поступающемъ расчетѣ побольше счастливыхъ минутъ.

Тѣмъ болѣе основанія для критическаго взгляда на прошлое обширной страны, прошлое, исчисляемое не періодомъ жизни одного человѣка, а длиннаго ряда поколѣній. Полезно припомнить, а еще лучше изучить возможно тщательно и безпристрастно историческія судьбы края, отмѣтить лучшіе и свѣтлые

періоды, періоды развитія и процвѣтанія, оцѣнить и выдѣлить періодъ застоя, отдѣнить отдѣльныя личности, жизнь и дѣятельность которыхъ оставила болѣе или менѣе замѣтные слѣды на настоящемъ, и затѣмъ вслѣдъ за такимъ анализомъ создать картину возможнаго и желательнаго будущаго, завѣщавъ ему выполненіе задачъ по исправленію темныхъ сторонъ прошлаго, а равно и прокладыванія новыхъ путей, выработкѣ новыхъ цѣлей и новыхъ идеаловъ, если старыя пути, старыя цѣли и идеалы были избраны неудачно.

Признавъ полезность (періодическаго) разсчета съ прошлымъ въ опредѣленные періоды, съ условіемъ достаточной ихъ продолжительности, чтобы имѣть увѣренность въ большей вѣроятности выводовъ — согласимся, что выборъ года, дня для такого анализа является дѣломъ не существеннымъ; три вѣка, истекшіе съ тѣхъ поръ, какъ Сибирь начала постепенно входить въ составъ Россіи и дѣлаться достояніемъ русскаго народа, періодъ по своей продолжительности, какъ нельзя болѣе удобный для изученія и достаточно обеспечивающій достовѣрность заключеній, которыя могутъ обнаружиться въ результатъ изученія.

Согласно вышеупомянутому взгляду намъ бы слѣдовало теперь обратиться къ обзору историческаго прошлаго Сибири, чтобы воспользоваться его опытомъ для потребностей непосредственно близкаго будущаго, но не можемъ не сознаться, что такая задача по своей грандіозности выходитъ за предѣлы возможнаго для насъ, — мы ограничимся только изложеніемъ и нѣкоторой оцѣнкой исторіи усилій, употребленныхъ и русскимъ правительствомъ и представителями русскою науки для всесторонняго научнаго изслѣдованія Сибири. Но подобное изученіе было бы немыслимо, въ ту отдаленную эпоху, когда оно дѣйствительно началось, еслибъ не осуществлено было фактически присоединеніе Азіатскаго сѣвера къ Россіи, а потому и не справедливо пройти совершеннымъ молчаніемъ и исторію такого присоединенія, столь богатаго проявленіемъ великой энергіи единичныхъ личностей, какъ блестящаго доказательства той идеи, что въ историческихъ событі-

яхъ, въ великихъ историческихъ актахъ дѣятельность массъ, громаднхъ политическихъ организмовъ, не можетъ поглотить единичныя силы, словомъ, что исторія творится столько же отдѣльными личностями, сколько массами.

Такимъ образомъ въ исторіи русскихъ владѣній въ сѣверной Азіи необходимо отличить два періода: періодъ пріобрѣтенія и поступательнаго шествія русскаго народа на Востокъ и періодъ научнаго изслѣдованія страны, одновременно съ осѣданіемъ въ ней новыхъ насельниковъ. Это двойное пріобрѣтеніе Сибири есть непосредственная заслуга русскаго народа не только въ его собственныхъ интересахъ, но и въ интересахъ цивилизаціи и науки. Ни древне-классическій міръ, ни средневѣковая Европа не имѣли о сѣверѣ Азіи почти никакихъ свѣдѣній, крайне неопредѣленны также знакомства съ нею китайцевъ и арабовъ; на картѣ Фра Мауро, относящейся къ 1457 г. Сибирь представлена въ видѣ узкой полоски земли между Алтаемъ и Ледовитымъ океаномъ; эту страну представляли населенною баснословными и чудовищными существами, Грифееми, Аримаспами, даже *людьми съ песьими головами и птиками человѣкообразными*, судя по рукописямъ XVI ст. Александрій, описанія похода Александра Великаго въ Индію; извѣстный венеціанскій путешественникъ Марко Поло населяетъ Сибирь Гогами и Магогами, которыхъ „Александрія“ считаетъ царями сѣверныхъ народовъ съ песьими головами, а на виньеткахъ толковыхъ Апокалипсисовъ они рисуются въ видѣ человѣка съ собачьей головой и въ коронѣ съ оплетшимся вокругъ тѣла змѣемъ, также въ коронѣ.*)

Разсвѣять мракъ, окружавшій сѣверъ Азіи и осмѣять средневѣковыя недѣлости выпало на долю русскаго народа, подарившаго міру страну болѣе, чѣмъ вдвое превосходящую Римскую Имперію Трояна.

Съ 1679 г. переступила русская нога Уральскія горы и твердо стала за ними благодаря рѣ-

*) О. Вуслаева „Древне-русская народная литература и искусство“, стр. 371 и рисунки къ ней.

шимости простых незнатныхъ людей, 3 купцовъ и простаго казака; Ермакъ былъ казакомъ только въ смыслѣ свободнаго гулящаго человѣка, какими являлись и новгородскіе повольники съ одной стороны и волжскіе разбойники съ другой.

Какъ не велико дѣло, совершенное Ермакомъ и по самому ходу его, и, по результатамъ, но во всякомъ случаѣ это былъ только счастливый первый шагъ, за которымъ могло и не послѣдовать дальнѣйшаго поступательнаго движенія; если на картѣ отмѣтить границы постепенно занимавшихся русскими земель въ опредѣленные періоды, то получимъ нѣкоторый критеріумъ для оцѣнки различныхъ эпохъ присоединенія. Такъ именно, къ моменту смерти Ермака занятая имъ область представлялась небольшимъ четырехугольникомъ, приблизительно до 1500 кв. м., что составитъ около $\frac{1}{150}$ части всей Сибири; къ концу XVII в. былъ занятъ почти весь Обскій бассейнъ, а къ 1639 г., т. е. черезъ 60 лѣтъ современіи перехода черезъ Уралъ, достигаютъ (въ лицѣ Копылова) Великаго океана. Принимая въ расчетъ эти факты, мы были бы несправедливы, не поставивъ рядомъ съ Ермакомъ тѣхъ героическихъ личностей, которыми было доведено благополучно до конца дѣло, начатое первымъ; Ермакомъ начинается героическій періодъ завоеванія, судя по грандіознымъ успѣхамъ, достигнутымъ сравнительно скромными силами толпы казаковъ и промышленниковъ; герои этой эпохи считаются десятками и они изъ своихъ могилъ могли бы воскликнуть:

„Братья! Вы наши плоды пожинаете!

Намъ же въ землѣ истлѣвать суждено...

Все-ли насъ, бѣдныхъ, добромъ поминаете,

Или забыли давно?

Почтимъ-же нынѣ героевъ, имена которыхъ окружаютъ портретъ покорителя татарско-остяцкаго царства:

Перфирьева

Курбатъ Иванова

Бекетова

Колесникова

} покорители бурятъ и тунгусовъ.

Елисея Бузу — овладѣвшаго Нижней Леной, Оленкомъ, Индигиркой.

1630. Копылова — достигшаго Охотскаго моря.
Пояркова и Хобарова — борцовъ за Амуръ.
Дежнева, открывшаго въ 1647 г. проливъ между Азіей и Америкой и съ устья Колымы, гдѣ утвердился Стадухинъ 3 года ранѣе, достигшаго устья Анадыра.
Атласова, покорителя Камчатки. (1696 г.)

Вѣнцомъ завоевательнаго періода былъ Нерчинскій договоръ 1689 г., хотя и сопровождавшійся потерей Амура, но который нельзя не признать важнымъ политическимъ актомъ, такъ какъ имъ санкціонировались всѣ совершенныя завоеванія и на будущее время отстранялись дальнѣйшія притязанія Китая, соѣда въ то время сильнаго и не безопаснаго. Дѣятелями XVII в. еще не заканчивается рядъ героическихъ подвиговъ по изслѣдованію и приобрѣтенію новыхъ земель, только съ начала новаго XVIII столѣтія, рядомъ съ поступательнымъ движеніемъ, развивается новая работа, работа научнаго изслѣдованія присоединенной страны — выдвигаются другіе герои, значеніе подвиговъ которыхъ гораздо плодотворнѣе.

Въ первую эпоху научнаго изслѣдованія выдаются 4 экспедиціи отъ 1720 года по 1845 годъ, снаряженная на средства правительства и участниковъ получавшія въ большинствѣ случаевъ изъ Академіи наукъ, во второй половинѣ текущаго столѣтія — отъ 1849—51 годахъ на смѣну дѣятелямъ Академіи наукъ выступаютъ члены Географическаго Общества, а затѣмъ Сибирскаго и Западно-Сибирскаго его Отдѣловъ.

Основаніе научнымъ работамъ о Сибири, какъ и утверженіе науки въ Россіи, кладется Петромъ Великимъ, отправившимъ въ Сибирь ученаго Мессершмидта въ 1720 году; его работы продолжаются втеченіи 7 лѣтъ. Мессершмидтъ принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ умовъ, которые одинаково дома во всѣхъ областяхъ знанія. Почти столь же геніальный Палласъ объ немъ отзывается въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, говоря: „невозможно не удивляться этому человѣку, который одинъ совершилъ такъ много“, и дѣйствительно: его астрономическія работы столь точны, что совершенно достаточны для составленія географичес-

кихъ картъ малаго масштаба, его стараніями не мало обогатился основанный Петромъ Великимъ музей, нынѣ музей Академіи наукъ; онъ былъ превосходный орнитологъ и его сочиненія о птицахъ составляютъ 18 томовъ; коллекціи растений и рукописныя замѣтки о флорѣ Сибири послужили матеріаломъ для работъ Аммана и Гмелина; его работы по исторіи, этнографіи, археологіи остались неопубликованными вслѣдствіи ранней смерти ученаго и сдѣлались извѣстными бывшимъ спутникомъ Мессершмидта въ нѣкоторыхъ его поѣздкахъ — Страленбергомъ, человѣкомъ, мало подготовленнымъ къ научнымъ работамъ. Въ 1733 году направляется въ Сибирь такъ называемая *большая Сибирская экспедиція*, продолжавшая свои занятія 10 лѣтъ; поводомъ къ ея снаряженію было предложеніе командира Беринга подтвердить результаты его перваго изслѣдованія въ 1728—29 годахъ, предпринятаго для рѣшенія по плану Петра Великаго вопроса о соединеніи Азіи съ Америкой; но на этотъ разъ задачи экспедиціи значительно расширились: кромѣ изученія морей между Японіей и Камчаткой и открытіи сѣверо-западной Америки, возложенныхъ на Беринга, какъ главнаго начальника всей экспедиціи и его спутниковъ Чирикова, Спанберга, Вальтона и Шелтинга — въ инструкціи для экспедиціи предполагалось: подробное изученіе естественной исторіи страны, исторія политическая и этнографія, астрономическое опредѣленіе мѣстъ и подробное нанесеніе на карту береговъ Ледовитаго океана отъ Европы до Берингова пролива; для выполненія послѣдняго пункта программы къ экспедиціи прикомандированъ рядъ топографовъ и офицеровъ, между которыми особенно выдаются Челюскинъ, Мининъ, Овцынъ, Прончищевъ и Лаптевы; не смотря на неудовлетворительное снабженіе припасами и плохое снаряженіе для береговаго плаванія въ полярныхъ моряхъ, работы этихъ въ большинствѣ еще молодыхъ людей весьма точны, а нанесенные на карту берега Ледовитаго океана остались и по нынѣ въ такомъ видѣ, какъ были выполнены первыми съемщиками. Труды натуралистовъ экспедиціи Гмелина, Стеллера и Крашенинникова и доннынѣ пользуются заслуженной

славой, а историческое и этнографическое описаніе Сибири Миллера и Фишера составляютъ важнѣйшія пособія по этимъ отраслямъ науки о Сибири. Изъ 20 участниковъ экспедиціи только трое, кромѣ славы добились и обеспеченнаго матеріальнаго и высокаго общественнаго положенія: Миллеръ, Гмелинъ и Крашенинниковъ; нѣкоторые поплатились жизнью въ продолженіе дѣятельности экспедиціи — такъ скончались: Берингъ на островъ его имени и Прончищевъ; многимъ не пришлось дожить до окончанія своихъ отчетовъ.

Спустя 25 лѣтъ за большой сибирской экспедиціей Императрицей Екатериной II отправляется вторая экспедиція, объявляющая не одну Сибирь, но и значительную часть сѣверной, средней и южной Россіи; выдающіеся дѣятели ея — Палласъ, Георги, Фалькъ и Лепехинъ. Палласъ такой-же всеобъемлющій ученый, какъ Мессершмидтъ — онъ изучалъ фауну, флору, древности, горное дѣло Сибири и пользуется ученой извѣстностью, а труды и описанія его еще долго не потеряютъ значенія. Георги работалъ преимущественно въ Восточной Сибири, первый объѣхалъ Байкаль, кромѣ его южной части; наблюденія по отношенію къ геогнозіи, флорѣ и этнографіи такъ точны, что преемникъ его на этомъ поприще немного можетъ прибавить къ его работамъ; какъ этнографъ онъ приобрѣлъ мировую извѣстность, а сочиненія объ инородческомъ населеніи Сибири служатъ обильнымъ источникомъ для знакомства съ инородцами; по отношенію къ религіямъ онъ первый, вмѣстѣ съ Палласомъ, обратилъ вниманіе на самые предметы обожанія и обоготворенія — путь весьма плодотворный и важный для этнолога и археолога.

Путешествіе академика Миддендорфа въ 1843 и 1845 годахъ по своему характеру, по обширности обследованной области совершенно аналогично 3-мъ предшествовавшимъ и заканчиваетъ собою героическій періодъ въ научныхъ сибирскихъ изслѣдованіяхъ. Описаніе путешествія, выполненнаго почти однимъ лицомъ, началось тотчасъ по его окончаніи и продолжалось болѣе 20 лѣтъ, причемъ авторъ воспользовался не только трудами своихъ предшествен-

никовъ въ Сибири, но и массой другихъ научныхъ работъ при разработкѣ трудныхъ вопросовъ климатологии, ботанической и зоологической географіи, языкознанія и этнографіи; многотомное описаніе путешествія въ русскомъ и специальномъ нѣмецкомъ изданіи составляютъ драгоценную энциклопедію.

Нанеся на карту маршруты 4 описанныхъ экспедицій, мы увидимъ, что изслѣдованныя ими области весьма совпадаютъ и принадлежать преимущественно южной Сибири; на западѣ маршруты направляются то отъ Верхотурья на Томскъ, чрезъ Нарымъ или Колывань, то черезъ Уральскъ и Оренбургъ, на Омскъ и Томскъ, съ почти непремѣннымъ отклоненіемъ къ Алтаю; на Востокѣ пути экспедицій идутъ на Енисейскъ или Красноярскъ съ отклоненіемъ къ верхнему Енисею, а далѣе на Киренскъ и Иркутскъ; за Байкаломъ же на Нерчинскъ или Далай-норъ, въ одну сторону, и Кяхту, въ другую. На сѣверѣ направились по Енисею 3: Мессершмидтъ и Гмелинъ на Монгазею и Миддендорфъ въ Таймырскій край; причемъ первый изъ нихъ достигъ Иркутска черезъ Нижнюю Тунгузку и Киренскъ; по *Ленть* проѣхали на Якутскъ: Гмелинъ, Крашенинниковъ и Стеллеръ, а потомъ Миддендорфъ; послѣдніе трое достигли береговъ Охотскаго моря, откуда Крашенинниковъ и Стеллеръ переѣхали въ Камчатку, а Миддендорфъ посѣтилъ области рр. Амгуни и Буреи и засвидѣтельствовалъ, что вся страна къ сѣверу отъ Амура пустынна и фактически не принадлежала Китаю, чѣмъ вызвалъ Сибирскую экспедицію, а потомъ и Амурскую 1854 года, закончившуюся присоединеніемъ Амура.

Взглядъ на карту обнаружить, что между путями ученыхъ экспедицій оставались ко 2-й половинѣ настоящаго столѣтія обширныя неизслѣдованныя пространства; для изученія наиболее интересныхъ изъ нихъ, правдѣ предпринимались частныя экспедиціи, какъ напр. въ Алтай, Даурію и Восточныя побережья и притомъ такими представителями науки, какъ Сиверсъ, Ледебуръ, Гумбольдтъ, Турчаниновъ, Врангель, Коцебу, Литке, Щуровскій, но тѣмъ не менѣе весь сѣверъ Сибири, внѣ пре-

дѣловъ, посѣщенныхъ 4 упомянутыми экспедиціями оставался почти неизвѣстнымъ.

При такихъ-то условіяхъ возникаетъ, въ 1849 году, Географическое Общество въ Петербургѣ, а три года спустя и его Отдѣлъ въ Иркутскѣ. Образовавшееся общество немедленно снаряжаетъ 2 предварительныя экспедиціи, одну въ составѣ подполковника Ахте, астронома Шварца и геолога Меглицкаго, другую подъ начальствомъ Невельскаго въ Татарскій проливъ и Охотское море. Занятіе Ахте и Невельскаго составляютъ одно цѣлое съ трудами членовъ Сибирской экспедиціи Географическаго Общества съ 1855 до 1864 г. въ составѣ: Шварца, Глена, Радде, Усольцева, Смирягина, Шренка, Брылкина, Орлова и др.

Отдѣлъ Географическаго Общества въ Иркутскѣ, открытый въ ноябрѣ 1851 года, принявъ такъ сказать въ наслѣдіе результаты всѣхъ предшествовавшихъ году его основанія научныхъ изслѣдованій, принялъ съ тѣмъ вмѣстѣ и нравственное обязательство продолжать изученіе края, обратившись ранѣе всего къ тѣмъ обширнымъ неизвѣстнымъ пространствамъ, которые не вошли въ районъ прежнихъ работъ и первая научная экскурсія отправляется на Вилюю въ 1854 г., видѣвшій только первыхъ пробороздившихъ Сибирь казаковъ и промышленниковъ. Съ присоединеніемъ Амура чувствуется необходимость ознакомиться съ новой страной, и въ 1855 г. снаряжается поѣздка на Амуръ, и въ 1859 г. на Усури; всѣ три экспедиціи въ главѣ имѣли Р. К. Маакъ.

Тѣми же соображеніями пополнить пробѣлы въ изслѣдованныхъ пространствахъ руководствовался Отдѣлъ при отправленіи и послѣдующихъ большихъ экспедицій: Олекминско-Витимской Крапоткина и Полякова, Чукотской — г. Неймана и бар. Майделя, Туруханской — Шапова и Лопатина. Помимо названныхъ 6 большихъ предпріятій, почти ежегодно со дня основанія Отдѣла членами его совершались частныя поѣздки для изученія небольшихъ пространствъ — какъ напр. по теченіи рр. Иркуты, Китоя, Бѣлой — или выясненія того или другаго научнаго вопроса.

Принимая во вниманіе всё ученые предпріятія отъ экспедиціи на Нижнюю Тунгузку гг. Чекановскаго и Миллера, и экспедиціи Западно-Сибирскаго Отдѣла на Алтай, во всей Сибири найдется очень не много такихъ глухихъ пространствъ, куда бы не заглянулъ научный изслѣдователь. Оставалась одна детальная разработка научныхъ вопросовъ — и съ этой стороны Отдѣлъ проявилъ свою дѣятельность; такъ изученіемъ геологіи Байкальскихъ побережій экскурсіями 4 лѣтъ съ 1877 по 1880 г. Черскаго и опредѣленіемъ рельефа дна озера доставленъ цѣнный вкладъ для научнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи Байкала; работами Дыбовскаго надъ фауной Байкала и Амура положено начало частному изслѣдованію опредѣленныхъ районовъ, въ послѣдніе годы возбуждены изслѣдованія древностей и почвъ на различныхъ пунктахъ — Иркутской, Енисейской губерніи, Якутской и Приморской областей трудами гг. Янговскаго, Мартыанова, Витковскаго, Шамарина и другихъ. Печатныя изданія Отдѣла: 11 томовъ записокъ и 12 т. «Извѣстій», а еще болѣе многочисленныя научныя труды членовъ ученыхъ экспедиціи Академіи Наукъ, Географическаго Общества, составляютъ обширную литературу, такъ что одни сочиненія о Сибири могутъ образовать цѣлую бібліотеку не въ одну сотню томовъ.

Какъ особенность послѣдней эпохи научныхъ изслѣдованій Сибири, съ открытіемъ Отдѣла Географическаго Общества, составляетъ то важное обстоятельство, что главной опорой для изслѣдованій должны служить мѣстные средства и силы — что весьма отчетливо сознается и главными начальниками края и мѣстнымъ обществомъ. Какъ съ самаго основанія Отдѣла обнаружилось сочувствіе къ его задачамъ и цѣлямъ, со стороны г. Генераль-Губернатора, такъ это сочувствіе принадлежитъ нашему дѣлу и въ настоящее время, что съ такой готовностью Его Высокопревосходительство Дмитрій Гавриловичъ Анучинъ всегда выражалъ своими заботами о потребностяхъ и нуждахъ Отдѣла, нерѣдко предупреждая наши ходатайства; не прошло еще года съ поступленія по инициативѣ Его Высокопревосходительства крупныхъ пожертвованій на устрой-

ство помѣщенія для музея Отдѣла, а уже нынѣ ко дню 300 лѣтняго юбилея Его Высокопревосходительство препроводилъ черезъ Предедателя 15,115 р. 59 к. для окончанія начатой постройки дома.

Участіе мѣстнаго общества, проявившееся съ первой экспедиціи на Вилюй, снаряженій на средства членасоревнователя Соловьева, не прекращалось во все время дѣятельности Отдѣла и еще такъ недавно выразилось въ названныхъ крупныхъ пожертвованіяхъ въ 24 т. р.

Имѣя въ виду обширную литературу о Сибири и дорого стоившее ея изученіе, естественно желать, чтобы научныя труды какъ можно скорѣе сдѣлались достояніемъ Общества и учащагося юношества, чтобы появились своды всѣхъ работъ по изученію климата, почвы, животнаго и растительнаго міра, этнографіи, исторіи; чтобы распространились въ большемъ числѣ экземпляровъ популярныя статьи по исторіи присоединенія и изученія страны, «жизнеописанія ея дѣятелей».

Такия работы мы надѣемся не заставятъ себя ждать и дѣло это достойнымъ образомъ увѣнчаетъ 3 вѣковое существованіе Сибири, какъ колоніи русскаго народа, присоединеніе и познаніе которой стоило столько жизней, столькохъ трудовъ и материальныхъ затратъ.

Перевозка северныхъ оленей на островъ Беринга.

(Изъ частнаго письма Д-ра Б. И. Дыбовскаго изъ Петропавловска отъ 4 Октября 1882 г.)

„Получивъ соизволеніе и средства отъ Компаніи Hutchinson Kool et C-o я перевезъ на пароходѣ Компаніи 4/16 іюля 1882 г. 15 штукъ северныхъ оленей, 11 самокъ и 4 самца и пустилъ ихъ на островъ Беринга. Олени ошены въ Камчаткѣ и приведены изъ окрестностей Харьусовскаго селенія по западному берегу полуострова, въ Петропавловскій портъ. Перегонъ 15 штукъ ученыхъ оленей требовалъ пригона цѣлаго табуна, состоящаго изъ 150 штукъ; время, нужное для пригона отъ мѣста кочевки до порта, заняло 2 1/2 мѣсяца, такъ какъ

гнать оленей нужно было вдоль горныхъ кражей, въ избѣжаніе комаровъ и паутовъ, мучащихъ оленей по долинамъ; вслѣдствіи чего цѣна оленямъ обошлась въ 30 руб. за штуку. Перевозъ на суднѣ совершился благополучно, во время перевоза кормили оленей листьями и вѣтками тальника и березы, а также травой свѣжо собранной и сохраняемой въ посудахъ съ водой; но когда корму не стало, олени

стали ѣсть сѣно, а нѣкоторые брали булку, хлѣбъ, даже блины, такимъ образомъ показалось, что вопреки показаніямъ ламутовъ, которые утверждаютъ что олени не дотронутся даже до свѣжей травы, сорванной руками человѣческими, эти животные ѣдятъ сѣно и хлѣбъ. Перевозъ изъ порта на Беринговъ островъ совершается на пароходѣ въ продолженіи двухъ сутокъ“.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Открыта подписка

НА

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

на 1883 годъ.

2-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Газета еженедѣльная, выходящая безъ предварительной цензуры, посвященная преимущественно Сибири, Азіатскому Востоку, а также интересамъ окраинъ и русскихъ областей, подъ редакціей Н. М. Ядринцева.

Изъ статей помѣщены въ 1882 году: *Востокъ и Западъ*. Б. П. Васильева.—*Центръ и Окраины*. С.—*По поводу трехсотлѣтія Сибири*. С. Б. Максимова.—*Монгольская литература*. А. М. Позднѣева.—*Россія и англо-индійскіе интересы*. Н. П. Минаева.—*Монголія и міросозерцаніе жителей Алтая*. В. В. Радлова.—*Природа и человекъ въ дѣль колонизаціи*. Д. И. Завалишина.—*Сѣверно-азіатская легенда о сынѣ неба*, Г. Н. Потанина.—*Что такое поземельная община*. С. Я. Капустина.—*Русская торговля на границахъ Китая*. А. Б. Адрианова.—*Реформа въ области уголовнаго наказанія*. Н. Я. Фойницкаго.—*Крестьянская реформа*. В. И. Вагина.—*Земство въ Сибири*. *Еще же*.—*Перебои статьи посвящены: русской политикѣ въ Азіи, сибирскимъ реформамъ, какъ-то: введенію земства, новаго суда, переселенческому дѣлу, вопросу о ссыль, вопросу инородческому, вопросу образованія на Востоку и вообще развитію матеріальныхъ и нравственныхъ силъ страны. Въ 1882 г. начались рассказы и очерки: Гонимые. Н. И. Наумова.—На Уралѣ.*

Л. Симоновой.— Крестьяне золотопромышленники. Нелюбинскаго.— Туркестанъ и его жизнь. Н. П. Стрелюхова.— Кульджа наканунѣ сдачи. А. П. Сумарокова.— Страницы на золотомъ озерѣ. Н. М. Ядринцева. Кроме того печаталась астробіографія С. С. Шашкова.— Стихотворенія: Омлевскаго, Садовникова.— Корреспонденции изъ различныхъ городовъ Сибири, Туркестана, съ русскаго Сѣвера и изъ Китая. При газетѣ ведется общая хроника событій, мѣстная хроника и фельетонъ, печатаются торговля и биржевыя извѣстія.

Программа газеты въ 1883 году остается таже. Отдѣлъ корреспонденцій, научный и литературный будутъ расширены, благодаря скопившемуся въ рукахъ редакціи матеріалу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ РОССІИ: съ доставкой и пересылкой на годъ 8 р.; на 9 мѣсяц. 6 р.; на 6 мѣсяц. 5 р.; Заграницей 14 р. Новые подписчики на 1883 г. могутъ получать остающіеся экземпляры за 1882 годъ по 4 рубля.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, Надеждинская, д. 19, кв. 32, въ Томскѣ, въ редакціи «Сибирской Газеты» и въ Иркутскѣ, въ редакціи газеты «Сибирь» и типографіи Н. Н. Синицына. Статьи и письма адресуются въ редакцію: Поварской пер., д. 5, кв. 11.